

Гийом Прево

СЕМЬ МОНЕТ АНТИКВАРА

t.me/marketologmanager

1

УТРЕННИЙ КОШМАР

Кто-то пытался его задушить... Сэмюел чувствовал, как длинные узловатые пальцы сжимают ему горло. И главное: как ни старался, не мог разглядеть злодея. Сэм отчетливо видел снег, который падал с неба на крыши Брюгге, видел прохожих в белых набедренных повязках, не обращавших на него никакого внимания, — откуда вообще взялись все эти египтяне на зимних улицах Брюгге? — но лицо нападавшего оставалось неразличимым, будто выдутым из тончайшего стекла. Сэмюел вглядывался и вглядывался в прозрачные черты, и стеклянная голова вдруг стала постепенно покрываться тонким слоем блестящего металла: нос, щеки, лоб — всё лицо превращалось в зеркало с острыми краями. Сэм завороченно вытянул шею, ожидая увидеть свое отражение. Но страшное стекло в форме человеческой головы показало не самого Сэмюела, а его отца... Измученного, постаревшего, в череде бесконечных отражений, каждое из которых бормотало, устало шевеля губами:

— Спаси меня, Сэм!

Сэмюел протянул руку, чтобы помочь отцу, но ударился о прикроватную тумбочку. Проснулся весь мокрый и только через мгновение сообразил, что всё виденное было сном. Нет, не сном — кошмаром! Причём кошмаром вещим, ведь отпу и в самом деле грозит смертельная опасность!

Всё началось за двадцать лет до этого, в Египте. Аллан Фолкнер, отец Сэма, работал тогда на раскопках гробницы великого жреца Сетни. Там он наткнулся на небывалую находку — камень, позволяющий путешествовать во времени. Принцип работы был простой: чтобы активировать Камень, нужно было приложить к высеченному на нём изображению солнца монету с отверстием. Конечно, не первую попавшуюся, а особую, с магическими свойствами. Впрочем, на свете таких особых монет, похоже, существовало немало, и родом они были из разных эпох. Насколько

понял Сэм, отец за время той давнишней археологической стажировки совершил с помощью Камня несколько «путешествий», но потом вынужден был на много лет прервать эту практику. И не возвращался к ней до тех пор, пока несколько месяцев назад не открыл книжную лавку в старом квартале Сент-Мэри и не обнаружил там новый Камень — хотя вряд ли это было случайным совпадением.

А потом Аллан исчез — три недели назад... Надеюсь найти его в книжной лавке, Сэм заглянул в подвал и там наткнулся на Камень и Книгу времени. Книга представляла собой роскошное издание в красной обложке с богатым тиснением, и все страницы в ней были одинаковыми и показывали эпоху, в которую попал тот, кто последним использовал Камень. Благодаря Книге и нескольким путешествиям во времени Сэм определил точку во времени и пространстве, где находится его отец: средневековая Валахия, которой правит Влад Цепеш, кровавый тиран, прототип Дракулы! Отца во что бы то ни стало надо вырвать из когтей чудовища... Сэм резко сбросил одеяло и вскочил: на радиобудильнике горели цифры 6:42. Вообще-то сейчас были каникулы, но, учитывая обстоятельства, это не имело никакого значения. Судьба распорядилась так, что Сэмюел сам стал «путешественником»: скитался по просторам времени в поисках отца. Он побывал в монастыре на острове Айона во время нашествия викингов, в окопах Первой мировой войны, в Египте в дни правления фараонов, а потом — в городе Брюгге, который теперь снится ему в кошмарах, где время окончательно перепуталось. Кстати говоря, по его собственным наблюдениям и подсчетам, время в прошлом текло в семь раз быстрее, чем в настоящем. Это означало, что, пока здесь, в Сент-Мэри, тянулся один день, в прошлом пролетала целая неделя. Таким образом Аллан, попавший в плен к Владу Цепешу двадцать дней назад, уже несколько месяцев томился в тюремной камере в компании крыс и насекомых. Сэмюел живо представлял себе, как отец, болезненно исхудавший, лежит свернувшись на клочке сырой соломы, из последних сил отталкивает от себя прожорливых грызунов и пытается слизнуть влагу, выступающую на каменных стенах. Долго ли он так протянет?

Сэм потер глаза и, как каждое утро, аккуратно разложил перед собой те несколько вещей, с помощью которых надеялся спасти Аллана. Рядом с Книгой времени, которую он каждый раз брал в руки

с большой осторожностью, лежал пакетик с тремя монетами для запуска Камня. Одна из них была старинная, с потемневшим изображением змеи. Вторая выглядела поновее, ее украшала арабская вязь, а третья была вообще из пластмассы и напоминала игровой жетон. Сэм достал из-под пакетика лист бумаги, на который переписал слова из старинного тома, попавшегося ему на глаза во время последней «экскурсии» в доме у некоего Клуग्га, алхимика из Брюгге. Текст изначально был на латыни, но двоюродная сестра Сэма, Лили, с которой они в последнее время очень сдружились, сделала доброе дело и перевела его:

ТОТ, КТО СОБЕРЕТ ВСЕ СЕМЬ ЖЕТОНОВ,
СТАНЕТ ВЛАСТЕЛИНОМ СОЛНЦА. ЕСЛИ
ОН СМОЖЕТ ЗАЖЕЧЬ ШЕСТЬ ЛУЧЕЙ, ЕГО
СЕРДЦЕ ПРЕВРАТИТСЯ В КЛЮЧ,
ОТПИРАЮЩИЙ ВРЕМЯ. И ТОГДА ОН ПОЗНАЕТ
БЕССМЕРТНЫЙ ЖАР.

Конечно, на первый взгляд, полная чушь, но Сэму, который стал большим специалистом в деле поиска монет, данный текст дарил надежду. Главной его проблемой было то, что он не умел контролировать дальность прыжков во времени: иногда его перебрасывало на пятьдесят лет, а иногда и на пять тысяч. Как же при таком раскладе помочь отцу? Древний текст утверждал, что для обладания «ключом, отпирающим время» — то есть для того, чтобы самому выбирать, в какую эпоху отправиться, — требовалось собрать семь монет и разместить их следующим образом: одну, указывающую желаемое направление, следовало расположить в центре высеченного на камне солнца, а шесть остальных — в прорезях, изображающих шесть расходящихся лучей. Семь монет... Вот что нужно, чтобы найти отца! Ну и последним предметом, о котором размышлял Сэм, был фотоальбом, добытый Лили в библиотеке: «Бран, замок Дракулы». В книге говорилось о замке Влада Цепеша, и Лили нашла там одну очень интересную иллюстрацию. На фотографии была изображена тюремная камера, и на стене кто-то накарябал слова: «ПОМОГИ МНЕ, СЭМ». Это без сомнений было послание от Аллана. Отчаянный сигнал SOS, отправленный шесть веков назад из мрачной темницы. Автор фотоальбома не скрывал собственного удивления и прокомментировал

фотографию так: «Во время реставрационных работ в подвалах Брана ученые обнаружили странное граффити. Анализы показали, что надпись была сделана много веков назад. Самое удивительное в находке то, что слова написаны на английском: возможно ли, чтобы во время одной из военных кампаний Влад Цепеш взял в плен подданного английского короля? И кто такой этот Сэм, к которому обращается автор послания? Так или иначе, надпись является лишним подтверждением того, что в плену у правителя Валахии жилось несладко!»

Как следует поразмыслив, Сэм пришел еще к одной догадке. По какой-то причине Влад Цепеш решил не убивать Аллана сразу: он бросил его в подземную темницу, и это давало Сэму робкую надежду на то, что отца еще можно найти живым. С другой стороны, раз Аллан написал эти слова, значит Сэмюел — единственный, кто способен вытащить его оттуда. Аллан верил в своего сына, верил отчаянно, без оглядки, и от этого ноша ответственности на плечах мальчика становилась еще тяжелее. Они будто поменялись ролями: теперь Сэму нужно было заботиться об отце. Их разделяла целая вечность, но каждое утро Сэм мысленно повторял свое обещание: он выручит отца, чего бы это ни стоило.

Сэмюел аккуратно сложил сокровища в картонную коробку и убрал в дальний угол шкафа, после чего натянул штаны — надо пойти позавтракать. Он думал, все еще спят, но в кухне, склонившись над миской хлопьев, сидела Лили.

— Ты уже проснулась? — удивился Сэм.

— В пять утра, — вполголоса ответила она, жуя хлопья. — Приснился страшный сон.

Еще бы!

— Какой? — поинтересовался Сэм, щедро вытряхивая в тарелку кукурузные хлопья.

— Да бред полный... Помнишь Нельсона, брата Дженнифер? Мне приснилось, что мы сидим у них дома, возле бассейна, и вдруг Нельсон начинает таять, как мороженое! Сначала ноги стали мягкими, потом руки. Дальше голова, такая, потекла! Дженнифер начала бегать туда-сюда, искать лед и звать маму, а он всё тает и тает! В итоге остался только маленький голубой комочек, у него футболка была такого цвета. Чушь, да?

Сэмюел окунул ложку в молоко.

— Может, и не чушь, — ответил он, чтобы подразнить сестру. — Может, ты тайно мечтаешь, чтобы Нельсон при виде тебя таял!

Лили даже покраснела от злости.

— Вот спасибо! Нельсон — тупой как дерево! У него предложений длиннее четырех слов вообще не бывает, а вся комната завешана плакатами с оружием. Ты думаешь, я могу влюбиться в человека, который обклеивает стены автоматами? К тому же он страшный.

Сэмюел сдержал улыбку. Лили было двенадцать, она классно выглядела, но Сэм ничего не знал о том, что происходит у нее на любовном фронте. Впрочем, если бы он спросил, она бы послала его куда подальше. Тем более что у самого Сэмюела на этом самом фронте дела обстояли так себе. Целых три года он не мог решиться позвонить в дверь к Алисии Тоддс — лучшей девушки на свете. И когда два дня назад наконец снова ее увидел, она сидела в обнимку с наглым здоровенным блондином. Круто!

— А ты чего вскочил? — спросила Лили, снова переходя на шепот. — Не спалось?

— Проснулся и думал об отце. Надеюсь... Надеюсь, он жив.

Лили уверенно кивнула.

— Помнишь, что говорит бабушка?

— Бабушка не знает, что происходит, — ответил Сэм. — Мне надо самому туда попасть. А для этого...

Ложка Сэма на мгновение зависла в воздухе.

— ...нужно найти остальные монеты, Лили. Как минимум четыре. Тогда я смогу его вернуть.

— Кстати! — шепотом воскликнула Лили, наклоняясь к нему поближе. — Раз уж ты заговорил о монетах, я тут вот о чём подумала. Барнбойм...

— Барнбойм? Тот тип, которому когда-то принадлежала книжная лавка? Говорят, к нему в дом приходили какие-то странные люди... Но всё это было сто лет назад! Теперь-то какая польза от этого Барнбойма?

Лили как ни в чём не бывало продолжала:

— В музее Сент-Мэри хранится много вещей, которые он подарил городу. Когда мы со школой туда ходили, на некоторых стендах с экспонатами было написано: «Подарено Г. Барнбоймом». Я тогда еще

удивилась — у тебя ведь как раз улица так называется. Я, конечно, могу ошибаться, Сэм, но, по-моему, там были и монеты...

— С отверстиями?

— Прости, пожалуйста, но я впервые в жизни заинтересовалась монетами десять дней назад, а уж про монеты с отверстиями раньше вообще не знала! Сходи туда сам и посмотри.

— Монеты Барнбойма! — воскликнул Сэм. — Музей! Лили, ты голова!

Лили приложила палец к губам:

— Тс-с! Весь дом перебудешь!

— Но ведь это правда гениально, Лили, — продолжал он чуть тише. — Если Барнбойм жил в доме с Камнем, то наверняка путешествовал во времени! Поэтому-то вокруг него и околачивались всякие странные типы. Вполне возможно, что после его смерти остались монеты, и если он их...

Сэм не успел закончить фразу, поскольку на пороге возникла тетя Эвелин в халате безумно-электрического фиолетового цвета.

— Лили, что происходит?! — взвизгнула она. — Ведь я, кажется, запретила тебе общаться с братом? Или я говорю на каком-то непонятном языке? Ты, может, забыла, что три дня назад он украл твой телефон? Болтается неизвестно где и с кем — и не желает ничего объяснять! Или ты решила тоже стать как он? Если тебя ни на минуту нельзя оставить без присмотра, ты немедленно отправляешься в лагерь «Дедлейк»!

Тетя Эвелин, мать Лили, была исполнена неугасимой страсти к жесткой дисциплине: лагерь «Дедлейк» славился суровыми воспитателями и представлял собой девчачий вариант того исправительного учреждения, которым Эвелин уже несколько дней грозила Сэму, — отправить его в подобное место было бы неплохим способом уберечь дочь от пагубного влияния двоюродного брата.

— Да что я сделала? — запротестовала Лили. — Просто сижу и завтракаю!

— Тогда почему вы шушукаетесь, а? Что там он тебе рассказывает? Может, теперь ему понадобился твой браслет? Или цепочка? Ты слышала, что говорит Рудольф? Сэмюел ступил на скользкий путь, и я не удивлюсь, если завтра выяснится, что он принимает наркотики!

— Эвелин, перестань! Что ты такое говоришь!

На шум голосов по лестнице торопливо спускался дедушка. Волосы всклокочены, пуговицы на пижаме застегнуты вкривь и вкось — бабушка сказала бы: пристегнул к среде субботу!

— Что я говорю?! — заорала Эвелин еще громче. — Этот проходимец пытается втянуть Лили в какую-то темную историю! Стоит мне отвернуться, они тут же о чём-то шепчутся!

— Успокойся, — твердо велел дедушка. — Они дети!

— Ну конечно! Давай, защищай его! Точно так же, как Аллана! Вы с мамой вечно его выгораживали! Ах, наш бедный милый мальчик, да? Ему тоже всё дозволялось! Возвращаться незнамо во сколько, тащить в дом всякую дрянь, учиться с грехом пополам... — всё неважно! В то время как мне...

Она едва не задыхалась от ярости.

— И чем это закончилось, а? К чему привела эта ваша вседозволенность? Он исчез! Испарился! И вдобавок ко всему взвалил вам на шею своего сына! Вы с мамой никак не хотите понять, что Сэмюел вот-вот пойдет по его стопам! Просто закрываете глаза и ничего не желаете видеть!

Она вихрем вылетела из кухни, размахивая фиолетовыми рукавами, и по пути едва не сбила с ног дедушку. Сэмюел никогда не испытывал слишком нежных чувств к своей психованной тете, обозленной, кажется, на весь белый свет (конечно, за исключением Рудольфа, ее нового возлюбленного, с которого тетя не сводила обожающих глаз), но сейчас она вообще загнула. Если бы была такая возможность, Сэм с радостью отправил бы тетю вместе с ее дурацким халатом в подвал замка Бран на место отца. Дракуле наверняка нравился фиолетовый цвет...

2

КРАЖА СО ВЗЛОМОМ

Внутри динозавра барионикса^[1] пахло клеем и свежей краской. Зверь был три метра в высоту и примерно десять — в длину. В темноте пенопластовые выпуклости внутренней отделки напоминали свернутые в запутанный клубок кишки. Сэмюел сидел скрючившись в глубине чудовища — там, где живот сужался и превращался в длинный полимерный хвост, конец которого отсюда было не разглядеть. Он сидел здесь уже два часа, устроившись рядом с серым пластиковым яйцом — свидетельством того, что барионикс был, видимо, самкой. Правда, не слишком красивой: с расплющенной крокодильей мордой и уродливыми передними лапами — короткими и когтистыми. Устрашающий экспонат поставили тут, конечно же, для того, чтобы заманивать в музей юных обитателей Сент-Мэри, которым в жизни не хватало ярких ощущений.

Найти надежное укрытие оказалось не самой трудной задачей; куда сложнее было уговорить бабушку выпустить его из дома. После ора тети Эвелин утро прошло очень мрачно, и члены семьи Фолкнер старались не попадаться друг другу на глаза. За обедом, который, несмотря на отъезд Эвелин, проходил непривычно тихо, Сэм рассказал, что друг Гарольд приглашает его переночевать, чтобы отпраздновать начало каникул. Бабушка попыталась протестовать, но дед пришел внуку на помощь, заявив, что Сэмми заслужил награду за победу в недавнем турнире по дзюдо. Победа эта, кстати говоря, была совершенно неожиданной, и Сэм никому не рассказывал, как такое вообще стало возможно.^[2] Разрешение на ночевку вне дома он получил лишь после того, как дал два обещания: он позвонит домой около одиннадцати вечера, и оставшуюся половину сегодняшнего дня они с Гарольдом проведут в музее Сент-Мэри. «Ну ладно, уж если в музее...» — капитулировала бабушка.

На самом деле Сэм ни о чём не договаривался с Гарольдом. Ограничился тем, что послал эсэмэс с просьбой притвориться, будто

Сэм действительно пришел к нему на ночевку, если бабушка вдруг позвонит. Сразу после этого Сэмюел отправился в музей и изучил его вдоль и поперек. Гэри Барнбойм действительно подарил городу немало предметов разной степени древности — золотые столовые приборы, шляпы XVIII века, зуб мамонта, хрустальную чашу, якобы принадлежавшую мореплавателю Жаку Картье,^[3] ожерелье ацтеков... Сувениры из путешествий в прошлое?

В зале нумизматики дары Барнбойма занимали половину выставочной витрины. Монеты были из разных стран и эпох, и у пяти из них имелось отверстие в середине и даже размер более-менее подходящий. Пять! Сэмюел чуть не заорал от счастья: вот-вот у него в руках будет всё, что нужно для спасения отца!

Он внимательно обследовал помещение, осмотрел камеры в коридорах и пришел к выводу, что система видеонаблюдения здесь довольно примитивная. Большой ценности монеты не представляли, так что не было причины охранять их как-то особенно тщательно. И потом, если он не в состоянии одолеть два замка и три видеокамеры, как же он собирается в один прекрасный день взять штурмом замок Бран?

Сэмюел пошатался рядом с кассами и комнаткой охраны (всего он насчитал в музее восемь охранников) и вернулся в зал палеонтологии, где заметил барионикса под брезентовой накидкой. Экспонат был закрыт на ремонт: руководство музея решило воспользоваться школьными каникулами, чтобы привести в порядок одну из главных достопримечательностей: дети поднимались по одному из боков зверя и, пройдя несколько метров по внутренностям, выезжали наружу по небольшой горке. *Попробуй стать обедом барионикса!* — приглашала вывеска. А ниже значилось: *Барионикс («мощные когти»); подотряд: тероподы; вес: 1,8 тонны, длина... и т. д.* Тысячи пар детской обуви и любопытных пальцев изрядно помяли чудовищу брюхо, и теперь барионикс нуждался в косметическом ремонте.

Сэмюел дождался закрытия и, когда к восьми вечера музей опустел, улучил укромный момент и проскользнул под брезент. Охранники начали вечерний обход залов, но не стали утруждать себя изучением внутренностей мадам Барионикс. Сэм чувствовал себя так, будто сидит в доисторической версии троянского коня...

Через полчаса в соседнем помещении хлопнула дверь. Сэм поспешно опустил край брезента, который держал приоткрытым, чтобы не задохнуться. Двое ночных сторожей зажгли свет и, беседуя, прошли совсем рядом.

— И бариониксиху всё никак не доделают... Похоже, художник не вернется, пока ему не заплатят.

— В кассе ни копейки, — отозвался второй голос. — Директор говорит, муниципалитет не будет увеличивать финансирование. Понятно, для привлечения публики нужны новые экспонаты. Но откуда деньги-то взять? Читал в газете про греческую штуковину, которую продали на аукционе в Лондоне? Пуп земли^[4] или как-то так называется... Купили за десять миллионов долларов! Представляешь, наш музей — и десять миллионов долларов!

— Да уж... Сейчас еще немного поувольняют сотрудников, чтобы сократить расходы, — и, может, наскребут на аукцион!

Продолжая сетовать на горькую судьбу музея, они пересекли зал и наконец вышли через другую дверь и закрыли ее за собой. Сэм снова остался один. Он проглотил два шоколадных батончика с орехами и карамелью, которые предусмотрительно купил в автомате, и стал ждать следующего обхода. Охранники прошли через зал снова спустя час с четвертью — на этот раз они сравнивали достоинства своих любимых хоккейных команд: один был горячим поклонником «Рокетов», а другой — страстным болельщиком «Найтсов». Сэмюел едва удержался, чтобы не вмешаться, потому что сам-то он считал самой сильной команду «Осеаник», особенно когда их бомбардир Сидни Кросби^[5] был в форме. Но если бы мадам Барионикс внезапно высказала свое мнение относительно хоккейных команд, у обоих охранников мог, пожалуй, случиться удар...

Сэм взглянул на часы. Было уже начало одиннадцатого, в его распоряжении имелось примерно пятьдесят минут на осуществление плана: добраться до зала нумизматики, придумать, как достать из-под стекла монеты, вернуться в желудок динозавра и терпеливо дожидаться завтрашнего открытия. Вроде бы вполне выполнимо...

Убедившись, что охранники отошли уже достаточно далеко и ничего не услышат, Сэмюел выбрался из укрытия. Он включил мобильный телефон и попытался сориентироваться, подсвечивая себе экраном. Велоцираптор — справа, трицератопс — слева, теперь

повернуть направо в сторону касс и дойти до зала местной истории, а оттуда до монет уже рукой подать.

Погруженный во тьму, музей выглядел мрачновато и напоминал старый дом с привидениями — казалось, вот-вот один из угрожающих силуэтов спрыгнет с пьедестала и набросится на тебя.

«Так, спокойно, — сказал себе Сэм. — Тут нет никого живого, одни только старые музейные экспонаты, пыльные и безобидные».

Хотя...

Когда Сэмюел толкнул дверь, ведущую в первый коридор, ему показалось, будто он услышал звон ключей или какого-то другого металлического предмета. Он спрятался за статуей Посейдона с острым трезубцем в руке. Возможно, один из ночных сторожей что-то забыл... Что делать? Возвращаться обратно слишком рискованно: открывать дверь, откидывать брезент... Сэм задержал дыхание и постарался сделаться совсем маленьким и незаметным. Чуть слышно скрипнул паркет, в соседнем зале мелькнул луч фонарика, и больше ничего. Сэмюел мысленно досчитал до ста и наконец выпрямился. Опасность миновала.

Придерживаясь стены, он двинулся дальше и скоро без проблем добрался до зала местной истории. Всё, что когда-либо происходило в Сент-Мэри, было отражено на больших стендах, между которыми стояли манекены в исторических костюмах, представлявших разные эпохи жизни города. Проходя мимо фермерши, которая выливала из кувшина молоко, Сэм увидел, как в десяти метрах от него, в зале нумизматики, мелькнула чья-то фигура. Силуэт склонился над одной из витрин, и под его руками что-то чуть слышно заскрежетало. Сэмюел прижал телефон экраном к себе, чтобы спрятать свет, и как раз в этот момент устройству вздумалось позвонить. Точнее, не позвонить, а завибрировать, потому что Сэму хватило ума отключить гитарный рифф, служивший ему звонком. Слава богу! Если бы не это, в тяжелой тишине зала местной истории звонок прозвучал бы так, будто одной из восковых фигур вздумалось включить электробритву!

Тень над витриной резко развернулась и направила свет фонарика на пухлые щеки фермерши. Сэм присел на корточки, попытавшись спрятаться за молочным кувшином, но было поздно: взломщик — тот, другой! — уже бросился на него. Он замахнулся фонариком, чтобы ударить Сэма, но мальчик ловко нырнул в сторону — спасибо

дзюдо! — и откатился к ногам воскового Гордона Свифта, первого и самого знаменитого мэра Сент-Мэри. Последовала яростная схватка, входе которой Сэм как мог уворачивался от кулаков и коленей противника. Оба изо всех сил старались не шуметь, чтобы не привлечь внимания охранников. Грабитель оказался физически очень мощным, и к дракам ему явно было не привыкать. К тому же он не только оделся в облегающее спортивное трико черного цвета, но еще и позаботился о том, чтобы скрыть лицо под капюшоном, а руки — под перчатками. Сразу видно, профессионал...

Стараясь за него ухватиться, Сэм порвал тонкую ткань трико, и в свете фонаря на плече взломщика мелькнула странная татуировка — нечто вроде буквы U с расширяющимися концами, а в середине — круг. Грабителю, похоже, не понравилось, что его вещи портят, и он принялся размахивать руками и ногами с удвоенной яростью. Наконец ему удалось вцепиться в шею Сэма, и он торжествующим выдохом сжал горло жертвы.

«Сон! — вспомнил Сэмюел, ловя ртом воздух. — Противник без лица!»

Образ из недавнего кошмара оказал на Сэма неожиданно бодрящее действие. Нет, вы только посмотрите, этот подлец пытается его задушить уже второй раз за сутки! Сэм изо всех сил толкнул противника бедром и отбросил прямо под ноги славного Гордона Свифта, который тут же рухнул на спину. Раздался звон разбитого стекла и вой сигнализации — такой оглушительный, будто город подвергся ядерной атаке. В коридоре вспыхнул свет. Вор вскочил на ноги. Сэм, оглушенный и полузадушенный, успел заметить, как черная фигура в капюшоне метнулась прочь, на мгновение задержавшись в соседнем зале. Рев сирены стал тише, зато теперь слышались крики:

— Он направляется к кассам! Скорее!

Охранники пробежали мимо, не задерживаясь в зале местной истории. Сэм заставил себя подняться: возможно, еще удастся выкрутиться. Он бросился к витрине с монетами Барнбойма: она была настежь открыта, замок взломан...

— Черт! — прошипел мальчик.

Он быстро оценил положение: все монеты с отверстием исчезли, кроме одной, которую взломщик, судя по всему, просто не заметил.

Значит, человек в черном пришел сюда за тем же, за чем и Сэм. Два грабителя на одну добычу!

— Он побежал к служебному входу, — крикнули за стеной.

Сэм понимал, что охранники непременно вернуться и перероют весь музей от пола до потолка. В бариониксе прятаться больше нельзя. Надо уходить. Немедленно.

Сэмюел сунул монету в карман и выглянул в коридор. Пусто. Пригнувшись пониже, он осторожно двинулся в том же направлении, куда убежал грабитель. Сирена замолчала, и голоса доносились приглушенные, будто в фойе больше никого не было. Добравшись до касс, Сэм огляделся. Служебная дверь находилась рядом с гардеробом. Она вела в темный коридор, из которого потянуло прохладным воздухом: выход! Снаружи доносились крики охранников:

— Стой! Держи вора! Ограбление!

Сэмюел выскользнул в коридор и вскоре нащупал на правой стене дверную ручку. Нажал на нее. Судя по запаху, подсобка для сбора мусора. Мальчик ввалился внутрь и опрокинул ведро со шваброй. Сердце бешено колотилось — *ба-бам, ба-бам*, — и всё тело ломило так, будто по нему проехался поезд!

Три минуты спустя охранники, выбившись из сил, прибежали обратно: они так и не догнали грабителя в черном!

— Я... Я звоню в полицию, — задыхаясь, проговорил один. — А ты попытайся выяснить, что пропало...

Они прошагали по коридору, не обратив внимания на приоткрытую дверь подсобки. Теперь Сэм мог выбраться из укрытия и преодолеть последние метры, отделявшие его от свободы. Воздух! Сэмюел перелетел через крыльцо, перемахнул через газон и бросился к ближайшему перекрестку. Несколько раз свернул наугад и бежал без оглядки, пока не убедился, что музей остался далеко позади.

И только тут он заметил, что потерял мобильный телефон.

СЕМЬ МОНЕТ

Сэмюел, поморщившись, задернул шторы книжного магазина. Каждый раз, когда он поднимал руку, казалось, будто по спине бьют топором. Малоприятное ощущение... Всё тело представлялось одним большим комком боли. К счастью, лицо почти не пострадало, если не считать огромного синяка, который уже начал желтеть, под правым глазом. Но и этого было достаточно, чтобы бабушка забросала его тревожными вопросами. Почему он не стал ночевать у Гарольда? Почему не позвонил в 11, как обещал? Из-за чего вернулся в таком виде? И так далее. Сэм объяснил, что они допоздна катались в скейт-парке, не заметили, как пролетело время, и нашли одну горку, которая оказалась, пожалуй, немного чересчур акробатической. Но в итоге ничего страшного не произошло, бабуль, всё в порядке!

Ага, конечно, в порядке.

Вчера, выбравшись наконец из музея, Сэмюел побежал на улицу Барнбойм с твердым намерением немедленно продолжить поиски. Первым делом необходимо было понять, какая связь существовала между вчерашним похитителем, его таинственной татуировкой и монетой, оставленной в витрине. Монету Сэм сжимал в кулаке: она была очень старая, изображение почти стерлось, но всё же по обе стороны от центрального отверстия можно было разобрать расходящиеся концы символа, похожего на букву U.

Иными словами, изображение на монете почти с точностью повторяло татуировку на плече человека в черном. Совпадение? Конечно, нет.

Сэм искал странный символ в интернете, но четкого ответа не получил. Почему-то мальчик не сомневался, что думать следует в направлении древнего Египта. Может, это нечто вроде иероглифа? В отцовском магазине наверняка найдется сколько угодно книг на эту тему. Прекрасный повод отправиться туда и немного порыться на книжных полках — раньше у него всё руки не доходили. К тому же неплохо будет оказаться поближе к Камню. Зашторив окно от посторонних взглядов, Сэм тщательно исследовал полки с книгами по истории. Целых три стеллажа оказались посвящены Египту, на них стояли толстые книги, словари, альбомы по искусству. Перебрав несколько томов, он нашел кое-что подходящее: «Энциклопедию фараонов XIX века до н. э.». В главе под названием «Египетский пантеон» говорилось, что странная U с кругом посередине в действительности представляет собой пару рогов с солнечным диском между ними. Этот рисунок служил символом многим богам и богиням (например, богине Исиде-Хатхор^[6]), которые носили его в качестве головного убора. Подробнее про это в книге не рассказывалось, но Сэмюел нашел подтверждение своей догадке: древний Египет, боги, солнце — всё это наверняка имеет отношение к Камню!

Убирая энциклопедию на полку, Сэм заметил небольшой томик в черной обложке. Тот явно стоял не на своем месте: это был роман автора, чье имя Сэмюел прекрасно знал: Уильям Фолкнер — один из величайших американских писателей двадцатого века. Фолкнер... Аллан его обожествлял и сожалел, что они всего лишь однофамильцы и никакие родственные узы не связывают его с тем, кого он называл «одним из семи литературных чудес света». Что же до названия романа, то оно было на удивление уместным: «Незванный гость»^[7] — совсем как эта книга на полке с трудами по истории!

Сэмюел наугад раскрыл томик и обнаружил, что на самом деле это вовсе не книга, а блокнот, из которого вырваны первые страницы. Немало — штук пятьдесят, судя по количеству оборванных краев у переплета. Потрясающе! Книга, под обложкой которой скрывается блокнот, да еще и с оторванными страницами! Сгорая от любопытства, Сэм принялся листать записную книжку: пусто, пусто, опять пусто, и

вот, на последней странице — несколько слов, нацарапанных отцовской рукой. Похоже на список покупок или перечень важных дел:

Merwoser= 0
CalafeAl-Hakim, 1010
\$1000 000!
Xerxes, 484 г. до н. э.
LevelOne— начало
V. = 0
Izmit, примерно 1400
Ispahan, 1386

А внизу, подчеркнутое двойной линией, стояло одно короткое слово:

Bran

Бран — замок Влада Цепеша! Значит, отец в самом деле отправился именно туда! Причём, судя по всему, пункт назначения он выбрал сам, ведь его название черным по белому было записано в блокнот!

Дрожа от волнения, Сэмюел несколько раз перечитал список, но смысл уловить никак не удавалось. То ли это зашифрованное послание, то ли спешное перечисление этапов какого-то исследования. Даты, экзотические названия, цифры... Сколько он ни ломал голову, ничего не выходило.

— Папа, слушай, — воскликнул он. — Ты не мог бы для разнообразия выразаться попонятнее?

— Разговариваешь сам с собой? — раздался вдруг за спиной знакомый голос.

Сэм резко обернулся.

— Лили! Ты... ты тут?

— Мы же договаривались, забыл? Уже одиннадцать, если ты не заметил!

— Да, точно! Я задумался... Ты уверена, что за тобой никто не шел?

— Я влезла через окно, которое выходит в сад, как ты и просил в письме. Ну у тебя и лицо! Это оттого, что о тебе пишут газеты?

Лили протянула ему «Вестник Сент-Мэри», местную вечернюю газетенку, которую сложила в восемь раз, чтобы засунуть в карман джинсов. Поперек первой полосы тянулся заголовок: «Удивительное ограбление в музее Сент-Мэри». Сэмюел пробежал статью глазами, не узнал из нее ничего такого, чего не знал бы сам, и с огромным облегчением обнаружил, что про его мобильник в газете ничего не сказано. Возможно, во время драки телефон залетел в такой темный угол, что никто его там не нашел? «Неясным остается мотив, — писал автор статьи в заключении. — Стоило ли тратить так много усилий ради нескольких монет, не представляющих особой ценности?»

— Не представляющих особой ценности для журналиста «Вестника», — буркнул Сэм.

— Ладно, Сэмми, расскажи, как всё было на самом деле.

Они уселись на диванчики, которые, по мнению отца, должны были создавать в магазине атмосферу уюта и приглашать посетителей (если тем каким-то чудом взбрело в голову сюда заглянуть) присесть и насладиться чтением. Сэмюел подробно и обстоятельно изложил Лили всё, что с ним приключилось. Сестра внимательно выслушала и, когда Сэм договорил, мрачно кивнула.

— Есть идеи, кто бы это мог быть?

— Я... я точно не знаю, но есть одна теория.

— Теория?

— Помнишь, мы читали про египетскую экспедицию двадцатилетней давности, во время которой отец обнаружил Камень? В раскопках гробницы Сетни принимал участие еще один практикант, папин ровесник. Насколько я понял, он тогда тоже надолго исчез ни с того ни с сего.

— И что?

— Возможно, этот тип и отец нашли Камень вместе и пользовались им вдвоем.

— Двадцать лет назад...

— Да, но три недели назад, когда отец пропал, на автоответчике в книжном появилось странное сообщение. Голос, такой дребезжащий, как будто специально искаженный: «Аллан, ты меня слышишь? Черт возьми, не валяй дурака, сними трубку!» И он не сразу отключился, подождал и потом добавил: «Окей, я тебя предупредил». Он говорил с угрозой, я уверен.

— И что ты об этом думаешь?

— Ему зачем-то понадобился мой отец. И уж точно не для того, чтобы продать ему пылесос или застраховать жизнь. К тому же он обращался к нему на «ты»...

— По-твоему, это тот самый практикант из Египта? И в музее тоже был он?

— Это только предположение, но другого у меня пока нет. Он с самого начала всё знал и уже пользовался Камнем раньше. Почему бы ему было не раздобыть отцовский адрес и не попытаться с ним связаться? А может, он просто услышал, что говорят о Барнбойме, и решил заглянуть в музей Сент-Мэри. Или и того хуже: что если он следил за мной?

— Следил за тобой?! — ахнула Лили.

— Я уже две недели почти каждый день сюда прихожу. Что ему стоило найти меня и проследить?

— Так ты поэтому задернул шторы и попросил меня войти с заднего двора?

— Просто меры предосторожности.

— Слушай, но если книжная лавка под наблюдением, зачем назначать встречу именно здесь? Ведь есть столько укромных мест!

Сэмюел невесело улыбнулся.

— Потому что мне пора в путь.

— Шутишь?

— Как-то, знаешь, не до шуток сейчас. Надо немедленно стартовать, и ты должна мне помочь...

— Но я думала, пока ты не соберешь все семь монет, с отцом тебе встретиться не удастся. У тебя же их всего четыре!

— Вместе с той, что я подобрал в музее, — да, четыре. Но не забывай о Барнбойме. После смерти он оставил не меньше шести штук. А великий жрец Сетни? На раскопках его гробницы в Фивах археологи обнаружили монеты, отлитые через две или три тысячи лет после того, как гробница была достроена и замурована. Об этом много говорили: как средневековые турецкие ливры могли оказаться в древнеегипетской усыпальнице? И всё же Сетни где-то раздобыл эти монеты разных исторических периодов! Я уверен, что, путешествуя во времени, тоже смогу насобирать их сколько нужно.

— Подожди, — перебила Лили. — Ты сам говорил, что для того, чтобы вернуться, понадобится новая монета. А если она тебе не встретится? Как ты будешь возвращаться? Представляешь, какой это риск? Ведь однажды из-за этого ты уже чуть не остался в Брюгге, помнишь?

— На этот раз я подстрахуюсь. Возьму с собой запасную монету, положу ее в нишу в Камне — ту, в которой можно перевозить предметы. И тогда, как бы ни сложились обстоятельства, у меня всегда будет при себе страховочный жетон, и я в любой момент смогу вернуться назад. Если, конечно, ты будешь держать Книгу времени при себе и часто обо мне вспоминать.

Лили медленно кивнула, сдаваясь. Она взяла в руки большой том в красной обложке и наугад раскрыла. На каждой странице были одни и те же гравюры с изображением Брюгге в 1430 году — с крепостной стеной и остроконечными башнями. Как сделать так, чтобы Сэм никуда не улетал? Рассказать обо всем дедушке и бабушке? В глубине души Лили понимала, что у брата просто нет выбора... А еще она знала, что вернуться он сможет, только если здесь, в настоящем, кто-нибудь будет часто о нём вспоминать. Что это за странная сверхъестественная сила, она и сама не понимала. Но в этой безумной истории вообще мало что было понятно. И Сэм мог довериться только ей, больше никому!

— Но если на обратном пути ты воспользуешься запасной монетой, ты ее потеряешь, правильно?

— Да, а если останусь здесь и буду плевать в потолок, отец там в прошлом погибнет. Мне необходимо отыскать все семь монет, Лили, во что бы то ни стало.

— Ладно, — вздохнула она, смирившись с решением брата. — Иди переодевайся, встречаемся внизу.

Сэмюел поднялся на второй этаж и через пару минут вернулся, одетый в штаны и рубаху из некрашеного льна невнятного фасона. Не самый стильный прикид. Но зато, в отличие от современных тканей, старомодную одежду можно было перемещать сквозь время: она не исчезала во время «переброса».

Лили ждала его в секретной части подвала, которую отец Сэма отделил перегородкой, чтобы надежно скрыть Камень. Девочка сидела на лимонно-желтом табурете — единственном ярком предмете в

спартанском интерьере комнаты, где из мебели были только этот табурет и раскладушка, а из освещения — выдавший виды ночник.

— Если Алисия Тоддс увидит тебя в этой пижаме, — хихикнула Лили, — у нее будет шок!

— Смейся-смейся! На, держи.

Сэм положил сестре на ладонь пластмассовый жетон и монету с черной змеей.

— Когда я исчезну, подберешь третью монету рядом с Камнем и положишь их на место, вместе с Книгой и блокнотом.

— Знаю, — кивнула Лили. — А ты, пожалуйста, пообещай, что будешь осторожен, ладно? Не лезь на поля сражений и держись подальше от злых алхимиков. Папе будет от тебя мало пользы, если ты застрянешь где-нибудь в прошлом...

— Договорились. Как только замечу викинга, сразу в кусты!

На самом деле Сэм лишь притворился спокойным и уверенным, чтобы зря не тревожить сестру.

— Ну, пора...

Сэмюел двинулся в темную часть комнаты — туда, где стоял Камень, еле различимый в тусклом свете. Он был овальной формы, примерно пятидесяти сантиметров в высоту, и с виду совершенно непримечательный — булыжник булыжником. Сэмюел опустился перед ним на колени, раздираемый бурей чувств. Предстоящее приключение одновременно страшило и манило его, но всё же тяга пересиливала страх. Он почувствовал, как монеты в руке стали нагреваться, будто невидимая волна накатила на них, обжигая. Началось...

Сэмюел решил положить в нишу для перевоза предметов монету, найденную в музее, а к солнечному кругу прижать ту, на которой была надпись на арабском. С еле слышным щелчком древний жетон идеально уместился в окружность. Откуда-то из глубины камня поднялся глухой гул, и пол подвала слегка задрожал. Сэмюел обернулся к Лили, но глаза уже заволокло туманом, и он разглядел лишь ее силуэт. Сэм положил ладонь на камень, и рука до плеча, а затем и всё тело вспыхнули жарким огнём.

4

ПАСТУХ ИЗ ДЕЛЬФ

Сэмюел стоял скорчившись на коленях, в траве, и всё тело болело так, будто сначала его подожгли, а потом со скоростью света катапультировали в неведомую даль. При этом никаких следов пламени ни на руках, ни на безупречно чистых рукавах рубашки не было. *Тот познает бессмертный жар*, говорилось в старой книге алхимика из Брюгге. «И желудок того будет вывернут наизнанку», — мысленно добавил Сэмюел, чувствуя, как кукурузные хлопья, которыми он позавтракал, изо всех сил рвутся обратно. Он сделал глубокий вдох, чтобы подавить приступ тошноты.

— Ага, опять ты!

Голос прозвучал у Сэма за спиной, и мальчик обернулся настолько быстро, насколько позволила его не самая удобная поза.

— Хотя нет, не ты! — произнес тот же голос с ноткой разочарования.

В десяти метрах от Сэма стоял молодой человек лет двадцати с черными кудрявыми волосами и с любопытством его разглядывал. Одет он был в грязную залатанную рубаху, подвязанную простой веревкой. В правой руке незнакомец держал сучковатую палку. Обуви на нём не было.

— Ты его сын? — продолжал юноша, прищурившись, будто пытался что-то припомнить.

Сэмюел отреагировал не сразу. Первым делом он рефлекторно поискал глазами Камень, который должен был находиться где-то неподалеку.

К счастью, тот действительно стоял поблизости, и монета из музея сияла в нише, словно лампочка. Сэмюел взял ее и медленно поднялся на ноги. Голова кружилась. Он очутился в довольно пустынной горной местности, где среди камней пробивалась скудная растительность, а внизу, у скал, шумело море. Интересно, какое?

— Эй! Ты что, язык проглотил?

Незнакомца явно раздражало молчание Сэма, но мальчик еще не успел прийти в себя. Послышалось блеяние, совсем рядом, на другой стороне холма. Выходит, этот человек — пастух?

— Простите, я... — начал Сэм.

Он запнулся, удивленный мелодичностью и красотой слова, которое он, благодаря очередному магическому свойству Камня, без труда и не задумываясь произнес на здешнем языке.

— Я... я немного заблудился.

Пастух посмотрел на него с недоверием.

— Так тебя твой отец прислал?

«Мой отец, — мысленно повторил Сэм. — Значит, это эпоха Влада Цепеша?»

Преодолевая легкое головокружение, он шагнул к молодому человеку.

— Ты знаком с моим отцом?

— Ну как знаком... Он тут на днях точно так же, как ты, появился.

Пастух указал рукой на Камень, наполовину заросший травой.

— А где он сейчас? — спросил Сэм.

— Если он тебя прислал, значит, ты, наверное, сам это знаешь.

— Да, конечно, — осторожно согласился Сэм. — Ну, то есть я знаю, но только приблизительно... А вот где конкретно — нет.

Молодой человек скрестил руки на груди.

— Если ты этого не знаешь, значит, он тебе не сказал. Если он тебе не сказал, значит, ты не его сын. А если ты не его сын...

Он секунду помолчал и продолжил:

— Дай мне две бараньих головы, и тогда я буду дальше с тобой разговаривать.

— Две бараньих головы? — ошеломленно переспросил Сэм. — Но у меня их нет!

— А он дал мне две бараньих головы! Если ты не дашь, значит, ты плохой. Если ты плохой, значит, ты не добрый. Если ты не добрый, то я с тобой не разговариваю. ^[8]

Тут Сэмюел понял, что этот парень хоть и старше его, а выражает свои мысли не лучше семилетнего. Пастух вдруг без предупреждения развернулся и бросился бежать, распевая:

— Да, да, он пришел! Вот ведь да, он пришел! Было дельце у него, было-было у него! Две бараньих головы он мне дал, он мне дал!

Хотя ноги у Сэмюела всё еще дрожали, ему пришлось поспешить следом.

— Эй, подожди! Я должен найти отца! Это очень важно!

Но пастух с легкостью скакал среди камней, и Сэмюел, не привыкший ходить босиком, скоро потерял его из виду — тот скрылся где-то за кустами. Наконец забравшись на вершину, Сэм увидел внизу пологий склон, на котором паслось штук тридцать коз. Все они подняли головы, когда услышали, что пастух несется к ним, горланя песню:

— Прекрасные бараны, сделал-сделал две сережки! Было дельце у него, потому и дал баранов!

Собака, охранявшая стадо, заметила Сэма и с лаем бросилась ему навстречу. Сэм замедлил шаг и крикнул пастуху:

— Эй! Мне нужно с тобой поговорить!

Собака, огромная зверюга с рыжей шерстью, остановилась в метре от Сэма и зарычала, а ее хозяин захлопал в ладоши:

— Ага! Аргос займется злодеем, который не хочет давать мне бараньи головы! Хороший пес, Аргос, молодец!

Но вопреки опасениям Сэма, собака не набросилась на него. Она медленно поднесла к нему морду, понюхала лодыжку и, когда мальчик протянул ей руку, легонько лизнула пальцы.

Поведение пастуха тут же изменилось.

— Ага! Молодец, хороший пес! Если вы с Аргосом друзья, значит, ты не злой! Может, ты и не сын своего отца, но ты хотя бы не злой! Хороший пес, Аргос!

Сэмюел стал дальше спускаться по склону в сопровождении собаки, которая бежала рядом, помахивая хвостом. Какая-то бессмыслица... Воздух был мягкий, небо — ярко-голубое, козы спокойно щипали травку, и всё вокруг походило на обыкновенную загородную прогулку прекрасным весенним днем. Вот только Сэмюел понятия не имел, в какой части света находится, а главное — в каком времени.

Когда Сэм спустился до того места, где находились козы, пастух обнял его, а потом пожал руку с таким воодушевлением, будто они были давними друзьями, которые много лет не виделись.

— Меня зовут Метакс. Я не знал, друг ты или нет. Но Аргос-то сразу понял, да? Иди за мной, я дам тебе молока и меда, поживешь у

меня в хижине. Ладно? Ты, наверное, что-то ищешь, да? Может быть, потом ты...

Его глаза сияли, и Сэмюел подумал: это же надо было лететь через века, чтобы в итоге наткнуться на деревенского сумасшедшего! Метакс напоминал ему одного попрошайку, которого он не раз встречал на улице Барнбойм. Тот, в зависимости от настроения, то оскорблял прохожих, то лез к ним с поцелуями. Однажды городская служба забрала его, и с тех пор он больше не появлялся. Темная история.

— Я ищу отца. Ты знаешь, где он?

— Ищешь отца? — переспросил пастух, расплываясь в широкой улыбке. — А может, это был вовсе и не твой отец? Если бы это был твой отец, он бы сказал тебе, где он.

— Влад Цепеш, — произнес Сэм. — Это имя тебе о чём-нибудь говорит?

— Влатсепеш? Странное имечко, клянусь бараньим рогом! Во всяком случае, нездешнее. А тебя самого как звать? Я свое имя сказал, теперь ты должен сказать свое.

— Э... Сэм.

Этот ответ несказанно обрадовал Метакса.

— Ага! Сэм! Сэм из камня! Самос, да-да, да здоровствует Самос! Ты голоден, Самос? Пошли в хижину, говорю же, я дам тебе молока и меда!

Не дав Сэму ответить, он свистнул, сунув в рот два пальца, и созвал животных, после чего бросился бежать по долине, выкрикивая что-то непонятное:

— Олдилой! Олдилой, хэй! Олдилой!

Аргос с лаем носился вокруг стада, и вся компания катилась вниз по склону на бешеной скорости. Да они тут все сумасшедшие — и пастух, и козы, и пес!

Через несколько секунд Сэмюел снова от них отстал, хотя не щадя исцарапанных ног скакал по каменистому склону, стараясь не потерять их из виду. Еще двадцать минут утомительного кросса — и он добежал до оливковой рощи, рядом с которой примостилась неказистая деревянная хижина. Козы разбрелись среди деревьев, а Метакс разводил костер. Больше на горизонте никакого жилья видно не было.

— Куда ты подевался, Самос? — вдруг заговорил он. — Я уж думал, ты залез обратно в свой камень!

— Просто за тобой трудно угнаться, — тяжело дыша, проговорил Сэм.

— Ага! Конечно, ведь я лучший пастух в Дельфах! Про меня прямо так и говорят: «Метакс бегаёт как ветер!»

Дельфы. Это название было знакомо Сэму, но откуда? Честное слово, в следующем году он будет внимательнее слушать учителя истории.

Молодой пастух вытер руки, перепачканные углем, и пристально оглядел гостя с головы до ног.

— Да ты, я смотрю, ничего не привез?

— Ничего не привез?

Метакс грустно покачал головой.

— Нет, для его сына ты слишком мало знаешь! Зачем ты тут, если ничего не привез?

— Чтобы его найти! Я же сказал!

— Вообще-то он был одет так же, как ты. Но лет ему было раза в три больше, да-да! Знаешь, у меня самого отца-то нет...

— Очень жаль, я...

— Вообще-то и матери тоже нет. Нет-нет, матери тоже нет.

— Я... Я тоже потерял мать, — признался Сэм, понемногу понимая, что вряд ли добудет здесь сведения, которые ему так нужны.

— Ты потерял мать? Как?

— Ну...

Как объяснить, что три года назад мама попала в аварию и умерла вскоре после того, как машина несколько раз перевернулась, выкатившись на обочину. Ведь он, похоже, попал в эпоху, когда еще и колеса-то не изобрели! Не говоря уж об автомобилях...

— Она упала. С высокого холма. Примерно вот такого.

— Великий Аполлон! — в ужасе вскричал молодой человек. — Холмы созданы для того, чтобы растить цветы и водить туда стада! Не для того, чтобы умирать! Ты, наверное, очень горевал, Самос! У меня было по-другому, я даже не знаю, о ком плакать: я никогда не видел своих родителей. Меня положили на ступени большого храма на двенадцатый день месяца Бисия.^[9] И там меня подобрали жрецы.

Жрецы, храм, Аполлон... Сэмюел, похоже, оказался где-то в Античности. Как жаль, что он никогда не умел отличать греческих богов от римских...

— Но оказалось, что городская жизнь не для меня, — вздохнул Метакс. — Жрецы мне так прямо и сказали: ты совсем как твои козы. Мне всего-то и нужно — небо, трава и чтобы собака была рядом. Зато пастух я отличный! Лучший в Дельфах! И лучших своих коз я всегда отдаю храму!

Сэмюел почувствовал, как сердце наполняется жалостью к Метаксу: нет, он не безумен, а просто бесконечно одинок.

— Я должен найти отца, — тихо произнес Сэм.

И пастух, похоже, сразу понял.

— Конечно, Самос, тебе надо найти отца. Мать-то ты ведь уже потерял... Давай, давай, заходи в хижину.

Он выхватил из костра ветку и зажег ею маленькую глиняную лампу у входа в хижину. Они вошли в скромное жилище, построенное из веток, грубо промазанных чем-то вроде глины. В лачуге было две комнаты, одну почти полностью занимала каменная печь, а другую, как объяснил пастух, он использовал для заболевших коз или для тех из них, кто должен был вот-вот родить. Окажись здесь тетя Эвелин, она бы точно достала из сумочки дезодорант: запах в хижине стоял примерно такой же, как рядом с обезьяньей клеткой в зоопарке Сент-Мэри. Метакс осветил кучу предметов в дальнем углу. На первый взгляд похоже было на свалку: ракушки, куски гнutoго железа, обрывки ткани... Но сам хозяин, похоже, ужасно гордился этим хламом.

— Я храню здесь свои сокровища! Смотри!

Пастух нагнулся и извлек из кучи обломки какого-то твердого зеленого материала.

— Вот, Самос, твой отец их оставил! Да-да, твой отец!

Сэмюел повертел обломки перед огнем: это явно был пластик. Куски зеленого пластика.

— И много у него таких было?

— Больше, чем у меня пальцев на руках! Это он уж потом всё растоптал, когда вернулся. И осколки этой странной глины были повсюду. Но я видел, как он это делал, я всё видел! Даже то, чего видеть не следовало!

— И что же ты видел, Метакс? Можешь рассказать?

Пастух помрачнел.

— Нет-нет, я должен молчать, я обещал. Молчать как могила, иначе...

Он бросил взгляд на выход, словно опасаясь, что за ними следят. А потом снова указал на куски пластика.

— Но их-то я могу тебе показать, Самос, правда? Это ведь не то же самое, что рассказать?

— Этот предмет отец привез с собой в Камне, да?

— Да-да, ты наверняка его сын, раз знаешь! Он явился с этим зеленым предметом!

— И с чем-нибудь еще?

Метакс помедлил, а потом, не отводя глаз от оливковых деревьев снаружи, выудил из кучи хлама металлический стерженек, который с неожиданной почтительностью протянул Сэму.

— Понимаешь, я слышал шум. Да-да, прекрасно слышал, и правым ухом, и левым! Такой шум могут производить только боги, это уж точно!

Сэмюел повертел стерженек в руках. Сверло. Сверло от дрели... Видимо, беспроводная модель. Такие можно подзарядить, и они работают без электричества. Интересно, что отец хотел сделать в этом мире с помощью дрели?

— Он дал тебе две бараньих головы, чтобы ты молчал, да?

Метакс зажал рот руками, будто ему было запрещено отвечать. Более ясного ответа и не требовалось.

— Так это тот самый зеленый предмет, который он привез, производил такой шум? А что-нибудь еще от моего отца осталось?

Пастух украдкой глянул в противоположную часть комнаты. Там, на раздолбанном деревянном сундуке (можно предположить, его выбросило на берег после кораблекрушения, подумал Сэм), лежало что-то вроде куклы в сером платье. Сэмюел взял лампу и подошел поближе. Кукла оказалась глиняной (предположительно женской) фигуркой высотой примерно в пятнадцать сантиметров. Лицо было едва намечено.

— Я слепил, — гордо сообщил Метакс.

— Она очень... очень красивая, ты молодец. Это женщина?

— Ну да. Только не просто женщина, а моя собственная мама!

— Твоя мама? Но ты ведь сказал, что не знал родителей.

— Это моя новая мама, да, та, которая меня защищает. Ну, то есть моя дельфийская мама. Иногда я пытаюсь пойти на нее посмотреть, но мне не очень разрешают... Когда я уйду, Аргос сам присматривает за стадом.

Речь пастуха становилась всё более бессвязной, словно «дельфийская мама» вывела его из равновесия.

— Как ее зовут?

— Ее нельзя называть... Ну, то есть настоящим именем нельзя. Это... это оракул, понимаешь?

— Оракул?

— Самос, ты что, не знаешь, кто такой оракул? Дельфийский оракул? Вот твой отец — он знал.

— Да-да, оракул, конечно! — закивал Сэм, хотя понятия не имел, о чём речь. — Просто я не ожидал. Оракул — это ведь не шутки!

— Еще бы! Но она меня очень любит. А вот это платье, — добавил он, поглаживая статуэтку, — его твой отец сделал. Он же умеет, да?

Отцу определенно для чего-то нужно было задобрить пастуха. И это не считая двух бараньих голов, которые он добыл незнамо откуда! Нет, ну правда, кто путешествует во времени с бараньими головами?

— Можешь ее подержать, если хочешь, — добавил Метакс. — Она тебе тоже поможет.

Сэмюел осторожно взял в руки фигурку с округлыми формами. Рубаха на кукле была выкроена из грубого льна, похожего на тот, из которого сшита одежда Сэма. Еще один знак. Возвращая оракула пастуху, Сэмюел заметил на ткани черточки и точки.

— Это мой отец нарисовал?

— А, да-да, это он. У него очень ловкие руки, очень ловкие. Показать?

Он развязал веревку, удерживающую рубаху на кукле, и протянул ткань Сэму. Развернув ее, тот обнаружил, что держит в руках прямоугольник размером примерно с машинописный лист с отверстиями для головы и рук. На ткани были нарисованы маленькие квадратики с точками и буквами, которые Сэм не мог расшифровать.

— Ты знаешь, что это означает?

— Ну нет, я читать не умею. Жрецы как-то пытались меня научить, но...

Рисунок напоминал ряды домиков со стрелками и непонятными подписями. Похоже на карту с названиями улиц. Сэмюел хотел было спросить, не может ли это быть какое-нибудь место в Дельфах, но тут Аргос оглушительно залаял. Метакс бросился к выходу: к хижине карабкались по холму несколько человек, вооруженных палками.

— Эй, Метакс, ты там? Не бойся, мой мальчик, мы не причиним тебе вреда! Нам только надо задать несколько вопросов...

— Это добрый жрец, — шепнул молодой человек. — Он идет за мной! Он думает, что... думает, что...

Он дрожал всем телом и не мог закончить фразу.

— Что думает? — подбодрил его Сэм.

Но пастух только пятился вглубь хижины, в то время как люди с палками подходили всё ближе.

— Эй, Метакс! Мы знаем, что ты там! Вон твои козы, и собака тоже тут. Не валяй дурака!

Сэмюел решил вмешаться:

— Он здесь, он не прячется!

Через оливковую рощу шли шестеро мужчин, все как один загорелые и бородатые, одетые в такие же туники, как у Метакса, только чистые. Самый старший, с длинными седыми волосами, был, без сомнения, тем самым «добрым жрецом». Он подошел к двери и уставился на Сэма.

— А ты кто такой?

— Я друг Метакса. Сейчас он выйдет.

— Никогда тебя здесь не видел. Как твое имя?

— Это Самос, — вдруг вынырнул из тени пастух. — Он друг моих друзей, во как! Самос Самосский.

— Самос Самосский? — переспросил старик. — С воображением у твоих родителей было туговато! Но я пришел поговорить с Метаксом. Поди сюда, мой мальчик.

Старик выглядел огорченным, но все остальные сохраняли суровые лица. Жрец положил руку пастуху на плечо, и тот посмотрел себе под ноги.

— Метакс, ты ходил в город три дня назад?

Молодой человек не сводил глаз со своих босых ног и легонько покачивался, перекатываясь с носка на пятку.

— Метакс, я непременно должен это знать. Ты ходил в город три дня назад?

Пастух продолжал молчать. Слышны были только гул насекомых, бляение коз и частое дыхание Аргоса, растянувшегося под деревом.

— Боюсь, ты не ошибся, Лидий, — вздохнул старик. — Видимо, в тот день он и в самом деле был в Дельфах.

— Конечно, я не ошибся! — воскликнул коренастый брюнет, помахивая палкой. — Я своими глазами видел, как он шатается рядом с сокровищницей афинян...^[10]

Метакс вдруг бросился на землю и попытался проскользнуть у мужчин между ног. Но те дружно навалились на него, прижали к полу и связали.

— Я ничего не делал, добрый жрец! — кричал юноша, пока его поднимали на ноги. — Я хороший пастух!

— Видите! — взвизгнул Лидий. — Он пытался убежать! Это доказывает его вину!

— Метакс, — проговорил старший жрец, стараясь держать себя в руках. — Послушай меня и перестань плакать. Отвечай: это ты украл Пуп земли из сокровищницы афинян? Ты или нет? Метакс, скажи мне правду, это твой единственный шанс!

Пастух поднял на него глаза, полные слез.

— Добрый жрец, я ничего не делал! Клянусь, я ничего не делал!

Жрец с досадой махнул рукой.

— Теперь архонт^[11] пожелает их допросить. Ничего не поделаешь, придется вести обоих в дельфийскую тюрьму.

5

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Город Дельфы походил на величественное орлиное гнездо, расположенное высоко в горах. Или на белоснежную жемчужину в восхитительном каменном ларце. Когда город возник перед глазами Сэма, у мальчика перехватило дыхание. Дома с черепичными крышами ютились вокруг блистательных построек с широкими треугольными фронтонами, сверкавшими на солнце. Город, словно зависший над бездной, казалось, чудом очутился здесь, среди горных вершин. Вокруг не было ни деревень, ни полей, ни огородов — одни лишь голые скалы и небо.

Несмотря на отрезанность от мира, улицы Дельф наводняли толпы прохожих. Желтая дорога, серпантинном змеившаяся к расположенному высоко в горах городу, была полна повозок и паломников.

Сэма и Метакса вели в полнейшей тишине. Минут через сорок они подошли к зданию, охраняемому воинами с копьями. Молодых людей поместили в комнату в глубине дома, где не было ни окон, ни мебели, только несколько соломенных подстилок на полу.

— Я схожу за архонтом, — произнес жрец. — А вы пока хорошенько подумайте, что станете ему говорить.

Он закрыл дверь, и пленники оказались в полной темноте. Метакс свернулся в клубок в углу и засопел, Сэмюел тоже устроился на одном из тюфяков. Он окончательно убедился, что находится в Греции. Афины, Аполлон, туники, храмы, колонны — всё сходится. Только какой сейчас век — непонятно... Дельфы, по-видимому, были чем-то вроде священного места, куда люди приходили проконсультироваться с оракулом, выслушать его (точнее, ее) совет. По крайней мере, так Сэм понял из разговора, который услышал у городских ворот, когда жрец объяснял одному воину, восседавшему на осле, как следует обращаться к пифии и какие формальности надлежит выполнить перед визитом к ней. Пифия, оракул — Сэм мало что в этом смыслил, но, пожалуй, речь всё-таки шла о Греции.

Вот только он опять оказался слишком далеко от отца. Аллан бывал здесь. И не просто бывал, а был всего три дня назад. Разумеется, в настоящем это путешествие могло произойти когда угодно. Но всё равно как же обидно, что Сэм совсем чуть-чуть с ним разминулся! Ведь, случись чудо и окажись они здесь в одно и то же время, в первые секунды оба, конечно, не поверили бы своим глазам, потом обнялись бы, расплакались, а выплеснув эмоции, нашли тихий уголок — например, у хижины Метакса — и стали бы рассказывать друг другу о своих приключениях. Аллан объяснил бы, что за важное дело привело его в Дельфы, а Сэм предупредил бы отца об опасности, грозящей ему в замке Бран. Вдвоем они пришли бы к заключению, что разумнее всего вернуться в настоящее, и безо всяких сложностей перенеслись бы обратно в Сент-Мэри, в нормальную жизнь.

В реальности всё, конечно, вышло не так... Но то, что Аллан недавно побывал в Дельфах, открывало перед Сэмом новые перспективы. Что если в своих перемещениях во времени он и в самом деле может где-нибудь встретить отца? Тогда, выходит, нет необходимости гоняться за семью монетами и рисковать жизнью в Валахии! Достаточно предупредить отца в любом месте, где бы они ни встретились! Не зря всё-таки Сэм опять воспользовался Камнем...

Но была и плохая новость. Пуп земли. Сэм понятия не имел, что это такое, но очень хорошо помнил слова одного из охранников музея Сент-Мэри, которые подслушал накануне: «Ты читал в газете про греческую штуковину, которую продали на аукционе в Лондоне? Пуп земли или как-то так... Купили за десять миллионов долларов! Представляешь, наш музей — и десять миллионов долларов!»

Значит, Пуп земли недавно украли из Дельф и вскоре (примерно через несколько тысяч лет) продали кому-то в Англии. И в промежутке между этими двумя событиями его отец явился сюда с дрелью, и Метакс застал его за делом настолько предосудительным, что не решался об этом рассказать. Вероятно, отец не ограничивался охотой за книгами, но промышлял еще и драгоценными редкостями. Если, конечно... Если только за всем этим не стоит нечто другое.

- Самос! Самос! — прошептал Метакс. — Ты еще здесь?
- Конечно, здесь, — ответил Сэм раздраженно.
- Самос, я боюсь. Они меня убьют.

— Не говори глупостей, они только хотят узнать, куда девался Пуп земли. Ты можешь мне хотя бы рассказать, как он выглядит?

— Ты знаешь об этом меньше, чем твой отец, — заметил Метакс. — Он-то, по крайней мере...

— Ладно, ладно, — перебил Сэм, — я знаю об этом меньше, чем отец, согласен! Просто объясни, пожалуйста, что это такое.

— Это камень, который указывает на середину всего! Когда Зевс захотел узнать, где находится середина мира, он пустил двух орлов с двух противоположных концов. Орлы встретились над Дельфами, бросили в этом месте камень, и с тех пор все знают, что Дельфы — это Пуп земли!

— А этот камень — где именно он хранился?

— Настоящий находится в храме Аполлона. Но афиняне сделали себе свой собственный Пуп земли и покрыли его золотом. Они должны были подарить его богу на большой праздник, а до поры до времени убрали в свою сокровищницу. Вот оттуда-то твой отец...

Он зашмыгал носом пуще прежнего, и Сэм инстинктивно полез в карман за платком. Но там нашлась только монета из музея и одежда куклы.

— Метакс, может, расскажешь, что произошло три дня назад? Мой отец тебе ничего не рассказывал? Например, что он рассчитывал сделать с этим Пупом земли? Или, может, еще что-нибудь?

— Нет, нет! — запротестовал пастух. — Если я заговорю, то больше никогда не вернусь на холмы, никогда! Никогда больше не увижу своих коз и свою собаку! Нельзя говорить про твоего отца, вот уж нет так нет!

Дверь резко распахнулась.

— Хватит стенать. Выходите оба, архонт прибыл.

Стражник отвел их в овальную комнату со сводчатым потолком. За мраморным столиком сидел упитанный человек с румяным лицом, и рука его механически летала от губ к вазе, полной винограда, и обратно. Позади него жрец раздосадованно мерил шагами комнату.

— Ага! — воскликнул старик, когда они вошли. — Ну что, Метакс, ты подумал? Если вор — ты, лучше сразу скажи об этом, чтобы поскорее закрыть дело.

Пастух упал на колени и взмолился:

— Это не я, добрый жрец! Клянусь Аполлоном и Гермесом, не я!

— Тогда кто? — рассердился старик. — В тот день многие видели, что ты околачивался рядом с сокровищницей. А ночью вышел из города, прижимая к груди какой-то сверток. Ты можешь объяснить, что за предмет нес с такой заботой?

— Нет... я не... — забормотал Метакс. — Я... я...

Но он так и не смог произнести ничего вразумительного.

— Ты понимаешь, сколько мы для тебя сделали? — взорвался жрец. — Подобрали орущим младенцем на ступенях храма, вскормили, взрастили, дали стадо... И вот, значит, как ты нас благодаришь? Похищаешь сокровище наших главных союзников?

Жрец потянул пастуха за плечо, заставляя подняться на ноги.

— Ты знаешь, что будет, если Пуп земли так и не найдут? Не пройдет и трех месяцев, как афиняне заберут свои сокровища и покинут город. За ними уйдут фиванцы, беотийцы, коринфяне... А там — и все остальные! Дельфы опустеют, оракул замолчит, и ты будешь пасти своих коз на руинах!

— Добрый жрец, добрый жрец... Не убивайте меня, я ничего не сделал!

— А кто этот мальчик, который его сопровождает? — вмешался архонт, не отрываясь от винограда.

— Его друг, — ответил жрец. — Самос Самосский, кажется. Он был с ним в хижине.

— Он что-нибудь знает?

— Метакс утверждает, что он пришел только сегодня утром.

— Это правда, Самос Самосский? — спросил архонт, не поднимая глаз.

— Правда, — произнес Сэм и пожалел, что голос его прозвучал так неуверенно.

— И ты ничего не знаешь?

Сэмюел набрал в легкие воздуха. Дело рискованное, но по-другому не выпутаться.

— Думаю, Метакс стал свидетелем какого-то события, которое сильно его напугало, — на одном дыхании выпалил мальчик.

— Нет, Самос! — вскричал пастух. — Замолчи! Иначе я никогда не вернусь на свои пастбища!

Сэмюел проигнорировал его просьбу, достал из кармана одежду для куклы и показал ее присутствующим.

— Метакс нашел это по дороге в Дельфы.

Архонт в первый раз удостоил пленника взгляда.

— Что это такое?

— Полагаю, какой-то план.

Архонт кивнул одному из стражников, тот забрал тряпицу с надписями у Сэма и положил ее на мраморный стол. Архонт внимательно изучил ткань, прищелкивая языком, словно у него что-то застряло в зубах. Культура, ничего не скажешь... Наконец он выплюнул виноградную косточку и только после этого заговорил:

— Ну, вообще-то это карта города. Не слишком подробная... Но тут есть названия: театр, храм, сокровищница афинян. И сокровищница помечена крестом. Ты говоришь, Метакс подобрал это по дороге в Дельфы?

Сэмюел кивнул.

— А что если, прежде чем подобрать, он сам ее нарисовал?

Жрец подошел поближе и, заглянув в план, покачал головой.

— Этого не может быть: мы так и не смогли научить Метакса читать. Писать тем более. К тому же по буквам видно, что написавший их живет далеко отсюда.

— Дальше, чем на острове Самос?^[12] — архонт бросил на Сэма подозрительный взгляд.

— Намного дальше, да.

— Значит, вор — чужестранец?

— Похоже, да. К тому же Метаксу не нужно было никакого плана, чтобы добраться до сокровищницы афинян: он всё детство провел в этих местах.

— Звучит логично, — признал архонт. — В таком случае... Скажи мне, Самос Самосский, у тебя есть предположение, что так сильно напугало твоего друга?

Сэмюел откашлялся. Надо наврать поубедительнее — и вдобавок так, чтобы Метакс не стал ему перечить. Да раз плюнуть! Сэм пристально посмотрел на пастуха, будто надеялся внушить ему мысль: «Доверься мне, братишка! Повторяй за мной!»

— Насколько я понял, — начал Сэм. — Метакс пришел к сокровищнице афинян, потому что ему стало интересно, что нарисовано на плане. Но когда он оказался там, кто-то напал на него и пригрозил убить, если он проговорится.

— Кто-то? Метакс, ты видел кого-то у сокровищницы афинян?

Пастух ошарашенно вытаращил глаза, будто мозг у него окончательно отключился. Архонт поднялся и замахнулся, намереваясь его ударить:

— Ты видел вора?! Сможешь его описать? Говори!

— Это был мужчина, — крикнул Сэм, чтобы остановить занесенную над Метаксом руку. — На вид лет пятьдесят, короткие волосы с проседью, голубые глаза и квадратный подбородок.

Описание он выдумал на ходу. Оно не имело ничего общего с внешностью отца — на случай, если тому еще понадобится сюда вернуться.

— Больше мне Метакс ничего не смог рассказать, потому что всё произошло слишком быстро, — добавил Сэм. — Думаю, у этого типа был нож, и хорошо еще, что он не ранил Метакса.

— Это правда? — архонт сунул под нос пастуху кулак. — Ты в самом деле застал там чужестранца?

Потребовалось несколько секунд, прежде чем взгляд Метакса опять ожил. Юноша медленно кивнул:

— Да... Да, именно так всё и было.

— И с чего тебе вздумалось молчать? Драгоценное время потрачено впустую!

— Я... Я испугался. Испугался ножа чужестранца, да.

Сэмюел глубоко вздохнул. Аполлон и Гермес были на его стороне.

— Когда именно это произошло?

— Это... Это произошло сразу после ответов оракула, — промямлил пастух; внушение Сэма удивительным образом продолжало работать.

Архонт отступил, и жрец едва заметно улыбнулся:

— Вроде всё сходится. Замок на задних воротах здания был взломан примерно в это время — в момент смены караула. Похитителю хватило нескольких секунд, чтобы проникнуть в сокровищницу и завладеть Пупом земли.

— Только мы не понимаем, как ему удалось разбить замок, — заметил архонт, протягивая руку за очередной виноградиной. — И вообще, у нас нет никаких доказательств, что Метакс не является его сообщником... Афинянам едва ли будет достаточно симпатичного лица

и глупого вида. Они захотят подтверждения его невиновности и в противном случае потребуют достойной кары.

Метакс снова тихонько заскулил, как собака, несправедливо наказанная хозяевами.

— Думаю, существует способ предоставить эти доказательства, — проговорил жрец. — Доказательства, против которых афиняне не смогут возразить.

— Какой?

— Если юноша действительно невиновен, — провозгласил жрец, — его оправдает оракул...

6

ОРАКУЛ

Попасть к оракулу оказалось не так-то просто. Сначала нужно было пробраться через плотную толпу у подножия храма, по улице, в центре которой, стояли дары: вазы и щиты в два метра высотой, белые колонны с высеченными на них надписями, золотая статуя льва, бронзовая пальма со сверкающей соевой на ветвях и прочее. Выглядело это так, будто здесь толпятся актеры из массовой в ожидании съемок сцены посещения оракула в историческом фильме о Древней Греции.

На улице и без того было ужасно тесно, так что появление Сэма и Метакса в сопровождении архонта, жреца и двух стражников не могло остаться незамеченным.

— Не толкайтесь! — крикнул какой-то человек.

— Клянусь Аполлоном, — возмутился его сосед, — вы не имеете права идти раньше нас!

— Мы тут уже два часа стоим, — подтвердил первый. — Все идет по очереди, так что...

— Это архонт! — оборвала женщина, стоявшая за ним. — Замолчите!

Так они прошли всю священную дорогу, протискиваясь мимо ворчащих и стенающих паломников. Организаторы явно забыли предусмотреть отдельный вход для особо важных персон.

Добравшись до нижних ступеней храма, жрец наклонился к уху Сэма:

— Вон те два человека с шлемами в руках — афиняне. Они здесь для того, чтобы наблюдать за нами, так что смотри не ляпни чего лишнего, иначе Метакс дорого поплатится. Держи: когда будешь входить, отдашь это как подношение.

Он положил Сэму в ладонь две бронзовые монеты — более-менее круглые. И без отверстия посередине. И всё же, взглянув на них, Сэмюел вздрогнул: на каждой была изображена голова барана с длинными закрученными рогами. Две бараньих головы! Вот что дал

отец Метаксу, чтобы заплатить за молчание: всего-навсего две здешние монеты!

— Я должен с ними поговорить, — сказал архонт.

Он направился к представителям Афин. Тем временем слева двое служителей храма брызгали водой на козу и наблюдали за ее реакцией, чтобы узнать, можно ли допустить в храм новых посетителей. Животное энергично отряхнулось — вероятно, в знак одобрения, так как сразу после этого жреца, Сэма и Метакса пригласили подняться. Тут один из служителей узнал жреца и поспешил к нему навстречу:

— Господин, это вы! Ох, если бы мы знали! Проходите, прошу вас, сейчас мы...

— Нет, Селемнос, необходимо всё сделать по правилам. За нами наблюдают, — тихо проговорил он, указывая глазами на афинян.

— А, ну в таком случае... Что ж, уплатите, пожалуйста, взнос...

То ли при виде козы, то ли из-за чего-то другого Метакс оживился и, распевая, бросил на расстеленный кусок материи две монеты, которые жрец выдал и ему тоже.

— Я тоже заплатил две бараньих головы! Они не такие красивые, как мои, но зато теперь я увижу оракула!

Мда, если с головой плохо, то это надолго...

Они взошли на портик под мраморной крышей, украшенной скульптурами и могучими колоннами, и оттуда проследовали непосредственно в храм. Архонт в сопровождении афинян нагнал их и присоединился к процессии.

— Мы договорились, — объявил он. — Никто из нас не станет приближаться к юношам, пока оракул не вынесет вердикт. Мы будем держаться в десяти шагах позади и хранить полное молчание. Каждый послушает ответ пифии, и, если смысл слов будет неясен, мы обратимся за трактовкой к переводчикам.

— Кто из двоих должен задавать вопрос Аполлону? — спросил жрец.

— Наши друзья афиняне хотели бы, чтобы это сделал сам Метакс. Он — первый обвиняемый, значит, ему и следует предстать перед богом.

— А второй?

— Самос Самосский? Наши друзья не слишком верят фактам, которые он изложил. Они подозревают его в связях с тем

чужестранцем... Необходимо, чтобы он тоже присутствовал при вынесении вердикта.

— А мы можем быть уверены, что в дальнейшем они больше не станут сомневаться?

Младший из афинян, пристально разглядывавший Сэма, сделал шаг вперед, брякнув шлемом.

— Представители величайшего из греческих городов всегда держат слово. Если подозреваемые не воровали Пуп земли, им даруют свободу. Таково решение Афин!

Молодых людей пригласили пройти вглубь храма, где стоял запах жженого дерева и ароматических трав. Служитель усадил их на деревянную скамейку перед белым занавесом, будто они пришли смотреть кукольный спектакль.

— Сейчас она придет, — прошептал Метакс, внезапно страшно разволновавшись. — Сейчас!

— И ты знаешь, что надо делать? — спросил Сэм.

— Конечно! Я никогда не боялся оракула!

Сэмюелу оставалось только позавидовать его смелости.

В своей невинности он был уверен, но опасался, что пифия расскажет, что настоящий вор — его отец. В таком случае лучшим решением, безусловно, будет бросить в тюрьму сына...

За занавесом что-то зашелестело, и служитель медленно кивнул.

— Аполлон готов вас выслушать.

— Правда? — обрадовался пастух. — Оракул здесь? За этой штукой?

— Метакс? — раздался приглушенный голос.

Занавес слегка отдернули, и Сэм увидел немолодую женщину в сером платье, которая с изумлением смотрела на него. Она спустилась с чего-то вроде металлического трехногого стула и стояла у широкой расщелины в почве — возможно, это была трещина, оставшаяся после древнего землетрясения. Часть святилища, в которой находился оракул, освещалась факелами, и в их свете Сэм увидел дерево в углу, камень, по форме напоминающий военный снаряд, (возможно, настоящий Пуп земли?) и какие-то еще предметы, плохо различимые в полумраке. Заметив архонта и жреца, женщина поспешно задернула занавеску. Очевидно, при обычных обстоятельствах оракул не показывался посетителям. Впрочем, служитель сделал вид, будто

ничего не произошло, и на цыпочках удалился. Метакс поднялся со скамейки.

— Оракул! — воскликнул он. — Дельфийский Оракул! Дыхание бога Аполлона! Скажи: Метакс воровал золотой камень афинян?

Он сел обратно и подмигнул Сэму.

Сначала ничего не происходило, если не считать странных звуков. Казалось, пифия что-то потихоньку жуёт. Потом она громко проглотила какую-то жидкость и как будто сплюнула на землю — ну и порядочки у них тут!^[13] Ненадолго всё стихло, и наконец раздался сиплый голос — трудно было представить, что так может говорить женщина:

— Аполлон, любимейший из богов, услышал твой вопрос, Метакс. И вот его ответ... Ворует ли агнец у гор траву, которой питается? Ворует ли птица у рыбы воду, которой освежается? Метакс никогда не крал ничего, кроме воздуха, которым дышит, и капель молока, стекающих по вымени его коз. Аполлон счастлив даровать ему всё это.

Пифия умолкла. Она молчала секунду, десять секунд... Сэмюел не был уверен, что уловил скрытый смысл ее прорицания, но в целом вердикт казался вполне положительным. Первым обрадовался добрый жрец.

— Ну вот и хорошо, — воскликнул он. — Мы получили доказательство...

Но тут пифия прервала его, произнеся из-за занавеса:

— Дыхание Аполлона не иссякло! Людям следует узнать кое-что еще!

Сэм в ужасе вжался в скамейку: ну точно, сейчас она расскажет про отца!

— Аполлон, сын Зевса, много раз объехал небо в огненной колеснице, — снова заговорил сиплый голос. — Он следует за движением солнца и сменой дней. Он знает цену времени и убегающим часам... Люди Дельф, отпустите того, кто является другом пастуха. Дайте ему уйти как можно скорее. Пусть он уходит через врата дней, которые привели его сюда. И пускай поторопится: кто-то из его племени пытается их закрыть... Так сказал Аполлон.

Сэмюел не успел поразмыслить над предупреждением оракула, потому что к нему тут же подскочил тот самый подозрительный афинянин.

— Кем бы ты ни был на самом деле, Самос Самосский, боги, похоже, на твоей стороне. Но не радуйся раньше срока. Со дня на день мы поймаем чужестранца. И после этого он, уж поверь, больше никогда ничего не украдет.

Аргос и Метакс без конца носились друг за другом среди оливковых деревьев — не могли нарадоваться встрече. Метакс приложил указательные пальцы ко лбу как рога — изображал Минотавра, что ли? — и, наклонив голову, гонялся за собакой, а та радостно лаяла.

— Самос, давай с нами!

— Мне надо подумать.

Сэм сидел в тени, привалившись к стене хижины, и пытался разобраться в предупреждении пифии. Кто-то из «его племени» пытается закрыть «ворота дней»... Вероятно, греческие боги — по крайней мере те, которые прогуливались с солнцем и разбирались в течении времени, — имели некоторое представление о магии великого жреца Сетни. Египетские боги против греческих — равный ли это бой?

«Кто-то из твоего племени», — повторял про себя Сэм.

Наверное, кто-то из его эпохи. Кто-то пытается закрыть врата дней... Чтобы положить конец «путешествиям»? Чтобы помешать вернуться его отцу? И вообще, как их можно закрыть, эти «врата дней»?

— Вставай, Самос, иди к нам!

— Мне пора.

Сэм уже добрый час вертел в кармане монету и никак не мог подняться. Что если провести тут еще одну ночь? Ведь сокровищница Афин так близко... А вдруг там хранится и несколько монет с отверстием? Отец уже сделал половину работы — взломал дрелью замок. Если повезет...

Вдруг Аргос метнулся, как ужаленный, в хижину; его хозяин бросился за ним и со смехом рухнул на пол.

— Метакс проглотит тебя, страшный пес!

А еще у Сэма не шло из головы предупреждение афинянина: «Мы со дня на день его поймаем. И он, уж поверь, больше никогда ничего не украдет». Означало ли это, что помимо Пупа земли отец уже

совершал другие кражи в этой эпохе? И можно ли надеяться, что скоро он снова сюда вернется? Кто знает — вдруг, если задержаться подольше рядом с Камнем, отца можно будет дожидаться здесь?

— Держи, Самос, это тебе!

Метакс, весь мокрый, вышел из своего бедного жилища, держа в руках початый каравай хлеба. Он протягивал Сэму лопоту размером с ладонь.

— Вот он, Пуп земли, — добавил пастух с хитрой улыбкой.

Сэмюел взял хлеб и с недоумением посмотрел на Метакса.

— Ты о чём?

— Это его я вчера вечером прятал на груди, когда стражники увидели, как я выхожу из города. Вкуснейший хлеб, который мне дала моя дельфийская мать. Сама для меня испекла! Но нельзя никому говорить, что оракул заботится о Метаксе, правда? Это будет для нее позором, ведь я всего лишь пастух! Вот почему мне надо было молчать!

— Но афиняне могли приговорить тебя к смерти! — изумился Сэм. — Ты рисковал жизнью, чтобы не выдать свою дельфийскую мать?

— И правильно сделал, ведь пришел Самос, — простодушно ответил пастух. — Боги меня вознаградили! Кстати...

Он сунул свободную руку в карман.

— Ты тоже достоин вознаграждения. Вернешь их своему отцу.

Он сжимал пальцами два маленьких металлических штырька, на которых болтались монеты с отверстием. *Две монеты с отверстием! Серьги из монет с отверстием!*

— Твой отец сделал их из бараньих голов. И подарил мне перед тем, как камень его проглотил.

Сэмюел осторожно подставил ладонь. Две монеты идеального размера, с замечательным отверстием посередине и с изображением дельфийского барана! Должно быть, отец стянул их из сокровищницы афинян...

— Я... Я всё-таки верну тебе одну из них, — сказал Сэм, стараясь сдержать эмоции. — Поищешь рядом с Камнем, когда я исчезну.

— Тогда у меня будет сувенир от вас обоих!

— Да, а у меня будет сувенир от тебя.

Сэм тронулся в путь. Метакс дал понять, что не хочет провожать его до Камня и что монету он отыщет там попозже. Пастуху, похоже, стало спокойнее оттого, что Сэм уходит, будто угроза навсегда лишиться любимых холмов и быть затянутым в страшное «нечто» могла окончательно развеяться только с уходом Самоса Самосского. Он даже едва с ним простился — отвернулся и пошел заниматься козами. А может, просто не любил долгих прощаний.

Сэмюел зашагал по холму к лужайке, на которой приземлился сегодня утром, — казалось, это было сто лет назад! Вдали закатывалось за море красное солнце, и ему привиделась вдали, над волнами, черная точка. Аполлон в своей колеснице объезжает небо на закате дня? Почему бы и нет? Похоже, на свете нет вообще ничего невозможного.

БЕШЕНЫЙ КРОЛИК

Некоторое время Сэм оставался на цементном полу подвала, стоя на коленях и пытаясь перевести дух. Помимо приступов тошноты, одним из самых утомительных последствий «путешествий» был эффект эха, всегда сопутствующий возвращению в настоящее: каждый звук и каждое движение как будто повторялось по два раза. В схватке с толстым Монком на турнире Сент-Мэри по дзюдо это ощущение дежавю оказалось для Сэма бесценным — оно позволило предвосхищать каждую атаку противника. Однако сам по себе этот эффект был очень неприятным, и Сэм подождал несколько минут, пока он рассеется. Наконец вышел из тайной комнаты, аккуратно прикрыв вход гобеленом. В магазине никого не было, он смог спокойно переодеться — какое счастье, джинсы! — и проглотить полплитки шоколада, который специально для таких случаев держал в кухонном шкафу. Потом выбрался через окно на первом этаже и один за другим пересек дворы госпожи Бомбардье и Фостера (его собака, обычно вполне доброжелательная, на этот раз зарычала: возможно, унюхала запах своего далекого греческого предка).

Убедившись, что улица Барнбойм пуста, Сэмюел перемахнул через забор и направился в сторону бабушкиного дома, молясь о том, чтобы тети Эвелин не было дома. К несчастью, в пути Аполлон его, видимо, оставил. Стоило Сэму сделать несколько шагов от автобусной остановки, как к нему подлетел новенький джип «порше», въехав прямо на тротуар и с визгом затормозив в сантиметре от Сэмовой ноги. Рудольф, жених тети Эвелин (это она его так называла: «мой жених», хотя ему было не меньше пятидесяти и он давно вышел из возраста, когда приударяют за «невестами»), выскочил из машины как черт из коробочки.

— Сэмюел, какая встреча! Позволь поинтересоваться, откуда ты?

— А почему это вас интересует?

Окно у пассажирского сиденья опустилось, и наружу выплеснулся поток кондиционированного воздуха.

— Конечно, его это интересует, грубиян несчастный! — заорала тетя Эвелин. — Надо ведь хоть кому-то беспокоиться о том, где ты болтаешься целыми днями! Если бы твой отец не исчез и не заставил дедушку и бабушку заботи...

— Ладно, дорогая, оставь, я сам им займусь.

Рудольф решительно двинулся на Сэма, будто намеревался от души врезать племяннику. С тех пор как Аллан Фолкнер запропастился неведомо куда, Рудольф возомнил себя главой семьи и к тому же был уверен, что видит в Сэме задатки будущего опасного преступника. В общем, идея о детском исправительном учреждении принадлежала ему.

— Так ты, значит, не обедал у бабушки? Она уехала играть в бридж и всё гадала, куда же ты пропал.

— Я говорил ей, куда иду, — сказал Сэм. — Я был у Гарольда.

— Ах, у Гарольда... Бедняга Гарольд, всё стерпит...

Его голубые глаза вспыхнули металлическим блеском, и было видно, что ему совсем не жаль беднягу Гарольда.

— А расскажи-ка, чего ты вчера наговорил своей тете?

— Вчера?

— Да, вчера. Похоже, ты пытался впутать в свои делишки Лили и вдобавок настроил дедушку против Эвелин!

— Что? — возмутился Сэм. — Да ведь она сама устроила истерику! Мы просто сидели и ели хлопья, и тут...

Рудольф замахнулся.

— Не смей так говорить о своей тете!

Сэмюел приготовился защищаться, но тут заметил, что Лили, сидевшая на заднем сиденье машины, изо всех сил подает ему какие-то знаки. Он не понимал, что именно она хочет сказать, но предположил, что ссора с Рудольфом добавит ей проблем. Поэтому отступил и опустил глаза.

— Так-то лучше, — рявкнул Рудольф, который отнес смирение Сэма на свой счет. — У Эвелин слабые нервы, ты в курсе? А твой отец никогда о ней не заботился. Во многом по его вине она сейчас в таком состоянии. Так что, если ты намерен вести себя, как он, будешь иметь дело со мной.

Сэмюел пожал плечами и ничего не ответил.

— Мы до вечера в аквапарке. Если, когда вернёмся, дедушка и бабушка опять на тебя пожалуются... Ну, ты понял, да?

Сэм рассеянно кивнул. Он едва слушал Рудольфа. Гораздо интереснее было расшифровать, что пытается сообщить ему Лили с заднего сиденья. Она что-то рисовала в воздухе перед собой. Прямоугольник... Прямоугольник, который раскрывается. Книга... Книга времени, конечно! И что? Лили выразительно скрестила руки на груди, а потом приложила обе ладони к ушам и стала шевелить ими, трясая головой. Кролик? При чём тут кролик? Вдобавок она еще и раскрыла рот так, будто хочет его укусить. Бешеный кролик? Бешеный кролик, который вылез из Книги времени? Что за чушь!

Но Эвелин уже закрыла окно, и сквозь затемненное стекло Сэм больше ничего не мог разглядеть. Рудольф вернулся в машину, погрозив ему пальцем.

— И больше не смей расстраивать тетю, ясно? Никогда!

Он хлопнул дверцей, и машина тут же рванула с места. Рудольф был, конечно же, крайне доволен, что удалось продемонстрировать свое могущество. Безнадежный самоуверенный глупец, как Сэм и думал.

Войдя в дом и убедившись, что бабушки и дедушки нет, Сэмюел набросился на холодильник. Приготовил себе поднос с большим стаканом апельсинового сока, двумя кусками пиццы, подогретыми в микроволновке, — иногда голод толкал его на подобные крайности, — остатки салата с макаронами, сыр, настолько искусственный, словно его сделали из молока пластмассовой коровы, два йогурта с шоколадом и огромное красное яблоко, которое Сэм до блеска натер полотенцем. Он проглотил всё это так быстро, что наверняка побил рекорд скоростного поглощения пищи.

Наевшись, мальчик поднялся к себе в комнату, надел чистую футболку и полез в гардероб за секретной коробкой. Достал сборник фотографий замка Бран и листок с переписанной у алхимика цитатой. Но ни Книги времени, ни монет в шкафу не оказалось. Лили не положила их на место... Может, именно об этом она пыталась его предупредить? Он выбежал в коридор и оттуда — в соседнюю комнату, куда ему не так часто доводилось заходить. До того как он обнаружил Камень, они с Лили почти не общались и видели друг в друге

воплощение абсолютной глупости. Приключение с Камнем сблизило их, но не оставило Сэму времени на то, чтобы освоиться на территории двоюродной сестры.

Так странно, девчачья комната. Всё лиловое и розовое, начиная с кровати и заканчивая карнизом для штор. Розовые и лиловые даже подушки, настольная лампа, бандана на спинке стула, школьный рюкзак, балетные тапочки... На стенах (разумеется, нежно-фиолетовых) царствует Орландо Блум. Орландо Блум — эльф, Орландо Блум — пират, Орландо Блум — защитник Трои, Орландо Блум лежит, Орландо Блум сидит закинув ногу на ногу, Орландо Блум стоит скрестив руки на груди... Полный каталог образов полубога.

«Ладно. Куда она могла их деть?»

Сэм открыл все шкафы, заглянул под кровать, отдернул занавески: ничего. Снял с полок книги, отодвинул от стены книжный шкаф, поискал за комодом: ничего. На одной из колонок стереосистемы сидел Зан, любимая игрушка Лили, — мягкая собака с длинным носом и серой шерстью. Уши! Так сестра имела в виду не бешеного кролика, а своего плюшевого щенка!

Сэм схватил Зана и хорошенько потряс, но пес был всё-таки маловат для того, чтобы вместить в себя книгу. Тогда Сэмюел исследовал колонку, на которой собака сидела. Подвигал ее вправо-влево: внутри что-то было! Он осторожно отсоединил черную сетку, закрывающую динамик, и... нашел! Книга времени скользнула ему в руки, а вместе с ней и маленький мешочек, в котором отец передал ему монеты. Что же до самих монет с отверстием, то они были заботливо приклеены скотчем к внутренней стороне колонки. Сэмюел аккуратно вернул сетку обратно: может, любимые цвета у его двоюродной сестры и сомнительные, но в отношении тайников она — просто гений!

Сэмюел отнес книгу к себе и там раскрыл ее, устроившись на кровати. На каждой странице был один и тот же заголовок: «Дельфы, храм Аполлона». Одна из двух черно-белых гравюр изображала разрушенный город (вид сверху), другая — святилище Аполлона с несколькими несчастными колоннами, поддерживающими остатки крыши. Вероятно, так выглядели Дельфы в начале XX века. В сопроводительном тексте рассказывалась легенда о том, как сыну Зевса пришлось для начала победить ужасного змея — и только после этого возвести в Дельфах храм в свою честь и учредить культ своего

имени. Тут и про Пуп земли тоже говорилось: он назывался «омфал» и представлял собой легендарный камень, который два орла бросили в Дельфах, чтобы отметить центр мира.

Омфал...

Сэмюел сел за компьютер и принялся за поиски. Его интересовала не столько история, сколько то, что произошло с культовым камнем за последние дни. В интернете обнаружилось несколько фотографий. Так и есть, камень имел форму артиллерийского снаряда, как и та штука, которую Сэм видел за занавесом в храме, с выпуклым плетением со всех сторон. А еще в сети нашлось множество статей, подтверждавших его собственное предположение. Оригинал *омфала* хранился в музее в Дельфах, но существовало несколько копий, одна из которых была сделана из золота. Долгое время эта золотая копия считалась пропавшей, но недавно снова всплыла и ушла с торгов на аукционе в Лондоне за десять миллионов сто двадцать пять тысяч долларов. Продавцом выступало частное общество «Аркеос», специализировавшееся на дорогом антиквариате и утверждавшее, что продает ценный предмет коллекционера, имени которого назвать не может. Покупателем же выступал крупный японский банк, и перевод денежных средств был произведен двенадцать дней назад. Двенадцать дней!

Сэмюел прошел по ссылке arkeos.biz и, когда загрузилась главная страница, присвистнул. Логотип общества представлял собой не что иное, как пару рогов с расходящимися в стороны концами, а между ними — солнечный круг... Та самая странная буква U, вытатуированная на плече грабителя! Как такое вообще возможно? Если только... Да нет, ерунда. Неужели отец украл Пуп земли, чтобы продать «Аркеосу»? Отправился в Дельфы с помощью Камня, проник в сокровищницу афинян, а потом, вернувшись, продал историческую ценность. Но потом что-то, видимо, пошло не так...

— В какую еще историю ты вляпался, пап?

Но и на этот раз отец не ответил.

Сэмюел раскрыл черный блокнот.

Merwoser= 0

Calafe Al-Hakim, 1010

\$1000 000!

Xerxes, 484 г. до н. э.

LevelOne— начало

V. = 0

Izmit, примерно 1400

Ispahan, 1386

По-прежнему почти ничего не понятно... Правда, благодаря волшебству Всемирной сети кое-что Сэму всё-таки удалось разобрать. Мервозер, чье имя писалось на разные лады, был фараоном XV династии, Халиф Аль-Хаким царствовал на Ближнем Востоке примерно в 1010 году, Херхес — Ксеркс — был персидским царем, проигравшим войну с греками, Измит и Исфахан — городами, один — турецким, другой — иранским. Может, отец побывал во всех этих местах и эпохах? Или планировал побывать? И какая связь между данным списком и замком Бран?

Кроме названий в записи можно было разобрать только сумму — один миллион долларов, на такие деньги можно купить немало кусков пиццы! Что это? Комиссионные отца от продажи Пупа земли? Или цена какого-то другого археологического сокровища, которое он тоже планировал украсть? Сэм прекрасно знал, что у отца проблемы с деньгами, но всё же!

Он решил сохранить найденную информацию у себя в компьютере и, когда перетаскивал изображение омпала в папку «Картинки», наткнулся на семейный альбом, который отсканировал несколько лет назад. Обычно Сэм старался в него не заглядывать, прошлое по-прежнему было для него больной темой. Но сегодня, после того как в нём стали расти подозрения относительно преступной деятельности отца, ему захотелось прикоснуться к чему-то невинному и чистому. К воспоминаниям о тех чудесных временах, когда и папа, и мама были с ним и когда казалось, что ничего плохого не может произойти... Скрепя сердце он взглянул на монитор и увидел их большой дом в Бель-Эйр, Аллана, протягивающего ему бутылочку, маму, которая хохочет посреди ярмарочного веселья, рождественскую елку с кучей подарков вокруг, свой первый велосипед, общий снимок, где мама крепко прижимает его к себе... Как радостно смотреть на это — и в то же время как нестерпимо больно...

На следующем снимке Сэм с Алисией лепили снеговика. Фотографию сделали, видимо, сразу после того, как Тоддсы переехали: обоим детям тут было не больше девяти. С тех пор хорошенькое лицо

светловолосой Алисии встречалось на снимках с Сэмом всё чаще и чаще. Целых два года они были практически неразлучны: и школа у них одна, и друзья общие, и книги они читали одни и те же, часто зачитывая друг другу вслух любимые места, и фильмы смотрели одинаковые, а потом по сто раз пересказывали лучшие моменты и болтали до глубокой ночи, пока родители не поднимались посмотреть, спят ли они... А потом Элайза Фолкнер умерла, и всё вокруг накрыло черным покрывалом. Сэмюелу казалось, что он провалился в бездонную дыру, в глубокий колодец горя и тоски, откуда сам себе запретил выбираться, боясь нарушить печаль, которая отныне была единственным, что связывало его с мамой. Он никого не хотел видеть, даже Алисию. И за несколько недель разрушил всё, что между ними было.

С тех пор прошло три года... Фолкнеры покинули квартал Бель-Эйр, и, хотя Сэмюел продолжал много думать об Алисии, он так ни разу и не решился к ней прийти. Пока в один прекрасный день, на том самом турнире по дзюдо не встретил ее в компании Джерри Пэкстона. Джерри и Алисия сидели в обнимку, и, смущенный присутствием этого типа, да и вообще чересчур шумной и праздничной атмосферой турнира, Сэм не смог признаться Алисии в своих чувствах. Признаться в том, что его любовь к ней ничуть не ослабла, что ему достаточно было один раз встретиться с ней взглядом, чтобы убедиться: эта любовь останется в нём навсегда.

Да, ему многое нужно было ей объяснить. Наконец высказать всё, о чём молчал уже три года. И на этот раз он не станет ждать!

Сэмюел взглянул на часы: 16:30. Может, она согласится с ним поговорить?

АЛИСИЯ ТОДДС

Сэм уже тысячу лет не был в Бель-Эйре. Завидев первые белые дома в колониальном стиле с просторными террасами и садами, он почувствовал легкое головокружение. Всё было таким знакомым и в то же время таким новым! Клены, высаженные вдоль улицы, кусты и пестрые клумбы, синие почтовые ящики у домов, тротуар, на котором он когда-то узнал, что такое скейт (точнее, это узнали его колени и локти), фонарный столб, который он столько раз объехал, пока учился кататься... И вот — ему уже не десять лет, и автобус больше не высаживает его здесь после уроков, и мама не ждет с апельсиново-грейпфрутовым коктейлем («Малыш, в нём столько витаминов!») и его любимым печеньем. Теперь он здесь чужестранец. Чужак для собственного детства, для родного квартала, для того Сэма, которым мог бы стать, если бы всё не пошло наперекосяк.

Он остановился — подождать, чтобы сердце немного успокоилось. Их бывший дом — третий от угла, вон тот, с зелеными ставнями. Алисия жила чуть дальше по правой стороне улицы. А в доме номер 18, у которого Сэм сейчас стоял, жила мисс Саррок, она часто присматривала за ним, когда он был маленьким. В эту минуту она с секатором в руке склонилась над розами.

— Мисс Саррок? — окликнул бывшую соседку Сэм, подойдя поближе к забору.

Она оглянулась, явно озадаченная тем, что не узнает позвавший ее голос.

— Простите?

— Это я, Сэмюел. Сэмюел Фолкнер...

— Сэмюел Фолкнер? — переспросила она, поправляя очки на носу. — Господи боже мой, Сэмюел Фолкнер!

Она не сдвинулась с места и продолжала стоять над розами, сжимая в руке секатор.

— Я бы тебя ни за что не узнала! Откуда ты взялся? Ведь уже года три или четыре, как вы переехали, да?

— Три, — ответил Сэм, немного разочарованный таким холодным приемом.

А чего он ждал? Что жители квартала выбегут на улицу, станут запускать в небо петарды и кричать: «Аллилуйя! Сэм вернулся!»?

— Какое несчастье, — вздохнула мисс Саррок. — Ну ничего, ты растешь, со временем всё забудется... В твоём возрасте совсем другие заботы, правда?

Она вымученно улыбнулась и сжала тяжелое ожерелье из блестящих самоцветов. Мисс Саррок так страстно любила всякие камешки и побрякушки, что Аллан Фолкнер прозвал ее «мисс Сорока». Ее неудержимо притягивало всё, что хоть немного поблескивало, побрякивало или сверкало. Сэмюелу показалось, что она опасается, как бы он не сорвал с нее ожерелье!

— Ну ладно, до свидания, мисс Саррок.

— Счастливо!

Она как ни в чём не бывало снова склонилась над розами. Обидно. А ведь раньше они здорово ладили. Например, в тот день, когда Элайза попала в аварию, мисс Саррок пришла проведать Сэмюела в больницу, где он дожидался операции по удалению аппендикса. Она даже принесла ему коробочку конфет, но сама тут же съела всё прямо у него на глазах — не смогла удержаться, уж очень красивые и блестящие были фантики.

Сэмюел постарался выкинуть мисс Саррок из головы и направился к Тоддсам. Прошел по дорожке, ведущей к дому, и с силой надавил на звонок. Дверь открылась.

— Что...?

Это была Элен Тоддс, мать Алисии. Почти такая же красавица, как дочь. Те же золотые волосы, только черты лица чуть помягче. А еще в воспоминаниях Сэма она была выше ростом.

— Что вам угодно? — любезно поинтересовалась Элен.

— Я... Я — Сэмюел Фолкнер, — пробормотал Сэм.

Глаза Элен округлились от изумления и тут же радостно вспыхнули.

— Сэмюел Фолкнер! Ну конечно, Сэм!

Она без лишних церемоний обняла его и звонко расцеловала в обе щеки. Сэмюел почувствовал, как что-то оттаивает в груди.

— Слушай, ну ты совсем взрослый! И красавец — весь в отца! Даже роста уже почти такого же, да? У тебя каникулы? Поэтому решил зайти к нам?

— Вроде того. Я... Я хотел кое-что спросить...

Его смущение насмешило Элен.

— Ты ведь к Алисии, да? Ее нет дома, но, думаю, она скоро вернется. Вы ведь недавно виделись на турнире по дзюдо, да?

Алисия рассказала маме! *Алисия рассказала маме о нём!* На душе сразу стало светлее.

— Я был очень рад ее видеть, — сказал он.

— Да ты еще и победил! Это здорово, ведь ты уже столько лет занимаешься! Ну входи же!

Сэмюел последовал за ней в коридор и оттуда — в гостиную, оформленную в том же морском стиле, что и прежде. На стенах — светлое дерево и старинные карты, большой книжный шкаф, паркет и повсюду — навигационные приборы. Он опустился на просторный кожаный диван у низкого столика, где так любили сживать его родители.

— Как дела у Аллана? — спросила Элен.

— Он... он сейчас в отъезде.

— А, очень хорошо. Наверное, по работе? С книжным всё в порядке?

— Ну, в общем, неплохо.

— По-моему, твой отец на хорошем счету у коллекционеров, а это самое главное! Знаешь, — добавила она вдруг немного встревоженно, — мы о нём беспокоились. Ну, после того как твоей мамы не стало... Аллан как-то замкнулся. Не хотел никуда выходить, отказывался разговаривать, вообще не желал с нами видеться... Наверное, следовало быть настойчивее и не оставлять его одного. Может, даже силой вытаскивать из дома! Я потом всё винила себя за то, что мы этого не делали. Хотя бы ради тебя... Не годится мальчику десяти-одиннадцати лет проводить так много времени одному после такой... Короче говоря, у меня осталось чувство, что мы не сделали того, что должны были. Надеюсь, ты не обижаешься на нас за это...

Сэмюел понятия не имел, что ответить. Ему-то казалось, что это он сам заперся тогда в своем горе — по примеру отца? — и не позволял никому нарушать свое печальное одиночество. Даже Алисии...

— Не беспокойтесь, — сказал он наконец. — Со мной всё в порядке.

Она пристально на него посмотрела.

— А синяк под глазом?

— А, это еще с турнира.

— Ну тогда ладно, — выдохнула она с облегчением. — И о чём же ты хотел спросить?

«Спросить?» — удивился Сэм. Ах да, он ведь придумал предлог для визита!

— Тут, знаете, такая штука... На днях по телевизору показывали программу о фламандской живописи. Я ее смотрел, потому что вообще люблю рисование. Ну и короче, не знаю, в это трудно поверить, но... Там показали один портрет — и девушка на нём была вылитая Алисия.

Элен развела руками, изображая искреннее недоумение.

— Видимо, совпадение!

— Сначала я тоже именно так и подумал, подальше в программе рассказывали, что девушку нарисовал ее отец, Ганс Балтус, и что потом она вышла замуж за некоего Ван Тоддса.

— Ван Тоддса? Надо же! По-моему, прадедушку Марка звали Ван Тоддс! Когда он перебрался через Атлантику, приставка «ван» отвалилась. Но родом он был точно оттуда, из Бельгии. По-моему, у них в роду действительно были художники. И как он тебе, этот портрет?

Сэмюел вспомнил, как позировала перед холстом Изер, далекая бабушка Алисии Тоддс, среди запахов масляной краски и камфары, наполнявших мастерскую Балтуса. Сэму посчастливилось лишь завершить портрет (он дорисовывал руки), но результатом он ужасно гордился.

— Очень... очень неплохо. На девушке платье из черного бархата и шляпка, а еще...

Он не договорил, потому что в этот момент затрезвонил дверной звонок.

— Это, наверное, Алисия, она всегда звонит. Вот ей будет сюрприз!

Они поспешили к двери и, открыв ее, увидели на пороге Алисию — но не одну. Рядом стоял, приобняв ее за плечи, Джерри Пэкстон. Сердце у Сэмюела успело за сотую долю секунды расплавиться и тут же застыть неподвижным камнем. Алисия смотрела на него с изумлением. Джерри поморщился:

— Фолкнер, а ты-то что здесь делаешь? Заблудился?

Элен возмутилась:

— Кажется, я могу приглашать к себе в дом кого хочу, как ты считаешь, Джерри?

Пэкстон изобразил какой-то извиняющийся жест. После чего попрощался с Элен, поцеловал свою девушку в щеку и, ворча что-то себе под нос, отчалил.

— Просто супер! — вздохнула Алисия, когда за ним закрылась дверь. — Теперь он несколько дней будет выносить мне мозг.

— Джерри не нравится, что ты принимаешь у себя друзей? Пусть привыкает! И теперь, когда Сэм тебя наконец дождался, я оставлю вас одних, вам наверняка многое нужно друг другу рассказать. А я в магазин, надо купить Рику летних вещей, он завтра едет к бабушке. Сэм, я очень рада, что ты к нам зашел. Обязательно заглядывай еще!

Она крепко обняла его на прощанье, а Алисия тем временем уже побежала вверх по лестнице. Только на самой последней ступеньке девушка соизволила обернуться.

— Ну чего ты там застрял? Поднимайся!

Комната Алисии была совсем не похожа на комнату Лили. Ни тебе лилового цвета, ни Орландо Блума в образе эльфа, ни моря плюшевых игрушек... Вместо этого — фотографии. Десятки черно-белых фотографий на стенах. Пейзажи, улицы — многолюдные и пустые, — сельскохозяйственная техника, животные, фрукты крупным планом, автопортреты, товарищи по школе и огромный портрет Джерри над кроватью.

— Ты увлеклась фотографией? — спросил Сэм, будто сам не мог догадаться.

— Давно, — небрежно бросила она. — Помнишь, мы однажды подшутили над соседом из дома напротив? Заказали для него пиццу. Я тогда сфотографировала курьера и бедного мистера Роджера с

колонной из четырнадцати коробок пиццы, которых он вовсе не ждал. Наверное, тогда это и началось.

Сэмюел хорошо помнил и эту историю, и то, как Алисии потом досталось от родителей, обнаруживших снимки.

— Хорошие фотографии, молодец!

Ему хотелось как-нибудь лучше похвалить ее, найти более точные слова для выражения восхищения, но в голову пришла только эта банальная фраза.

Сэм уселся на край кровати. Алисия вставила в дисковод альбом White Stripes^[14] и, устроившись в небольшом красном кресле, принялась разглядывать в окно сад, пока Джек Уайт, вооружившись гитарой, бросал вызов армии семи наций.^[15]

На третьем куплете Алисия наконец заговорила:

— Чего ты хочешь, Сэм?

— Чего я хочу?

— На прошлой неделе ты подошел ко мне на соревнованиях. Сегодня ввалился прямо домой... Ты не проявлял признаков жизни целых три года, а теперь вдруг всюду ты. Вот я и спрашиваю: чего ты хочешь?

Ну конечно... Он, в общем-то, и сам понимал, что восстановить дружбу будет непросто. Но с чего же начать?

— Прости меня, пожалуйста, — проговорил он. — Я виноват и понимаю, что был страшно не прав. Но я попробую объяснить. Все эти годы я считал, что, если позволю себе хоть одну-единственную минуту радости, то получится, что я как бы предаю маму. Мне казалось, я обязательно должен страдать, понимаешь? Должен на собственной шкуре пережить хоть малую долю того, что случилось с ней. Я вбил это себе в голову и...

— А я, — рассерженно перебила Алисия. — Что всё это время должна была делать я?

— Прости, пожалуйста. Мне было слишком тяжело.

— Знаешь, что я тогда подумала? Что ты почему-то винишь в смерти мамы меня! Я ведь позвала тебя переночевать у нас, когда у тебя случился приступ аппендицита, помнишь? И если бы я не настояла тогда на том, чтобы ты у нас остался, ты, может, и не заболел бы. Тебя бы не отвезли в больницу, маме не пришлось бы садиться в машину, чтобы поехать к тебе, и...

Алисия старалась держать себя в руках, но было видно, что глубокая рана, которую она долгое время старалась не замечать, по-прежнему причиняет ей боль.

— ...и она бы не попала в аварию, — договорила Алисия.

— Что за ерунда! — возмутился Сэм. — Бред полный! Что ты тут могла изменить? Ничего! Мне даже в голову ничего подобного не приходило! Если в этом и была чья-то вина, то только моя! Это я не должен был допустить приступа! Надо было противостоять ему, надо было бороться, вот и всё!

Он замолчал, удивленный собственными словами. Неужели в глубине души он действительно чувствовал себя ответственным за гибель мамы?

Алисия смотрела на него из глубины кресла, и взгляд ее был уже чуть менее холодным. Казалось, она с каждой минутой становится всё прекраснее.

— Видишь, Сэм, что происходит, когда молчишь и ничем не делишься... Мне было так плохо, просто ужасно. Признаюсь, я тебя любила. Любила, как маленькие девочки любят сказочного принца. Ты был мой сказочный принц, да. И вдруг в одно мгновение — раз! — и ты пропал, будто тебя и не было в моей жизни. Исчез, испарился. Представляю, как ты тогда страдал. Но мне, поверь, тоже было невесело.

«Я не знаю, что делать с собой», — принялся распевать Джон Уайт. [16] Сэмюел тоже понятия не имел, что с собой делать...

— Послушай, Сэм, не обижайся, но я не готова снова с тобой встречаться. По крайней мере пока. К тому же еще ведь есть Джерри. Он очень ревнивый, ты сам видел. Может, когда-нибудь позже...

Она слабо улыбнулась, и на Сэмюела вдруг обрушилось осознание того, какой невосполнимый урон нанесли эти три потерянных года им обоим — и ему, и ей.

9

НЕ ДЕЛИ ШКУРУ НЕУБИТОГО МЕДВЕДЯ

Похоже, ночью, над книжной лавкой Фолкнера разыгрался ураган... Сэмюел закрыл окно, через которое проник из сада, и с изумлением огляделся. Занавески отдернуты, лампы опрокинуты, диваны перевернуты, на полу — гора книг. Сэм бросился к входной двери, и его опасения подтвердились: так и есть, замок взломан! Кто-то проник в лавку... Тип с татуировкой из «Аркеоса»! Конечно, это он! Сначала музей, теперь — отцовский магазин! Но ведь тогда... В животе у Сэмюела вспыхнуло пламя и обожгло пищевод. Камень! Что если человек в черном пришел за Камнем?

Сэм в панике бросился вниз, перескакивая через несколько ступенек сразу. В два прыжка он пересек подвал, приподнял тяжелый ковер с единорогом, вихрем ворвался в тайную комнату и зажег ночник. Уф! Камень стоял на прежнем месте, целый и невредимый. Никто сюда не приходил... Тогда в чём же дело??

Растерянный, Сэмюел вернулся вверх. Магазин был перевернут вверх дном — здесь очень тщательно что-то искали: все ящики выдвинуты, подушки выдернуты из наволочек, углы ковров задраны... Под батареей валяется один из газовых баллончиков, которые отец купил для защиты магазина. Но в первую очередь взломщиков, похоже, интересовали книги: все полки были пусты, многие издания вырваны из обложек, одни составлены в стопку, другие валялись на полу безо всякой системы, но большинство лежало грудой посреди читальной комнаты. И невозможно было понять, украли ли что-то из книг. А если да, то что именно или хотя бы сколько.

Сэмюел опустился в единственное неперевернутое кресло, чтобы оценить масштаб бедствия. Чего искал татуированный? Информацию об Аллане? Книгу времени? Черный блокнот? Как хорошо, что оба

предмета Сэм спрятал обратно в тайник: они находятся под охраной грозного Зана — там они будут в безопасности.

Но как реагировать на случившееся? Позвонить бабушке? Тогда в дело вмешается полиция... И, возможно, найдет Камень... В то же время, если ничего не сделать, человек в черном вернется и продолжит поиски. Этого нельзя допустить.

Сэмюел некоторое время взвешивал все за и против. Он пришел в книжный для того, чтобы снова отправиться на поиски отца: до семи монет не хватало всего двух. Двух нелепых кружочков с дырочкой! Всего-то и надо — сгонять разок-другой в прошлое, потратив не больше нескольких часов в настоящем времени... К тому же крайне мала вероятность того, что тип из «Аркеоса» рискнет заявиться сюда среди бела дня. Если Сэм всё сделает правильно, семь монет могут появиться у него уже к вечеру. А уж тогда можно будет проделать всё необходимое: позвонить бабушке, дождаться полиции и так далее.

Приняв решение, Сэмюел подпер входную дверь стулом и переоделся в костюм «путешественника во времени», последнюю модель от Фолкнера. Затем вернулся в секретную комнату и опустился на колени перед Камнем. Положил две монеты в углубление — монету из музея и ту, которую привез из Дельф, — а третью, с арабской вязью, прижал к солнечному диску. Подождал несколько секунд, пока из Камня не донесся едва слышный гул. И в то самое мгновение, когда он опустил ладони на шершавую поверхность, в подвале послышались шаги.

— Сэмми?

Он попытался оторвать пальцы от Камня, но ладонь уже крепко примагнитило.

— Сэмми? Это я, Лили...

Дальнейшие ее слова утонули в шуме приподнимаемого занавеса и открываемой двери.

— Сэмми, стой! Сюда едет полиция, они...

Руке было всё жарче. Он выгнулся, изо всех сил пытаясь остановить переброс, но по венам уже всю разгонялась жгучая лава.

— Нет! Сэм, ты должен...

Он почувствовал на своем тающем плече прохладную руку Лили, но было поздно: вакуум времени уже всю его засасывал.

Сэмюел рухнул на землю с ощущением, будто что-то сильно давит ему на спину. Он попытался оттолкнуть тяжесть от себя, одновременно борясь с рвотным позывом, и тут осознал, что на спине у него висит скрючившееся, рыдающее и икающее тело.

— *Илил?*

Его двоюродная сестра со стоном свалилась набок, тут же приподнялась, и ее вырвало. Она съезжившись сидела на холодном и влажном полу и в сумерках казалась просто светлым пятном. Что она тут делает? Каким чудом попала сюда вместе с ним? Сэм попытался отыскать глазами Камень: он стоял совсем рядом, на расстоянии чуть меньше метра, украшенный чем-то вроде черепа и обрывками меха. Неподалеку в грубой каменной чаше горел слабый огонек. Всё это Сэму совсем не нравилось.

— *Ахахр!*

Лили пошатываясь поднялась на ноги. На ней была та же ночная рубашка, что и на Сэме, когда он впервые путешествовал во времени. Он подошел к ней.

— *Илил! Ата?*

Это было не совсем то, что он хотел сказать, но слова изо рта вырывались только такие.

Она сквозь слезы посмотрела на него.

— *Эмми! Ата на?*

Ее лицо исказилось от боли и ужаса.

— *Илил, мом на!* — произнес он, пытаясь ее утешить.

Но осознание того, что он не в состоянии сказать ничего более осмысленного, чем звуки, похожие на урчание желудка, ничуть не утешало и храбрости не придавало. Он обнял сестру и крепко прижал к себе.

— *Эмми!* — всхлипывала она. — *Эмми!*

Немного успокоившись, Лили потянула его за рукав, настойчиво указывая на Камень. Но в каком бы странном и неприятном положении они ни оказались, Сэм не собирался немедленно возвращаться обратно. Каждый переброс стоил ему одной монеты, и ни в коем случае нельзя было вернуться назад, не раздобыв хотя бы парочку новых. С другой стороны, если в настоящем больше не было Лили, которая всегда помогала ему вернуться, как вообще они смогут

попасть домой? Нужно было хорошенько подумать, прежде чем предпринимать какие-то действия.

Сэм мягко, но решительно подтащил Лили к древней лампе, которая из-за легкого сквозняка отбрасывала на каменную стену неровные таннующие тени.

— *Нгол?* — спросила Лили.

— *Нгол*, — подтвердил Сэм, потому что это было единственное слово, которое пришло ему в голову для выражения идеи пещеры. К тому же слово означало не просто «пещеру», а, скорее, «убежище от ветра, в котором мы можем укрыться вместе».

И тут пещера прямо у них на глазах начала оживать. Нарисованный черным, по каменной стене поплыл кто-то вроде быка или бизона, танцующий в свете лампы. За ним — огромная лошадь с точками на теле, а следом — еще один бизон, поменьше. Всего на каменной стене пещеры обнаружилось штук шесть разных животных.

— *Лангда!* — воскликнул Сэм.

По всей видимости, это означало «дух животных, танцующих на каменной стене». Сэмюел испытывал одновременно восторг и ужас. Камень определенно закинул их куда-то очень далеко в прошлое. В доисторические времена? Примитивный язык, на котором им приходилось общаться, был тому подтверждением. Несмотря на беспокойство, Сэм чувствовал необъяснимое радостное волнение. Ведь они видели перед собой первые в истории человечества художественные шедевры! Сколько раз он рассматривал репродукции наскальных рисунков, сделанных пятнадцать или двадцать тысяч лет назад! Сэм осторожно приподнял лампу с расплавленным жиром внутри^[17] и осветил соседнюю стену: из ниоткуда на них выскочило целое стадо оленей, которые, похоже, в панике спасались от хищника.

— *На!* — воскликнула Лили, указывая на что-то пальцем.

Сэмюел подошел ближе: между черных рогов у многих оленей был почти идеальный солнечный диск, нарисованный красной краской. Эскиз той самой странной буквы U, которая стала логотипом «Аркеоса»... Нет-нет, осадил себя Сэмюел, это, конечно же, всего лишь совпадение. Просто один рисунок отдаленно напоминает другой.

Он поставил чашу на место, взял Лили за руку и отправился туда, где, как ему показалось, находился выход: что-то вроде коридора, под небольшим углом ведущего вверх. Пройдя метров двадцать, они

оказались в следующем просторном помещении, куда проникало немного дневного света.

— *Минго, Эмми! Минго!* (Небо, Сэмми!)

Наконец, преодолев череду препятствий — каменных завалов и возвышающихся там и тут сталагмитов, — они выбрались из пещеры и оказались на скалистом обрыве, нависающем над рекой. Погода стояла пасмурная, было прохладно, природа напоминала американскую: высокие деревья, шум воды, огромные камни, поросшие зеленью горы вдали. На мгновение Сэму показалось, что вот-вот среди деревьев мелькнет длинная шея бронтозавра или плоская морда барионикса. Но, немного поразмыслив, он сообразил, что, при всём уважении к семейству Флинстоунов,^[18] эру динозавров от эпохи людей отделяли десятки миллионов лет. Вот и хорошо!

Единственный возможный путь вел вверх, на плоскогорье, поэтому ребята стали карабкаться по склону, то и дело останавливаясь, чтобы оглянуться на звук или движение: крик птицы, чье-то далекое рычание, шелест куста, под которым пробежал грызун...

И тут метрах в ста от них из-за камней поднялась могучая коричневая голова. Зверь нюхал ветер, улавливал запахи. Улавливал *их* запахи.

— *Имба! Имба!* — закричала Лили.

Медведь. Огромный медведь!

— *Нгол!* (Пещера!) — скомандовал Сэмюел.

Они развернулись и побежали обратно, не разбирая дороги и обдирая пятки об острые камни. Косолапый зверь у них за спиной взревел так громко, что все птицы в округе умолкли или разлетелись. А потом бросился в погоню — с неожиданной быстротой и ловкостью, и рык его разносился по небу подобно громовым раскатам.

— *Нита, Илил,* — торопил Сэм. — *Нита!* (Скорее!)

Когда они добежали до входа в пещеру, медведь был уже совсем близко — метрах в двадцати. К счастью, под его тяжестью начали обваливаться камни, и медведь потерял равновесие.

— *Гр-ро-о-ом-м-р-р!* — разъяренно взвыл он.

Лили и Сэм бросились в пещеру и вслепую побежали по коридору, ведущему к Камню, надеясь, что животное окажется слишком велико, чтобы последовать за ними. Ввалившись в слабо освещенное пространство, Сэм схватил первобытную лампу и поискал глазами

место, где можно было бы укрыться. Стены пещеры оказались изрезаны трещинами и расколами. Однако мальчик не увидел ни одного достаточно широкого проема, чтобы спрятаться. Можно попробовать воспользоваться Камнем, но Сэм по опыту знал, что на его запуск требуется какое-то время. Слишком долго... К тому же, если Сэм приложит монету к солнечному диску, где гарантия того, что его двоюродная сестра не останется здесь? Одна, с медведем, навеки!

— *Эмми!*

Лили указывала на что-то высоко в стене.

— *У-у-у-уа-а-ар-р-р!* — издали отозвался медведь, и его рев эхом прокатился по пещере.

В темном углу находилось что-то вроде естественного дымохода, выбитого каплями воды. Сэмюел подошел ближе: проход был сантиметров пятьдесят в диаметре и вертикально уходил вверх. Если он подсадит Лили, она, возможно, сможет туда протиснуться, а потом подтянуться на руках...

— *Илил! Нита!*

Она поняла его мысль и встала на ступеньку из скрепленных рук Сэмюела. Вторую ногу девочка поставила Сэму на плечо, и ему пришлось прислониться к стене, чтобы не упасть.

Медведь перестал рычать, но в тишине отчетливо слышалось его приближающееся дыхание. Он принюхивался...

Топот лап по камню означал, что зверь преодолел узкий коридор и находится уже совсем рядом.

— *Нита, Илил!* — поморщился Сэм.

Внезапно плечам стало легко — в ту самую секунду, когда медведь с победным ревом ворвался в пещеру. Он был гигантский, не меньше трех метров в длину, с кошмарными когтями и маленькими злобными глазками, светящимися в полутьме. Поднявшись на задние лапы, он стал скрести когтями стену. Сэмюел, парализованный страхом, понял, что настал его последний час.

— *Нита, Эмми,* — шепнула Лили.

Но Сэм не мог шелохнуться.

Увидев, что жертва загнана в угол, медведь двинулся на Сэма своей смешной неуклюжей походкой. Вот только намерения его были вовсе не так забавны...

Сделав над собой громадное усилие, Сэмюел попытался замахнуться нелепой глиняной лампой, но, во-первых, ослабевшая рука едва шевельнулась, а во-вторых, слабый огонек, похоже, ничуть не впечатлил животное. И тут медведь увидел Камень, украшенный костями и мехом. По необъяснимой причине это привело зверя в неопишваемое бешенство.

— *Гр-ру-у-уа-ам-м-ма-а-ар-р-р!* — разревелся он.

Всем своим мощным весом медведь обрушился на Камень и принялся отчаянно колотить его — с такой силой, что стены пещеры содрогались от ударов. Шарах! Шарах! Похоже, чудовище вознамерилось разнести Камень в мелкую крошку, оно сражалось с ним, будто с заклятым врагом. *Ведь он сейчас всё погубит!*

Наконец Сэм вышел из ступора.

— *Нунка Игба!* — крикнул он в отчаянной ярости. (Сюда, медведь!)

Зверь вдруг вспомнил о человеке, но не сказать, чтобы это сильно его успокоило. Он метнулся к Сэму и приготовился мощным ударом огромной лапы сломать ему шею.

— *Нонгада Игба гонка!* — вдруг раздался крик откуда-то из-за медвежьей спины.

Зверь подскочил, и Сэмюел успел заметить косматого человека, вооруженного чем-то вроде копья, которым он целился в животное. Но тут каменные своды рухнули Сэму на голову, и стало совсем темно.

— *Игба на катам...*

Сэмюел приоткрыл один глаз. Была почти ночь. Он лежал на земле под вонючей шкурой — пахло, кажется, падалью. Холода он не ощущал, потому что у входа в пещеру горел костер, и там, у огня, собралась группа людей. Все они были очень волосатые, причём шерсть росла на всех мыслимых участках тела: лбах, ушах, ногах, руках... Семейство Чубакки?^[19]

— *Игба моон моон!* — объявил один.

Остальные согласились, часто пощелкав языками, и Сэму пришлось напрячься, чтобы понять, о чём они говорят.

— Я пришел в Укрытие Цветных Камней, — продолжал говорящий. — Нес кровь и мех Танцующим На Стене. Там увидел Встающего На Задние Лапы, и он ревел, ревел — *Игба моон моон*. Он пришел из Убежища Духа Танцующих, — добавил говорящий и

многозначительно замолчал, будто остановился на самом интересном месте.

Сэмюел почувствовал, что руки и ноги его под покрывалом связаны: да он, оказывается, в плену! Слегка приподнявшись на локте, он поискал глазами сестру. Вокруг огня собралось человек пятнадцать — мужчины и женщины. Но никого похожего на Лили там не было, даже если представить себе их без шерсти. Что с ней случилось? Ее тоже поймали? Или ей удалось убежать? Может, она думает, что он погиб? Если Камень по-прежнему цел, может, она попыталась вернуться домой...

— Я взял палку-протыкалку, — продолжал рассказчик, — и пошел посмотреть: вдруг магия рисунков дала дыхание Танцующим? Большой Игба был там, в укрытии духов. Он сильно бил Камень-мать!

При упоминании дурного обхождения с Камнем-матерью сидевшие вокруг костра возмущенно защелкали языками. Глаза Сэма постепенно привыкли к темноте, и вскоре он разглядел останки медведя. Они находились в нескольких метрах от него, нанизанные на каркас из перекрещенных веток. Животное разделали, а куски мяса развесили по пещере. Вот откуда так несло мертвечиной!

— Игба сорвал шкуру с Камня-матери! Игба хотел, чтобы Камень-мать замерзла и магия рисунка не дала жизнь Танцующим На Стене.

Племя единодушно поддержало такое объяснение и выразило недовольство, погрозив Игбе кулаком. Ответить он всё равно уже не мог.

— Пал ка-протыкал ка вошла глубоко в живот Игбы. Он ревел и ревел — *Игба моон моон*. Потом Встающий На Задние Лапы упал, и за ним я увидел маленького человека с белой шкурой.

Все взгляды обратились к Сэмюелу, и он едва успел закрыть глаза, чтобы притвориться спящим.

— Красивые Зубы, приведи его, — велел рассказчик.

Сэмюел почувствовал, как его подняли и развязали узел на спине. Он притворился, будто только что проснулся, и собравшиеся вопросительно зацыкали. Красивые Зубы без особого труда поднял мальчика и понес к костру. Едва Сэм уселся у огня, все стали подходить к нему и трогать. Ощущение было такое же мерзкое, как от «Ночи живых мертвецов»,^[20] только в реальности! У всех ужасно воняло изо рта каким-то жиром, и никто не стеснялся рассматривать

Сэма со всех сторон: теревить ему волосы, щипать, выражая изумление гладкостью кожи, раздвигать губы, чтобы пощупать язык, вытягивать ноги и спрашивать, как он на них ходит, и всё это — с выражением удивления, близкого к отвращению.

Через несколько минут говорящий объявил, что знакомство окончено, и обратился к гостю сам:

— Откуда ты, маленький человек с белой шкурой?

Сэмюел решил, что лучше промолчать. Толково объяснить он всё равно не сможет, а разозлить этих дикарей, каждый из которых был на голову его выше и весил килограммов на пятьдесят больше, ему совсем не хотелось.

— Он не разговаривает, — заключила женщина, чья буйная шевелюра немного напомнила Сэму прическу, которая бывает у миссис Пинсон, учительницы музыки, когда она забывает привести себя в порядок перед выходом из дома.

— Он еще и не бегает, — добавила ее соседка, указывая на ноги Сэма.

— С такими тонкими руками ему ни за что не поймать на охоте длинноносого, — заметил бородач с изрубцованной щекой.

— Он не такой, как мы, — подытожила первая женщина, первобытная версия миссис Пинсон. — Может, это просто один из двулапых крикунов сбросил шерсть?

— У крикунов длинный хвост, — возразил рассказчик, — и они редко подходят близко. К тому же маленький человек с белой шкурой был в укрытии духов, когда на него набросился Игба.

Так вон оно что, сообразил Сэм: его придавило тяжестью медведя!

Тут поднялся, опираясь на грубо отесанную палку, старик, который до сих пор молчал.

— Не верьте ему, — сипло и угрожающе проговорил он. — Помните слова Того, Кто Пришел Издалека? Каждый чужак, который приблизится к Камню-матери, должен быть убит! Каждый!

Он сделал два шага в сторону Сэма и сунул ему под нос свою клюку.

— Каждый чужак, приблизившийся к Камню, должен быть убит! А то не видать нам хорошей охоты, деревья засохнут, и племени будет нечего есть! Так сказал Тот, Кто Пришел Издалека! А значит, племя должно это сделать!

Сэмюел не знал, что страшнее: прищуренный глаз и изрезанное шрамами веко старика, его омерзительное дыхание или украшение на конце палки: черная кость в форме рогов с круглой ракушкой внутри. Точь-в-точь как странная U и непонятные изображения оленей в пещере!

Тут вмешался рассказчик:

— Послушай, Глаз Мертвеца, я был совсем ребенком, когда Тот, Кто Пришел Издалека, посетил наше племя. С тех пор он больше не появлялся, к тому же многие из отцов говорили, что он опасен.

— Он был опасен, да! Но у него была сила! — раздирая глотку, проорал старик. — Он мог одним взглядом победить Красивые Зубы и вообще всё племя! Вот почему его нужно слушаться и убивать всех, кто приближается к Камню-матери! Иначе он вернется и убьет нас самих!

Сэмюел подумал, что, пожалуй, пора раскрыть рот, но в этот миг раздался пронзительный вопль:

— *Аниани-и-и-и-и!*

Самые быстрые схватили копья, а Глаз Мертвого вцепился Сэму в воротник, чтобы тот не вздумал сбежать.

— *Имба аниани-и-и!*

— Вверху, над укрытием! — указала первобытная Пинсон.

— Дитя медведя! — закричал тот же голос. — Отпустите дитя медведя!

В двух метрах над костром возник рогатый демон: он сидел на краю скалы, свесив с нее одну босую ногу. Охотник занес руку с копьем, прицеливаясь, но рассказчик его остановил. Видение было в самом деле устрашающее: жуткий голос, обрывки меха на теле, струящаяся по рукам и подбородку кровь, белый медвежий череп вместо головы. Оранжевые отблески огня смешивались с бледным светом луны, и из-за этого от демона исходило противоестественное свечение.

— Гром и молния на всё ваше племя, если не отпустите дитя медведя!

Люди в страхе отступали, многие зажимали глаза и уши. Даже отважный охотник не изъявлял желания противостоять страшному призраку.

Что же до Сэмюела, то он, несмотря на странный акцент демона, без труда узнал свою двоюродную сестру, которая нацепила на себя череп и мех, одолженные у Камня-матери... Лили пришла ему на помощь!

— Отпусти его, Глаз Мертвого, — тихо повелел рассказчик.

Тот с сожалением послушался, и Сэмюел прыгнул на узкую тропу, ведущую вверх по холму. Лили тем временем продолжала нагонять ужас на собравшихся у ее ног первобытных людей.

— Гром и молния да поразит всех, кто осмелится потревожить дух Встающего На Задние Лапы! — провозгласила она.

Предупреждение, судя по всему, сработало. Когда ребята бросились бежать, никто не стал их преследовать.

— Скорее! — торопила Лили, таща за собой Сэма в полумраке коридоров.

Они бежали не оглядываясь, пока не достигли пещеры духов — до нее было примерно триста метров. Только тут, перед Камнем, девочка сняла с себя череп и меховые клочья и аккуратно сложила всё это рядом с доисторической лампой. Рубашка Лили была перемазана красным, словно ее окунули в медвежью кровь. Сэмюела замутило...

Он стоял на месте и не мог пошевелиться, поэтому Лили взяла в углублении одну из оставшихся монет и решительно вручила брату.

— Скорее!

Выбора не было. Сэмюел приложил голову барана к солнечному кругу, оценивая следы, оставленные на Камне медведем: царапины, сколы — животное явно намеревалось Камень уничтожить. Но почему?

Когда гудение показалось Сэму достаточно сильным, он обхватил сестру за талию и изо всех сил прижал к себе. И только после этого опустил ладонь на Камень.

10

РАБЫ

Свернувшись в клубок, Сэмюел и Лили с громким ударом приземлились на твердую поверхность. Лили некоторое время провела в скрюченном виде, ее снова вывернуло, а Сэм тем временем пытался сориентироваться. Они находились в темном помещении с низким потолком, слева стоял какой-то деревянный механизм, а в стене было вырезано нечто вроде квадратного окошка. Прижавшись к мутному стеклу, Сэм разглядел по ту сторону большой резервуар, наполненный водой, в который было погружено колесо с лопастями, в данный момент не работавшее. Стена сочилась влагой, будто щели были заделаны не вполне герметично. Чуть дальше на земле валялись молотки и клещи, а также стояла масляная лампа — более продвинутая модель, чем та, что встретила их в пещере духов. Что же до Камня, то он находился у противоположной стены и был покрыт таким толстым слоем плесени, что изображение солнца почти полностью заросло. Повсюду здесь царил сырость...

Сэмюел достал музейную монету из углубления в Камне и нагнулся к сестре.

— Лили, ты как?

— Голова, — простонала она, вытирая губы.

— Всё позади, Лили, у нас получилось!

— Что получилось?

— Ну, спасись.

— Сэмми, ты взялся за латинский?

— Что?

— Ты говоришь на латыни, брат. И я тоже.

— О.

— Этот встроенный переводчик — просто класс, — добавила она со слабой улыбкой. — Вот бы мне такой на уроках...

Она замолчала и прислушалась. В темноте откуда-то доносились приглушенные голоса, которые с каждой секундой звучали всё ближе.

— Сэмми, мне нужно кое-что тебе сказать. Это касается нашего настоящего.

— Давай.

— Тебя ищет полиция.

— Меня? Полиция?

— Да. В связи с ограблением музея Сент-Мэри. Они нашли твой мобильник. В том зале, где произошла кража.

Мобильник! Сэм совсем о нём забыл!

— Они изучили твою телефонную книгу и к полудню были у бабушки. Ты уже ушел, и мне показалось, что они решили отправиться на улицу Барнбойм. Мы с мамой как раз вернулись из аквапарка, и я сразу побежала тебя предупредить. Но когда попыталась остановить...

— То-то они удивятся, когда обнаружат, что и книжный магазин тоже взломан!

— Так вот почему все книги на полу?

— Я уверен, что это был Татуированный, — кивнул Сэм. — Похоже, он что-то ищет. То ли черный блокнот отца, то ли Книгу времени... А еще я нашел в интернете фирму «Аркеос», которая занимается продажей антиквариата, и они...

— Тс-с, — прервала Лили. — Они совсем рядом!

Разговор действительно слышался уже очень отчетливо:

— Это самая старая часть комплекса. Пожалуй, следует подумать над тем, чтобы ее закрыть, Корвус. Протечки становятся всё сильнее, и...

— И что? — прогремел другой голос. — Разгар лета, от клиентов отбоя нет! Мне нужны все помещения! Проследи, чтобы всё работало и использовалось, понятно?

— Идут! — шепнула Лили. — Что делать?

Сэмюел помог ей встать. Помещение залил слабый желтоватый свет.

— Одна несчастная протечка не мешает мне открыться, Юлий. И я плачу тебе не за то, чтобы ты говорил мне, что неспособен навести тут порядок! Что за...?

Беседующие вошли в зал с механизмом и застыли на месте, обнаружив там Сэма и Лили.

— ЧТО ВЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТЕ? — завопил лысый толстяк, одетый в тогу.

— Мы заблудились, — не раздумывая выпалил Сэмюел.

Лысый с негодованием оглядел их.

— С каких это пор рабы получили право разгуливать по подземным помещениям? И где ваша одежда?

— Мы... мы ее забыли, — пролепетал Сэм.

— Что значит забыли?

Он замахнулся палкой, которую держал в руке, и довольно сильно стукнул наглеца по ногам.

— В термы вот-вот явятся первые посетители, почему вы до сих пор не на своем посту? Как вас зовут?

На этот раз быстрее сообразила Лили.

— Самос и Лилия, — ответила она.

— Первый раз слышу, — рывкнул лысый, вновь замахиваясь палкой. — Это Петр купил вас на окончание сезона?

— Да, Петр, — без тени сомнения подтвердила Лили.

— Надеюсь, вы обошлись мне не слишком дорого, грязные маленькие бездельники. Что ни говори, перевелись рабы, достойные этого звания! Ладно, Юлий, даю тебе полчаса на то, чтобы запустить колесо. А вы...

Он еще раз треснул Сэма палкой.

— Марш за работу!

Не переставая поливать их руганью, Корвус погнал Лили и Сэма по подземным залам к каменной лестнице, которая вела наружу, к солнечному свету.

— Господи! — прошептала Лили.

Они попали в просторный квадратный двор, окруженный галереями колонн и каменных построек. В центре, под открытым небом, росло дерево. Вдали, над крышами, возвышалась гора, на склонах которой зеленели возделанные поля. Солнце поднялось еще не слишком высоко, но воздух уже приятно прогрелся. Начиналось прекрасное утро... Множество слуг, одетых в простые белые туники, переходили от двери к двери, неся в руках полотенца, фрукты и амфоры. Корвус снова пригрозил ребятам палкой и указал на помещение справа:

— Быстро в бельевую переодеться и бегом по местам. Петр скоро будет здесь, но не беспокойтесь, до его прихода я с вас глаз не спущу!

В подтверждение своих слов он махнул палкой прямо у них над головами, и ребятам пришлось повиноваться.

— Что теперь делать? — вполголоса спросила Лили, пока они шли к прачечной.

— Надо во что бы то ни стало найти монеты, — тихо ответил Сэм. — Если Камень тут сработал, значит, как минимум одна монета поблизости точно есть. Где мы, как ты думаешь?

— В термах. Это нечто вроде общественных бань. В эпоху Римской империи они были повсюду, люди там мылись и проводили деловые переговоры.

В бельевой их встретила крупная женщина с приветливой улыбкой.

— Вы, детки, наверное, новенькие?

— Да, — ответил Сэм. — Петр нас только недавно купил.

— Вот и хорошо, нам как раз не хватает рук. Сейчас поищем вам что-нибудь почище.

Она выбрала две туники из стопок, лежавших у стены, и протянула детям.

— Вроде размер должен подойти. Только поспешите, вот-вот открываемся. Вам уже объяснили, что нужно делать?

— Пока нет.

— Ох! И конечно же бездельника Петра до сих пор нет! Ты, девочка, будешь работать у женщин, там, за палестрой,^[21] спросишь Альвину. Ну а ты, мой мальчик, отправляйся в раздевалку для мужчин, она тут рядом. Старик Трималхион всё тебе объяснит.

Одевшись в чистую рабочую форму, ребята вышли из бельевой комнаты, пока слабо представляя, что делать.

— Может, сразу вернёмся? — рискнула предложить Лили.

— Нет! Нам нужны еще монеты! К тому же рабочий, который чинит колесо, наверняка всё еще там, рядом с Камнем. Дождемся, пока он...

По крытой галерее прокатился мощный удар.

— Клянусь Юпитером, — воскликнул Корвус, стукнув палкой по полу. — Вы всё еще болтаетесь без дела?

Если бы у Сэма спросили, кем он хочет стать в будущем (точнее, в прошлом — две тысячи лет назад, раз уж на то пошло), он бы без сомнения ответил: «Только не мальчиком-банщиком в римских

термах». На первый взгляд, такая работа по плечу любому, но на деле — изнурительный труд. После того как Трималхион, чернокожий раб без двух пальцев на руке, объяснил Сэмюелу азы профессии, его в буквальном смысле послали в баню.

Сначала отправили в раздевалку, куда один за другим приходили многочисленные посетители: нужно было просто забирать у них одежду, складывать ее в шкафчики и взамен выдавать полотенца. Легкотня... Вот только Корвус, проходя мимо, посчитал, что молодой парень такого сложения может быть использован более эффективно, и Сэма отправили в кальдарий — горячий зал, что-то вроде древнего варианта сауны. Сэму полагалось следить за чистотой бассейна с горячей (*очень* горячей) водой и тереть его грубой щеткой. Отчищая бассейн, Сэм увидел, что мозаика на дне изображает прекрасную белую лиру, которую держит в руках полуобнаженная пара. Казалось бы, ничего особенного, вот только инструмент имел форму буквы U с расходящимися концами, а в середине лиры был изображен круг. Логотип «Аркеоса» на дне древнеримского бассейна!

Потрясенный своим открытием, Сэмюел бросил щетку и побежал к Трималхиону:

— Простите, вы случайно не знаете, кто сделал мозаику на дне бассейна с горячей водой?

— Мужчину и женщину с лирой? Ее несколько лет назад переделали. Занимался этим Октавий, местный мастер. А что там такое, откололся кусочек?

— Нет, просто она мне очень понравилась. А в термах есть еще мозаики вроде этой?

Трималхион задумался.

— Пожалуй, больше нет. И вот, знаешь, ты спросил, и я вдруг вспомнил: по-моему, эту картинку придумал кто-то из рабочих Октавия. Станный такой был парень, исчез сразу же, даже не стал денег за работу требовать. Но рисунок успел придумать во всех подробностях, и мастеру понравилось, так что... Якобы такая лира приносит счастье и процветание... Ну, насколько я понял. Ладно, — вдруг спохватился он. — Возвращайся к работе, Корвус наверняка где-то рядом...

Корвус и в самом деле не замедлил явиться. Обнаружив, что Сэм покинул пост, он пригрозил палкой и в качестве наказания отправил

нерадивого раба на палестру для выполнения такой работы, которую Сэмюел не мог бы вообразить даже в самых страшных кошмарах. В течение получаса он ходил по двору с горшком, в который мужчины облегчались в перерывах между двумя тренировочными боями или игрой в мяч. Затем он выливал мочу из горшка в большой чан, стоявший в отдалении, и прачки использовали ее для стирки белья. Стирать белье мочой — это вообще надо додуматься!

Короче говоря, Сэмюел работал переносным туалетом...

Очень скоро он не выдержал искушения и рискнул заглянуть на лестницу, ведущую в подвальное помещение. Деревянное колесо снова работало: черпало воду и наполняло резервуар, из которого вода поступала уже непосредственно в термы. Но если колесо снова вращалось со скрипом старой двери, это означало, что рабочий, ответственный за его починку, закончил дело и ушел...

Сэмюел спустился по лестнице, но там его ждало разочарование: вход в подземелье преграждала ржавая решетка. Доступ к Камню закрыт!

— Опять ты! — вскричал Корвус, увидев, как Сэм поднимается по лестнице. — Чего ты тут ошиваешься?!

На этот раз Сэмюел получил два удара палкой по спине и немедленно был отправлен в котельную — самое жуткое место во всех термах. Он спустился на самый нижний этаж к двум чернокожим рабам: это были два колосса с блестящей от пота кожей, которые мощными бросками зашвыривали дрова в пылающую топку. Огромные котлы, стоявшие на огне, были наполнены кипятком, над ними клубился густой пар: по системе труб он передавался в кальдарий и нагревал в нём воду. Жара здесь стояла ну просто адская!

— Проследите, чтобы он как следует попотел! — обратился Корвус к рабам. — Этому парню надо усвоить, кто здесь хозяин!

Двое рабов на мгновение отступили, чтобы Сэм дотянулся до поленницы, но, как только Корвус отвернулся и зашагал прочь, забрали полено у мальчика из рук.

— Старый ворон уже не знает, что бы еще такое придумать, — вздохнул один из них, утирая лоб. — Ты у этой печи долго не протянешь. Садись-ка лучше вон там.

Довольный таким удачным поворотом, Сэмюел собрался было устроиться на скамеечке, как вдруг земля у него под ногами задрожала.

Др-р-рын, др-р-рын, др-р-рын! Сэм не успел понять, как это произошло, но в следующую секунду опрокинулся на спину.

Рабы расхохотались:

— Ага! Не ожидал такого, да? Тут у нас, малыш, частенько земля шалит! Учись держаться на ногах!

Но через несколько секунд новый толчок, мощнее прежнего, швырнул их самих друг на друга. С потолка посыпалась белая пыль, из огня вывалилось несколько горящих поленьев. Вода в котле разгневанно билась о стены, грозя перелиться через край.

— Вот это да! — проговорил тот, что покрупнее, поднимаясь. — На этот раз шарахнуло что надо!

— Если опять тряхнет, придется потушить, — заметил второй. — А то и до пожара недалеко! Когда такое случается...

Они убедились в том, что в целом котельная пока в порядке, и отправились за распоряжениями к Корвусу. На этаже купальщиков царила паника: люди выскакивали из зданий, обмотанные полотенцами, и спрашивали друг у друга, что происходит. Вокруг лежали опрокинутые статуи, с потолка кое-где обвалилась плитка, а главное — откуда-то издали доносился тревожный глухой рокот. В центре палестры собралось человек двадцать посетителей, все они указывали на что-то пальцем: над горой поднималось облако черного дыма.

Сэмюел вздрогнул от неожиданности: чья-то прохладная рука схватила его ладонь. Это была Лили, он не услышал, как она подошла.

— Сэмми, я тебя уже полчаса ищу! У меня плохие новости! Знаешь, как называется эта гора?

— Нет...

— Это Везувий, братишка. Вулкан! Мы с тобой в Помпеях, Сэмми. В Помпеях!

11

24 АВГУСТА 79 ГОДА, 10 ЧАСОВ УТРА

— Огонь! — закричала какая-то женщина. — Гора горит!

Купальщики и рабы теснились вокруг, вытаращив глаза от изумления.

— Да нет, — попытался успокоить кричавшую Корвус. — Просто по небу плывет большая черная туча. Возвращайся в купальню, Флавия, бояться совершенно нечего...

— Нечего бояться? — возмутился мужчина, только что игравший в мяч в палестре.

— Да меня сейчас чуть не убило обвалившейся плиткой!

Он сунул осколок керамики поднос Корвусу, будто тот собственноручно сбросил это ему на голову.

— Маркус, ты же знаешь, за последние дни было несколько толчков. Это не опасно. Здание построено добротно, и...

— А землетрясение, которое произошло пятнадцать лет назад? — перебил другой клиент. — Оно тоже, по-твоему, было неопасно? Половину города тогда разрушило, и, насколько мне известно, термы Стабий^[22] тоже не пощадило!

При этих словах лоб Корвуса покрылся крупными каплями пота.

— Сейчас другое дело, — начал защищаться он. — Стены с тех пор укрепили и бассейны сделали более прочными.

Оглядев собравшихся, он добавил сделанной веселостью:

— Ну же, друзья, пойдете! Первым вернувшимся в кальдариум в подарок — кубок нашего лучшего вина!

После чего обратился к рабам:

— А вы возвращайтесь к работе, обслуживайте гостей!

Заметно было, что многие клиенты колеблются. Ведь, честно говоря, солнце начинало припекать, небо было ясным, день обещал быть чудесным. Ну да, над головами висела эта непонятная черная

туча, но как поверить в вероятность катастрофы, когда стоит такая замечательная погода?

Лили набралась смелости и вышла в середину.

— Если вы немедленно не уйдете, то погибнете, — решительно объявила она.

Корвус не долго думая вlepил ей звонкую оплеуху, и Лили отлетела к ногам Флавии.

— Маленькая лгунья! — воскликнул он. — Ну ты у меня...

Он не успел договорить. Раздался мощный взрыв: Г-ГР-Р-РБ-Б-БР-РА-АУМ-М-М! С невероятной силой вершина Везувия взлетела в воздух, разбрасывая вокруг гигантские обломки камня. Все вытаращив глаза следили за полетом огненных клубков: те чертили на чисто-голубом небе яркие полосы и с шипением падали на землю.

— Гора выплевывает свои внутренности!

— Девчонка права, мы все умрем!

— Подождите, друзья, — взмолился Корвус. — Везувий отсюда далеко! Давайте насладимся этим удивительным зрелищем и вернёмся в купальни!

Но большинству клиентов расхотелось развлекаться.

— Мы в раздевалку, Корвус, заберем свою одежду!

— Да, выдайте нам одежду!

— Ну, если вы так настаиваете... — сдался Корвус.

Он отдал связку ключей Трималхиону, и большинство купальщиков пошли за чернокожим стариком забирать свои вещи. И тут заговорил один из рабов, обслуживающих котельную:

— Корвус, земля продолжает злиться, ты бы отпустил нас домой к семьям...

— Что? — возмутился хозяин терм. — С каких это пор рабы решают, что мне следует делать?

— Если вы останетесь здесь, то погибнете, — стояла на своем Лили. — Скоро Помпеи засыплет пеплом!

— А ты, — пригрозил Корвус, — если произнесешь еще хоть слово, я тебе голову снесу вот этой вот палкой. Пеплом засыплет! Больше ничего не придумала? Везувий — это обыкновенная гора, а не огненная, уж наверное мы бы знали, если бы за ней такое водилось! Вы все немедленно вернетесь на свои места и до вечера пробудете здесь!

Раб повысил голос:

— Корвус! Девчонка, похоже, права. Земля трясется, гора горит, ты должен нас отпустить! Ты ведь помнишь, что случилось с моей дочерью...

Палка со свистом рассекла воздух и ударила истопника по щеке. На коже появился фиолетовый рубец, из которого выступила кровь.

— Ксенон, Флакт, Трилций! — гаркнул Корвус. — Отведите Диомеда в теплый зал и закройте на засов. Плачу вам за это десять сестерциев!^[23] И с этой глупой пророчицей заодно разберитесь!

Он толкнул Лили в руки здорового лысого человека. Сэмюел бросился на помощь, но тут схватили и его: обещанные сестерции явно придали слугам сил.

— Мальчишку тоже закройте! Он с самого утра напрашивается!

— Град! — удивленно воскликнула хранительница белья. — С неба сыплется град!

Пытаясь вырваться из могучих рук долговязого слуги, Сэм в самом деле почувствовал, как сзади по шее что-то ударило.

— Это не град, это камни!

Дождь из камней... Маленьких, средних, побольше. В основном размером примерно с яйцо, неровных, шероховатых, серого цвета. Но, удивительным образом, довольно легких.

— Это гора, смотрите! Она выплевывает из себя камни!

Над Везуviем образовалась темная шапка, которая сгущалась и двигалась в сторону города.

— Ксенон, запри этих троих. А вы, остальные, уберите камни, — приказал Корвус. — Когда всё это закончится, я хочу, чтобы двор был идеально чистым.

Диомеда, Сэмюела и Лили приволокли на женскую половину бань и бросили в тепидарий — теплый зал. Дождь из камней оглушительно колотил по крыше, но это не мешало Диомеду биться о дверь и кричать:

— Корвус, будь ты проклят! Мне надо к жене и дочери! Я должен быть там! Если с ними что-нибудь случится...

Лили нагнулась к Сэму.

— Камни, которые падают с неба, — это пемза! — объяснила она. — Они означают, что извержение уже началось! Мы в школе

смотрели документальный фильм. Через несколько часов город полностью накроет пеплом!

Ну почему Лили всегда всё понимает раньше других? Особенно в том, что касается катастроф!

— Несколько часов, ты уверена?

— Может, и меньше, не знаю. Точно знаю, что жертв будет не счесть. Большинство настигнет горящая туча, упавшая с неба, — людей будто мумифицирует пеплом. Мужчин, женщин, детей! Несколько веков спустя их обнаружат в тех же позах, в каких они находились в момент смерти!

— Еще хорошие новости есть?

— Сэмми, надо выбираться отсюда, и поскорее!

— Дверь с виду прочная. И Камень нам сейчас не поможет: проход к нему закрыт на замок.

Сэмюел быстро осмотрел теплый зал: наверху было много отверстий, но добраться до них невозможно, даже если встать на плечи Диомеду. Ну а больше ничего толкового: амфоры с маслом, скребки для очищения кожи, два забытых полотенца, кочерга, несколько ламп. Стены покрывали разноцветные фрески, воспевающие радости купания, но никакого аварийного выхода предусмотрено не было. Они в ловушке, и надежды на спасение нет!

— Чума возьми этого Корвуса! — воскликнул Диомед, оборачиваясь к детям. — Хоть бы у него все его зубы повыпадали и застряли в глотке! Моя дочь слишком слаба и не сможет идти сама, а жена ее не донесет. И всё из-за него!

— Что он сделал с твоей дочерью? — спросила Лили.

— Она упала с балкона, куда он отправил ее развешивать цветы. Она была слишком мала для такой работы! С тех пор ножки ее не держат. Ей никак не уйти из города! И если твоя догадка верна, если гора и в самом деле плюется огнем...

Он взял руки Лили в свои и пригнулся, чтобы быть с ней одного роста.

— Похоже, ты знаешь, что говоришь! Ты почти такого же возраста, как моя дочь. Ты правда считаешь, что мы все умрем?

— Ну, — пробормотала Лили, мягко высвобождая ладони из его рук. — Всегда остается надежда, правда? Но, похоже, Везувий проснулся, и теперь...

Тут мощный толчок тряхнул стены, и пол под ногами закачался. Они некоторое время шатались, еле удерживаясь на ногах, и тут всё здание застонало, и где-то за стенами раздался ужасающий грохот, будто по соседству рухнул дом.

— Что это? — спросила Лили.

— Где-то в южной части здания, — ответил Диомед. — Надеюсь, это не большая водонапорная башня обрушилась.

— Есть какой-нибудь способ отсюда выбраться? — поторопил его Сэм.

— Кроме этой двери, нет. Если только не...

Истопник сделал несколько шагов, глядя себе под ноги, и вдруг указал куда-то в пол.

— Смотрите, каменная кладка раскололась. Если повезет... Дайте-ка мне кочергу.

Сэмюел сбегал за железной палкой, лежавшей у печи.

— У тебя есть идея?

— Надо попытаться расширить разлом...

Истопник принялся выбивать из пола плитку, увеличивая трещину в полу. Снаружи каменный град шел с удвоенной силой, и свет угасал, будто наступала ночь.

— Возьмите скребки, — скомандовал Диомед. — Помогите мне!

Сэмюел и Лили рьяно принялись за дело, отковыривая что-то вроде зернистого цемента, на который крепилась плитка пола.

— Ты надеешься прорыть туннель, чтобы выбраться, да? — спросил Сэмюел после четверти часа молчаливых усилий.

— Почти! Тепидарий и кальдарий немного приподняты над землей. Они стоят на невысоких колоннах, между которых циркулирует горячий воздух из котельной. Это позволяет всегда поддерживать в комнатах нужную температуру. Если бы нам удалось добраться до пустоты между колоннами... Вот, смотрите, уже пошли кирпичи. Вроде получается!

Он попросил Лили и Сэма отойти в сторонку и несколько раз мощно ударил кочергой по полу с криком «Ха!», с каким дровосеки валят деревья, — и под очередным ударом последний слой кирпичей проломился. Горло обожгло горячим паром, густо пахнущим землей.

— Там не опасно?

— Огонь в котельной погашен, так что вы ничем не рискуете.

— Мы?

— Ну да, вы. Вы худые и, думаю, пролезете. А я слишком большой, я там застряну. Вперед, щель еще недостаточно широкая, надо поднажать!

Понадобилось еще минут десять, чтобы как следует расширить раскол — теперь Сэм и Лили могли через него выбраться.

— Я дам вам лампу, — подбодрил их Диомед. — Спускайтесь скорее, не задерживайтесь!

— А как же ты? — запротестовала Лили. — Что будет с тобой?

— Не беспокойтесь, в конце концов они меня выпустят.

Он попытался изобразить улыбку, но Сэмюел и Лили прекрасно понимали: Корвус не собирается никого освобождать.

— Идите! — приказал он им. — Слева от выхода будет люк очистки. Крышка на нём из дерева, можно выбить одним ударом ноги. И если... если вы случайно встретите где-нибудь мою жену и дочь, передайте, что я их люблю.

— Я... Я уверен, что они тебя тоже любят, — пробормотал Сэм.

Махнув Диомеду рукой, Сэмюел первым полез вниз: сначала просунул в дыру голову, потом плечи — и почти сразу уперся ладонями в утрамбованную землю. Протиснувшись дальше, он улегся совершенно горизонтально и только в таком положении смог двигаться дальше.

— Лампа, Самос!

Диомед протянул ему масляный светильник, который Сэмюел едва не опрокинул, потянувшись за ним рукой.

— Твоя очередь, малыш! Не бойся, это ненадолго. Главное, держитесь левой стены!

Сэмюел отполз как можно дальше, чтобы освободить место для Лили. Помогая себе локтями и коленями и стараясь не обращать внимания на кирпичи и цемент, обдиравшие кожу на спине, можно было потихоньку, сантиметр за сантиметром, двигаться вперед.

— Всё нормально? — спросил Сэм.

— Если не считать жары и темноты — да, — ответила Лили.

Некоторое время они мучительно продвигались вперед и наконец заметили в стене технический люк. Сэмюел перевалился на бок, развернулся ногами в сторону деревянной дверцы и, опираясь локтями, подтянул себя поближе к стене, чтобы толкнуть посильнее.

Он принялся бить пятками по дверце и бил до тех пор, пока она с глухим треском не распахнулась.

— Получилось, Сэмми!

Он галантно пропустил Лили вперед, а потом с ее помощью тоже выбрался наружу.

— Уф! Здесь гораздо лучше!

— Где это мы?

— Понятия не имею, — Сэм приподнял лампу. — Но этот коридор непременно должен куда-нибудь вести.

Они пошли наугад и вскоре оказались перед дверью, которая вела наружу.

— Ты посмотри, что творится! Невероятно!

Настоящий потоп из серых камней заваливал термы, на земле образовался плотный каменный ковер толщиной десять или пятнадцать сантиметров. Темная шапка, поднявшаяся над Везувием, накрывала уже весь город — казалось, будто наступила пасмурная зима. Время от времени из вулкана вылетали оранжевые вспышки, сопровождаемые глухим рокотом. Издалека доносились обрывки разговоров, среди которых легко узнавался визгливый голос Корвуса:

— ...стрее!..здельники!

— Теперь главное, чтобы нас не заметили, — пробормотал Сэм. — Спрячь лицо насколько возможно.

Поднявшись по ступенькам, они выбежали на палестру. Корвус никак не мог их заметить, потому что находился в другой части своих владений: отчитывал слуг за то, что плохо отмывают открытый бассейн. В полумраке добраться до Камня будет не так уж и сложно. И, кстати...

— Сюда!

Сэмюел вдруг схватил Лили за руку и потащил в противоположном направлении, в сторону женских бань.

— Почему туда?

— Диомед!

Они пересекли опустевшую раздевалку и побежали к тепидарию, откуда доносились мощные удары в дверь.

— Выпустите меня! ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ!

— Диомед, мы тут!

— Самос? Самос, вам удалось выбраться?

— Да, через люк очистки, как ты и сказал! Отойди в сторону, я толкну с этой стороны!

Сэмюел изо всех сил бросился на дверь, но она даже не дрогнула: петли и замок были будто каменные. Он разбежался и ударился о дверь изо всех сил, но единственным, что при этом треснуло, было его плечо.

— Сэмми, остановись!

Лили указала на противоположную стену: на большом гвозде висел ключ. Вся история мира — в одном мгновении: мужчины испокон веков полагались на мускулы, а женщины — на ум!

Сэмюел вставил ключ в замок, и через секунду все трое обнялись, поздравляя друг друга.

— Спасибо, дети, спасибо! Побегу искать жену и дочь, и вас тоже отведу в надежное место!

— Нет, мы не можем с тобой идти, у нас есть одно важное дело рядом со старым колесом. Мы присоединимся к тебе позже.

— Рядом со старым колесом? Там постройка совсем непрочная! На вашем месте я бы туда не совался. Толчки могут повториться...

— Мы знаем, что делаем, — заверила его Лили. — Уходи и за нас не беспокойся. Твоя жена и дочь наверняка волнуются.

Диомед внимательно оглядел детей. Он хотел возразить, но ограничился тем, что в последний раз прижал их к себе.

— Спасибо вам еще раз. И удачи!

Они расстались под навесом портика, и Сэмюел протянул Лили одно из полотенец, которые подобрал в теплом зале.

— Замотаем головы, камни будут не так сильно бить.

Они пошли вдоль стены, молясь о том, чтобы на них не свалился крупный обломок. Палестра сейчас походила на галечный пляж, а Корвус у бассейна продолжал лаять на слуг. Впрочем, его уже мало кто слушал, ряды рабов сильно поредели. Все поняли, что им угрожает опасность. В воздухе стоял неприятный запах, пахло не то бытовым газом, не то какими-то химикалиями. Лили начала кашлять.

— Сера! — сплюнула она. — Надо поторопиться!

— Уже недалеко!

Но их ждал неприятный сюрприз. Постройка, в подвале которой находился Камень, наполовину обвалилась, и часть большого деревянного колеса скрылась под грудой кирпичей и пыли. К тому же повсюду была вода: доступ в подвал затопило.

— Похоже, резервуар прорвало, — вздохнул Сэм.

Сэмюел подошел поближе к горе обломков, жидкому месиву из щепок, кирпичей и пемзы, под которым должен был стоять Камень. На глубине метров трех-четырех, не меньше...

— Вариантов нет. Я пошел.

Он пробрался по шаткой балке, ухватился за колесо и стал медленно погружаться.

— Осторожнее, — крикнула Лили. — Колесо выглядит не супернадёжно!

Сэмюел набрал побольше воздуха, с головой нырнул в черную холодную воду и, цепляясь за лопасти колеса, опустил на дно, заваленное строительным мусором. Он наугад двинулся в тот угол, где находился Камень, но путь ему скоро преградили сваленные в кучу доски, и Сэм успел вытащить только одну или две. Он вынужден был подняться, чтобы глотнуть воздуха. Пришлось несколько раз так опускаться, убирая с пути по несколько досок, и снова возвращаться за воздухом, пока наконец из-под завалов не показался Камень. Вот только коснувшись его, Сэм похолодел от ужаса: у Камня не хватало верхушки. Видимо, ее отколола одна из упавших досок.

— Ну как? — спросила Лили, когда Сэм в очередной раз высунулся из воды.

Спрятавшись под тем, что осталось от навеса, она прикрывала рот рукой, чтобы хоть немного фильтровать пары, становившиеся всё более удушливыми. Град из пемзы поутих, но дымовая шапка приобретала угрожающий фиолетовый оттенок.

— Камень сломан, Лили. Верхушки не хватает.

— Всей верхушки? Вместе с солнцем?

— Нет, солнце на месте. Разве что одного-двух лучей нет.

— Думаешь, он всё равно сработает?

— Конечно, сработает! Давай скорее!

Пока двоюродная сестра вслед за ним забиралась в воду, Сэм достал из кармана музейную монету, заботливо завернутую в тряпочку, и сунул себе в рот. Сработает ли Камень, находясь под водой? Да еще и с отломанным верхом? Сэм не имел ни малейшего понятия. Но как бы то ни было, в его планы не входило мумифицироваться в Помпеях и становиться частью жуткого аттракциона для туристов двадцать первого века.

— Давай руку и держись крепко, не отпускай. Тут не слишком глубоко, воздуха должно хватить. Готова?

Лили кивнула и набрала полные легкие воздуха. Они вместе нырнули и довольно легко добрались до дна, но в тот момент, когда поднырнули под колесо, вода начала бешено бурлить, и доски, которые разгреб Сэм, посыпались обратно на них. Землю снова трясло, и дорога обратно была отрезана!

В полутьме, среди бушующей воды, Лили запаниковала. Сэмюелу пришлось схватить ее крепче, чтобы удержать рядом, одновременно на ощупь отыскивая у стены Камень. Наконец он наткнулся на обломанные края, нашел солнце, профессиональным движением приложил к окружности монету. Лили брыкалась всё сильнее, как маленький зверек, обезумевший от инстинктивного желания вдохнуть воздуха. Но об этом не могло быть и речи...

Сэмюел еще крепче стиснул ее ладонь, мысленно досчитал до десяти и положил свободную руку на обломанную вершину Камня. Воздух в легких заканчивался. Лили нещадно колотила его в живот. Но надо было держаться. Сэму показалось, что прошла целая вечность, и, когда перед глазами уже затанцевали желтые бабочки, под ладонью что-то наконец завибрировало. Активировался Камень или произошел очередной толчок землетрясения?

БУЛЬДОЗЕР

Мир продолжало трясти. Трын-дын-дын! Трын-дын-дыи! Сэмюел поднялся и выплюнул пыль, которая набилась в рот. Вода исчезла, но в воздухе стояла густая взвесь, и дышать по-прежнему было почти невозможно.

— Лили?

Пыль ела глаза, приходилось жмуриться. А когда Сэм решался их приоткрыть, он всё равно ничего не видел — вокруг было темно.

— Лили?

Трын-дын-дын! Трын-дын-дын! Они всё еще в Помпеях? Провалились в очередную пустоту под резервуаром, а город продолжает засыпать пеплом?

— Я тут, Сэмми, — еле слышно отозвался сиплый голос. — Тут.

— Ты говоришь по-английски, Лили... Может, это означает...

Трын-дын-дын! Трын-дын-дын!

— Это подвал? — спросила сестра, на ощупь пробираясь к нему. — Что происходит?

— Не знаю, всё трясется. Надо отсюда выбираться.

Тут раздался мощный рев мотора, и в двух метрах от них обрушился кусок потолка.

— Рабо... — начала Лили.

Через пробитую дыру в помещение проник свет, и показалась железная лестница слева. Сэмюел рефлекторно подсадил Лили, чтобы она поднялась по лестнице прежде, чем на них обрушится остаток крыши. Др-р-рын-н-н! Трын-дын-дын! Трын-дын-дын! Наверху они пробрались через темную комнату и, шурясь от света, оказались под открытым небом. Вокруг высились развороченные стены, жалко болтался на одной петле оконный ставень, валялась разбитая в мелкую крошку плитка...

— Осторожно!

На них надвигалась масса сверкающего металла: Др-р-рын-н-н! Трын-дын-дын! Трын-дын-дын! Ребята едва успели отскочить в сторону, как синий монстр, захлебнувшись рыком, застыл в метре от них. Это было что-то вроде гусеничного трактора с огромным щитом впереди.

— Господи боже!

Из кабины выскочил человек в кепке и с сигаретой в углу рта.

— Черт возьми, дети, вы что здесь делаете? Это же стройка! Я вас чуть не задавил!

На его крики спешили другие рабочие.

— Что там у тебя, Рональд? Что-то сломал?

— Да тут двое детей, Джед! Вылезли откуда ни возьмись, еще бы чуть-чуть — и я бы их размазал!

Человек по имени Джед с неприязнью осмотрел незваных гостей. Лили попыталась отряхнуть черную от пыли тунику и поправила волосы таким изящным жестом, будто только что вышла из ванной.

— Сюда вход запрещен, — наконец сказал он. — Вы что, не видели информационных щитов на заборе? Штраф не терпится заплатить?

Сэмюел огляделся. Они действительно находились на закрытой территории стройки, окруженной заборами и проволочными ограждениями. Среди разрушенных зданий и гор строительного мусора работали старомодные землеройные машины. Знакомых холмов Сент-Мэри за заборами видно не было — одни только тоскливые серые постройки. Ничего общего с улицей Барнбойм! И всё-таки Камень был здесь, стоял в подвале дома, и рабочие собирались его разрушить.

— Это наш дом, — крикнул Сэм. — Вы не имеете права его ломать!

— О нет, дружище, — усмехнулся Джед. — Мы право имеем! И муниципальное разрешение у нас есть, и всё, что надо! Если ты здесь жил и твоим родителям пришлось уехать, моей вины в этом нет: всё дело в кризисе! А сейчас давай-ка плати пять долларов штрафа, или я вызываю полицию.

Пять долларов, задумался Сэм: но каких долларов? Канадских, американских или австралийских?

— Джед, оставь их в покое, — вмешался водитель бульдозера. — Это же дети. Да и вид у них какой, ты только глянь!

— Если у нас на стройке начнут селиться бродяги, поверь мне, Рон, нас с тобой уволят. Ты этого хочешь?

— Конечно, нет. Но ведь у нас с тобой тоже есть дети! Представь себе, если бы твои собственные вот так вылезли из дыры на стройке! Ты же знаешь, как оно бывает. Застройщики за копейки покупают дома у безработных, на их месте возводят новое дорогое жилье и продают за бешеные деньги! Богатые вечно наживаются на несчастье бедняков, разве я не прав? Так вот если и мы тоже станем поступать, как они...

Джед пожал плечами. С виду он был никакой не злодей — просто ответственный бригадир, которому хочется поскорее закончить работу без лишних трудностей.

— Окей, Рон, но пусть проваливают, мы и так уже кучу времени из-за них потеряли.

— Этот дом ломать нельзя! — стоял на своем Сэм. — Это дорогой дом, очень дорогой! Там внутри хранится нечто уникальное, и...

Рон взял Сэма за плечо и притянул к себе.

— Сынок, слушай, что тебе говорят, а то одним штрафом дело не обойдется — отправят в полицию за бродяжничество. Твой дом уже разрушен, ты же видишь? Так что отправляйся искать счастья где-нибудь в другом месте. У тебя вся жизнь впереди!

Сэмюел хотел возразить, но рабочие больше не желали тратить время. Они схватили ребят за шкирку, довели до выхода со стройки и хорошенько наподдали обоим.

— Увижу, что вы околачиваетесь где-нибудь тут, — сообщу в полицию! — пригрозил Джед.

Сэмюел и Лили сделали вид, что уходят, а сами через несколько секунд вернулись к ограде и попытались найти в ней проход. Через щель между досками видно было только, как работает бульдозер: он сносил последние стены, заваливая Камень тоннами строительного мусора.

— Как же мы теперь вернёмся? — пробормотала Лили.

— Не знаю.

У Сэма запершило в горле.

— Должен быть какой-то выход, — твердо сказал он и крепко прижал к себе сестру.

Она дрожала, хотя было очень тепло.

— Лили, ты как?

Он потер сестре спину и пощекотал ее, надеясь развеселить, но в ответ Лили лишь слабо улыбнулась.

— Мне страшно, Сэм.

— Ничего, выкрутимся... Мы же всегда выкручивались, правда? Помнишь пещеру? Мех и череп — это ты просто гениально придумала! А в Помпеях каким героем была! Вон как справилась в воде без воздуха! Да ты великая путешественница во времени, Лили! Мы вместе — классная команда! И так просто не сдадимся, правда? Обещаю, мы что-нибудь придумаем и найдем способ вернуться домой. Для начала надо раздобыть себе нормальную одежду... А потом дождемся ночи и попробуем вернуться на стройку. Договорились?

Лили прошептала еле слышное «да», и Сэм помог ей подняться. Они огляделись по сторонам. Слева располагалось несколько невысоких зданий с аккуратными зелеными лужайками, а справа между двух грязных дорог тянулись ряды лачуг, сколоченных из обломков и какого-то мусора. Дальше начинались новые районы, и вдали виднелось даже несколько небоскребов. Город был большой, современный и вместе с тем какой-то недостроенный. Время явно не сегодняшнее, но в то же время и не Дикий Запад. Где-то между...

Оглядевшись, Сэмюел увидел цель: справа, за лачугами были натянуты веревки, на которых сушилось белье.

— Симпатичные вещички, а? Дорогая кузина, как тебе? Выбирай что хочешь, дарю!

Они стали пробираться незаметной тропинкой, моля небеса, чтобы местные жители оказались заняты приготовлением обеда или чем-нибудь еще. В одном из дворов они увидели трех чернокожих детей, игравших с кошкой, но, к счастью, все трое стояли к дороге спиной. Пройдя еще метров сто, Сэм и Лили наконец добрались до бельевой веревки: тут сушилось белье большой семьи с полным набором залатанных рубашек и штанов.

— Я знаю, о чём ты думаешь, — прошептал Сэм. — Но у нас нет другого выхода!

Он перемахнул через деревянный забор, подскочил к веревке и быстро сорвал с нее штаны из голубой ткани — что-то вроде прообраза джинсов. Обычно Сэм очень придирчиво подходил к выбору джинсов: они должны были быть в меру потертые, в меру свободные и желательнее с заниженной талией, чтобы виднелась

резинка трусов. Но, к счастью, в ближайшие дни модных показов у Сэмюела не планировалось... Поэтому он сдернул с веревки прикрепленные прищепками штаны, одновременно прихватив футболку, которая должна была подойти сестре, если, конечно, она любит линиялый коричневый цвет — очень линиялый и очень коричневый. Потом Сэм заметил на другом конце веревки рубашку своего размера и бесшумно двинулся к ней. Но тут белые простыни, бьющие его в нос, как флаги на параде, зашевелились и будто ожили.

— Кто это тут роется в моем белье?

Угол простыни приподнялся, и из-под наволочки вынырнуло сердитое лицо пожилой чернокожей женщины.

— Так ты у меня вещи воруешь! Мэтью! Скорей сюда! Белый бродяга позарился на твою рубашку!

Сэмюел не помня себя отскочил назад и перемахнул через забор.

— Мэтью!

Он подтолкнул сестру, и оба со всех ног бросились бежать.

— Мэтью, твоя рубашка уплывает! Ты, может, думаешь, я сама побегу ее отнимать? В мои-то годы?!

— Воры! — послышался другой голос. — Тетю Люси ограбили!

Из окон соседних домов стали высовываться люди, и в считанные секунды во дворы высыпала куча народу. Двое мужчин бросились на дорогу, чтобы перерезать похитителям путь, а вслед за преступниками помчалась ватага детей.

— Воры! — вопили они. — Тетю Люси ограбили!

— Ладно, ладно, — Сэм резко остановился. — Мы совершили ошибку, вот, мы всё возвращаем.

В знак капитуляции он помахал в воздухе одеждой, но это не помешало десятку человек окружить их с криками:

— Воры! Воры!

— Зовите полицию!

— Да мы сами с ними разберемся! Никакой пощады подлым ворунам!

— К тому же они не из нашего района!

Сэм почувствовал мощный удар справа, и ухо будто ошпарило.

— Да! Да! Не надо нам полиции!

Следующий удар пришелся в плечо, и, пока Сэм разворачивался к нападавшему лицом, он увидел пожилую женщину — ту самую,

которая застучала его у веревки. Она ковыляла к собравшимся, размахивая руками.

— С ума посходили?! — кричала она. — Оставьте его в покое!

— Это они, тетя Люси! Они украли твои вещи!

— Да! Сейчас мы им покажем!

— Бартелеми, а ну отпусти мальчика! — приказала женщина. — Видела бы тебя твоя бедная мать!

Тот, кто схватил Сэма за руку, разжал пальцы и опустил голову.

— Эх, вы! Разве этому вас учат в церкви по воскресеньям? — возмущалась тетя Люси. — Не иметь сострадания к тому, кто беднее вас?

— Они на нашей территории, — запротестовал Бартелеми. — Если мы не заставим их относиться к нам с уважением...

— Бартелеми, у тебя голова совсем пустая, да? В следующий раз при встрече напомни мне хорошенько надрать тебе уши! Ты видел, во что они одеты? Ты что, правда думаешь, будто они пришли сюда из богатого района для того, чтобы примерить твои тряпки?

Мужчина сконфуженно понурился.

— А вы двое, идите со мной, посмотрим, чем вам можно помочь.

Все расступились, и тетя Люси с видом полководца-триумфатора препроводила гостей к себе и захлопнула дверь перед носом у любопытных.

— Вы уж простите их. Это они от отчаяния и нищеты сделались такими злыми! Повсюду безработица, особенно в черном квартале. Дети голодные, родители уж и не знают, что делать... Прямо беда. Но что я вам-то объясняю! Девчонка вон какая бледная и худющая...

Лили действительно страшно побледнела, и под глазами выступили темные круги.

— Вы голодные? Садитесь, у тети Люси где-то было печенье. А еще сделаю вам чаю с сахаром, сил сразу прибавится. Мэтью! Мэтью, ты тут? Чай пить будешь?

Сэм и Лили сели в старенькие кресла. Они были потрясены таким поворотом событий и сгорали от стыда из-за того, что собирались обокрасть эту добрую женщину. Скромное жилище, где они оказались, было полно безделушек. Слабый свет проникал через единственное окно, на столе тускло горела керосиновая лампа. Дальняя стена комнаты была из железного гофролиста, местами прикрытого

старинными фотографиями. Еще тут стояли швейная машинка с ножным управлением и корзина с бельем. Мебель украшали вязаные салфеточки, на буфете красовалась коллекция разноцветных бутылок, а на стуле лежала развернутая газета. Сэмюел потянулся за ней и торопливо перелистнул до передней полосы: «Президентские выборы: кто будет представлять демократическую партию?» И ниже — более мелким шрифтом: «Делегаты встречаются сегодня на стадионе в Чикаго, чтобы определить своих кандидатов». Газета называлась «Чикаго дефендер»,^[24] а дата на ней значилась 30 июня 1932 года.

— Мы в Соединенных штатах, Лили, в Чикаго, — тихо проговорил Сэм. — В 1932 году! Смотри, скоро президентские выборы!

Он передал газету сестре, и у той глаза расширились от изумления.

— Чикаго! Но ведь...

— Интересуетесь политикой?

В комнату вошел высокий молодой человек в белой форме с золотыми пуговицами. Его элегантность никак не вязалась с бедностью обстановки.

— Это из-за вас все так всполошились, да? Вы что, опасные преступники?

— Преступники? Нет-нет, это просто недоразумение, — принялся оправдываться Сэм. — Мы... мы в дороге потеряли чемоданы, и...

Между тем в комнату вернулась тетя Люси, неся на подносе дымящиеся чашки и банку с печеньем.

— А! Уже познакомились с моим Мэтью? Красавец, правда? Гордость мне на старости лет! Тебе уже пора, мой хороший? Не выпьешь чаю?

Мэтью взял газету из рук Лили.

— Мне сегодня надо на Южную.

— Надеюсь, никаких тайных ставок? Ты же знаешь, это противозаконно!

— Тетя Люси, это совершенно безопасно, и к тому же неплохая прибавка к зарплате.

— Ты объясни, какие такие ставки могут стоить того, чтобы ради них подвергаться риску сесть за решетку!

— Конечно же, выборы! Кандидаты, которых демократическая партия выдвинет на президентский пост! Об этом все газеты трезвонят!

— И ты рассчитываешь на этом заработать?

— Можно получить до тысячи долларов, если поставить пятьдесят! Конечно, если угадаешь!

— Рузвельт, — устало обронила Лили.

— Что?

— Демократы выберут Рузвельта. А вице-президентом станет Джон Гарнер.

Сэмюел вытаращил глаза. Рузвельт — это еще ладно, про него он слышал. Но если его сестра и про вице-президентов США всё знает...

— Рузвельт и Гарнер? — заинтересовался Мэтью. — Мне казалось, они не очень ладят друг с другом?

— Не слушайте ее, — вмешался Сэмюел с деланной улыбкой. — Моя сестра немного не в себе. Мелет иногда полную чушь...

— Значит, Рузвельт и Гарнер, — задумчиво повторил Мэтью. — Хм, а почему бы и нет?

Он взял с вешалки белую фуражку и послал тете Люси воздушный поцелуй.

— До завтра, тетя Люси! Постараюсь вернуться не слишком поздно.

Старушка оглядела его с ног до головы.

— Ну и красавец! Знали бы вы, в каком виде я его подобрала! А теперь — полюбуйтесь-ка!

— Подобрали? — растерянно переспросил Сэм, который еще не пришел в себя от Рузвельта и суперспособностей двоюродной сестры.

— Конечно! Его и много еще кого! Я их не меньше десятка вырастила... Я уж лет двадцать как овдовела, ну и что поделаешь, ничего другого не оставалось — согревала их как могла своей любовью, утешала! А стирка... Ох, сколько я белья за свою жизнь перестирала! Так что вы могли запросто попросить у меня одежду, а не тащить без спросу. У тети Люси всегда найдется что-нибудь для ребят вроде вас. Семьи-то у вас, небось, нет?

Первой ответила Лили:

— Не то чтобы совсем нет. У нас есть родственники в Чикаго. Вы случайно не слышали про «Бакалейную лавку Фолкнера»?

Сэмюел чуть не подавился печеньем. Бакалейная лавка Фолкнера! Чикаго! Ну конечно! Он стал быстро производить подсчеты. До того как переехать к Аллану в Сент-Мэри, дедушка держал бакалейную

лавку в Чикаго. В настоящем ему было под восемьдесят, и значит, в 1932 году он был еще слишком юн, чтобы работать. Но вот зато дедушкин отец, насколько помнил Сэм, купил лавку в 1919 году, сразу после окончания Первой мировой войны. И это значит, что в 1932 году в Чикаго уже были Фолкнеры!

— Бакалейная лавка Фолкнера? Девонька, да в городе бакалейных лавок не меньше двух тыщ, кто ж их все упомнит!

— Может, вы подскажете, как нам найти ее адрес?

— А ты уверена, что они вам помогут? Если надо, остановитесь на несколько дней у нас, мне не привыкать! У тебя такой усталый вид! Мэтью дома почти не бывает, так что...

— Очень хочется поскорее их увидеть!

Добрая женщина вздохнула.

— Обещай, что хотя бы допьешь чай и съешь печенье! И переоденешься во что-нибудь более подходящее, чем эта ночная рубашка.

— С удовольствием, тетя Люси.

— Вот и хорошо! Мой племянник живет неподалеку, он недавно установил себе телефон, так что у него наверняка есть справочник. И уж конечно, всякий уважающий себя торговец внес туда свой номер, правда?

Впервые с тех пор, как они попали в Чикаго, Лили, казалось, немного разругалась.

МАФИЯ, ПЕТАРДЫ И БЕЛАЯ ФАСОЛЬ

Поиски «Бакалейной лавки Фолкнера» мало напоминали оздоровительную прогулку. Вопреки предположениям тети Люси, ее прогрессивный племянник действительно обзавелся телефоном, но прилагающимся к нему справочником — нет: никто не совершенен. Впрочем, он вызвался отправить одну из своих дочерей на почту, и та вернулась три часа спустя — три часа, чтобы сходить на почту! — с драгоценным адресом: итак, магазин располагался на пересечении улицы Ирвинг-парк и бульвара Цицерона. Пока они дожидались адреса, тетя Люси успела рассказать Сэму и Лили всю историю их квартала — про то, как в Чикаго, спасаясь от расизма, из южных штатов прибыли тысячи чернокожих семей, как все они вынуждены были набиться словно сельдь в бочки в эти несчастные хижины, а потом вдобавок грянул такой экономический кризис, какого еще свет не видывал. Рассказывая, тетя Люси рылась в корзинах с одеждой, чтобы подобрать ребятам подходящие наряды. Для Лили нашлось голубое платье, украшенное кружевом, немного коротковатое, но почти новое, а для Сэмюэла — совсем чуть-чуть поношенные спортивные брюки, желтая рубашка и оранжевый жилет — да здравствует гармония цвета: встретить он себя самого в таком виде на улицах Сент-Мэри, наверное, закидал бы камнями!

Тетя Люси выдала им еще и сандалии, а также, в качестве бонуса, маленькую плюшевую зебру, которая раньше принадлежала одному из ее приемных детей.

— Будете меня вспоминать, — сказала она, протягивая зебру Лили. — Его зовут Зеб, он много кого утешил за свою жизнь!

Лили поблагодарила Люси и прижала зебру к груди. Вид у девочки был не очень, за эти полдня она вся как будто съежилась. От пирога с паточкой лицо ее, правда, слегка порозовело, но очень скоро она опять

загрустила и притихла. Когда они уходили, тетя Люси еще раз попыталась убедить Лили остаться у нее хоть на денек, но девочка резко поднялась и сделала вид, будто чувствует себя гораздо лучше. Сэмюел был растерян. Он беспокоился за сестру и всё поглядывал на нее: не нравилось ему, как она выглядит... С другой стороны, ему не терпелось поскорее добраться до «Бакалейной лавки Фолкнера». Всё-таки это их семья... В ситуации, в которой они оказались, от кого как не от Фолкнеров ждать помощи и поддержки? А в худшем случае, если прадедушка и прабабушка не захотят иметь с ними дела, всегда можно вернуться к тете Люси...

Ранним вечером, вооружившись адресом и приблизительным планом действий, ребята отправились в путь. По дороге сделали крюк и заглянули на стройку — убедились, что строители продолжают работать на развалинах дома. Потом по широким городским улицам они двинулись в южном направлении. Когда районы бедноты остались позади, Чикаго стал на глазах превращаться в настоящий город, с вывесками, огнями, потоками прохожих и гигантскими зданиями. Были здесь и старинные автомобили с нелепыми угловатыми формами, запасным колесом, прикрепленным сзади, и звонкими клаксонами.

— Вот это машина! — восторженно воскликнул Сэм. — Покрасивее, чем джип дяди Рудольфа, скажи?

— Не говори мне про Рудольфа! — замотала головой Лили. — Страшно представить, в каком состоянии мама! Она, наверное, уже целую банку успокоительного проглотила. И всё-таки, знаешь, — добавила она печально, — мне бы так хотелось, чтобы она была здесь с нами...

И тут они заблудились. Сбитые с толку незнакомым шумом и нагромождением похожих друг на друга зданий, свернули не на ту улицу и потом долго кружили, пока какая-то молодая женщина, стоявшая в очереди за бесплатным супом, не взялась объяснить им дорогу. Пока она объясняла, в какой стороне находится бульвар Цицерона, два маленьких ребенка, стоящие рядом с ней, тянули женщину за рукав и требовали хлеба. Да, тетя Люси не преувеличивала, когда рассказывала о состоянии Америки...

Когда ребята наконец вышли на верную дорогу, оставалось только двигаться всё время прямо до Ирвинг-парка и любоваться тысячей огней, звездным одеялом укрывающих город и его небоскребы.

Сэмюел во все глаза смотрел по сторонам, надеясь узнать какую-нибудь церковь или памятник, но «Бакалейную лавку Фолкнера» он видел всего раз в жизни. Дедушка организовал поездку в США на экскурсию, когда Сэмюелу было лет пять-шесть. Так что точность его воспоминаний об этом визите стремилась к нулю...

— Вот! — вдруг шепнула Лили, указывая на дом, стоящий на пересечении трех улиц. — Совсем как на фотографиях из дедушкиного альбома.

В самом деле, над стеклянной витриной углового магазинчика красовалась вывеска с изящной надписью: «Бакалейная лавка Джеймса Адама Фолкнера».

— Джеймс Адам Фолкнер! — с дрожью в голосе прочел Сэм. — Дедушкин отец!

— Что будем делать? Мы же не можем просто ввалиться туда: «Здравствуйте, мы ваши правнуки, не могли бы вы, пожалуйста, отправить нас обратно в будущее?»

Сэмюел задумался. В этой части Ирвинг-парка было довольно спокойно — ничего общего с тем, как будет выглядеть улица много лет спустя («Самый оживленный перекресток во всём Чикаго!» — утверждал дедушка). Два несчастных фонаря едва освещали окрестные дома. Время от времени еще немного света добавляли фары проезжавших мимо машин. Табачная лавка напротив была закрыта, а железная решетка над дверью в бакалею — наполовину опущена. Видимо, внутри еще кто-то был: там раздавались голоса и горели лампы.

— Надо войти, пока они совсем не закрылись, — сказала Лили.

— Помнишь, дедушка рассказывал про вентиляционное окно? — спросил Сэм.

— Нет...

— Он говорил, что в юности, когда возвращался слишком поздно, входил в дом не через дверь, а через вентиляционное окно. Чтобы отец не...

— И что?

— Ну, он говорил, что прутья на окне были плохо закреплены. Если это правда так...

— Ты хочешь вломиться в дом к родному прадеду?!

— Ну а что мы скажем, если войдем через дверь? Он ведь нас сразу выставит. Вентиляционное окно ведет в подвал, там можно будет на время укрыться и подумать, как действовать дальше. Возможно, появится какая-нибудь идея.

Сэмюел лелеял тайную надежду найти в подвале еще один Камень. Вдруг путешествия во времени — это у них семейное? Что касается Лили, то, хотя ей и не очень нравилась затея со взломом, у нее попросту не было сил спорить. Окно так окно...

Они обошли дом и обнаружили вентиляционное окошко у самой земли. Кто-то переходил улицу как раз в тот момент, когда Сэм нагнулся, чтобы подергать железные прутья. Дети вжались в стену и дождались, пока прохожий скроется за поворотом. Чуть поодаль стояли два автомобиля и один фургончик, но все пустые. Сэм снова нагнулся к окошку. Путья, загораживающие оконное отверстие, немного шатались, но не более того. Тогда он попробовал покрутить центральный прут, и постепенно, миллиметр за миллиметром, тот вывернулся из стены. Сэм аккуратно вынул его и положил на землю рядом с окном, пробрался внутрь и помог сестре залезть за ним следом. В подвале приятно пахло кофе и специями, но было совершенно темно.

— Не двигайся, Лили, — прошептал Сэм.

Он осторожно пошел между бочек и мешков и всё-таки зацепился ногой за ящик с бутылками. Дзын-н-нь! — зазвенел ящик, и мальчик замер. Звон прокатился, должно быть, по всему Чикаго, а то и до Нью-Йорка долетел!

Секунда, другая... Цок-цок... Шаги по тротуару. Кто-то приближается к решетке? Их обнаружили! Цок-цок-цок. Перед окошком шаги замедлились, и в бледном свете Сэм разглядел лакированные туфли с белыми носами. Туфли прошагали мимо. Цок-цок-цок... Уф!

— Сэмми, ты уверен, что...

— Тс-с!

Он на ощупь двинулся дальше — к двери, из-под которой в подвал проникал слабый свет. Сэм положил ладонь на дверную ручку и, затаив дыхание, легонько повернул. Петли были безупречно смазаны маслом. Он мягко потянул дверь на себя, и в подвале стало чуть светлее. Мальчик увидел нижние ступеньки лестницы.

— ...полицию? А почему бы сразу не национальную гвардию, раз на то пошло? Фолкнер, спустись на землю! Кто ей платит-то, твоей полиции? Мы!

В голосе слышался сарказм, чуть ли не издевка. Да, момент для семейного визита выдался не самый удачный.

— Помнишь, что случилось с Уилсоном? — произнес второй голос, хриплый, вероятнее всего, из-за сигарет и алкоголя. — Ну, с Уилсоном, торговцем газетами с Милуоки-авеню... Пожар, вот что! Паф! — и от его газет остался только дым! Ты бы видел, как он таскал ведра с водой и кричал что-то про свободу печати! Но ведь за свободу надо платить, правда, Фолкнер?

— Вы от меня ни цента не получите, — немного нервно проговорил третий голос.

Сэмюел без труда его узнал. В голосе были дедушкины интонации и папина теплота, вот только тембр немного другой. У Джеймса Адама Фолкнера проблемы с чикагскими бандитами... Не то ли это самое время, когда весь городдержала в страхе мафия Аль Капоне, которая отнимала деньги у честных торговцев? Сэм видел много фильмов на эту тему — и хорошо представлял себе, о чём речь.

— Фолкнер, Фолкнер! Ты поступаешь неразумно! Мы ведь говорим о страховке! Страховка — это важно! Мир опасен, ты прекрасно знаешь, произойти может всё что угодно!

Дзынь! Что-то упало на пол и разбилось — похоже, бокал.

— Извини, Фолкнер, — проскрипел курильщик. — Какой я неловкий!

Тут раздался звук удара.

— Ой, Фолкнер, извини, оно как-то само!

Сэмюел вздрогнул: сзади подошла Лили.

— Надо их остановить, — прошептала она. — Сообщить в полицию!

— В полицию? — отозвался Сэм. — Не думаю, что полиция захочет вмешиваться.

Он обернулся в поисках какого-нибудь оружия — кирки или палки. Смешно, конечно, но всё-таки...

— Как насчет двадцати долларов в месяц, а, Фолкнер? — продолжал тот с издевкой в голосе. — И магазин будет под защитой. Тебе же еще и о семье надо заботиться... Подумай об их будущем!

— Как вы смеете... Ай!

Еще один удар. Сэмюел подошел к полкам. На одной из коробок стояла надпись «Фейерверки».

— Сегодня тридцатое июня, — произнес он еле слышно. — Четвертого июля в США национальный праздник.

Он осторожно приоткрыл крышку: праздничного вечера дожидались ракеты разного размера и пакеты петард.

— Нужно найти спички! Скорее!

Они принялись рыскать по всему погребу, пока наверху шел неравный бой.

— Вот!

Лили потрясла в воздухе бумажной упаковкой, внутри которой явно гремели разложенные по коробкам спички.

— Спрячься в углу, — велел Сэм. — Сейчас попробуем прогнать этих негодяев.

Он схватил две упаковки петард и полез обратно в вентиляционное окошко. Мимо проезжало сразу несколько машин, но Сэму некогда было об этом заботиться. Даже наоборот, свидетели могут оказаться полезны. Он обежал магазин, зажег первый фитиль и крикнул как можно громче:

— Полиция! Сдавайтесь, вы окружены!

Угрозу эту можно было принять скорее за реплику из мультфильма, чем за полицейскую облаву, но что поделаешь... Сэм отбежал назад как раз в ту секунду, когда петарды начали одна за другой взрываться: бам!бам!бам-бам!

— Немедленно выходите!

Он поджег вторую упаковку петард и бросил их как можно дальше на дорогу. Машины, доехав до этого места, резко остановились и принялись гудеть. Точнее, не просто гудеть — трубить! Би-и-ип! И тут же: бам! бам-бам! би-и-ип! Грандиозный концерт в преддверии Дня независимости!

Сэм бросился обратно в погреб.

— Черт возьми, — скрежетал курильщик. — Что там такое происходит?

— Уходим через черный ход! — приказал тот, с отвратительным голосом. — А ты, Фолкнер, можешь и подождать.

По коридору, в направлении задней двери, прогремыхали торопливые шаги.

— Скорее!

Щелкнул замок, ботинки застучали по мостовой... Сэмюел досчитал до пяти, после чего бросился вверх по лестнице. Дверь, ведущая на задний двор, была приоткрыта: бандиты сбежали. Сэм задвинул засов. С улицы доносились возгласы и ругань. Бандиты ругались с водителями? Раздался выстрел, на этот раз настоящий, а вслед за ним — визг колес: от дома на бешеной скорости отъехала машина. Сэмюел вышел в помещение магазина, Лили — за ним. Торговый зал был перевернут вверх дном, ящики выдвинуты, витрины разбиты, всё засыпано осколками стекла и мукой. Но никакого Джеймса Адама Фолкнера не видно. Что они с ним сделали?

— А-ах...

За прилавком! Ребята поспешили туда. Их прадедушка стоял на коленях, с окровавленным носом, и потирал затылок. Казалось, он на некоторое время потерял сознание, а теперь постепенно приходил в себя.

— Вы... вы кто такие? — он попытался подняться.

Сэмюел подставил ему плечо.

— Мы... Мы проходили мимо магазина, и нам показалось, что тут дерутся или как будто воры забрались. Ну мы и запустили петарды, чтобы напугать бандитов.

— Петарды?!

Джеймс Фолкнер поморщился, ощупывая распухшую верхнюю губу.

— Так вы распугали их петардами? Вот здорово! А как вы сами сюда попали?

— Через дверь, — сказала Лили, для убедительности держась за дверную ручку. — Но лучше, наверное, опустить решетку, так будет надежнее.

— Нет. Моя... моя жена ушла в кино, она скоро вернется.

Оглядевшись, Фолкнер оценил масштаб разрушения:

— Вот негодяи! Всё переломали! Я... я сообщу в мэрию! Да, и в газеты! Надо, чтобы все знали, что творится в этом городе! И в полицию тоже! Не могут ведь они делать вид, что ничего не происходит, правда? Уй!

Он зашатался и вынужден был опуститься на табурет у кассы. Это было, конечно, потрясающее зрелище... Сэм не раз видел прадеда на фотографиях из семейного альбома, интерес к которому проявлял исключительно, чтобы порадовать бабушку. Черно-белое изображение: бакалейщик стоит, немного смущенный, на пороге своего магазина, в фартуке, среднего роста, с усами, чуть завивающимися кверху. Совершенно незнакомый человек, чего уж там. О нём рассказывали какие-то смешные истории, но Сэм их толком не помнил. Что-то там про собаку, которая убежала из окопа во время Первой мировой войны. Или как на свадьбе прадед перепачкал пиджак заварным кремом. И вот пожалуйста — он перед ним, живой и настоящий!

— Мы можем помочь прибраться, — предложил Сэм.

— Я буду вам очень благодарен. Если Кетти увидит этот бардак, она с ума сойдет от беспокойства. Там в шкафу есть тряпки и щетки... Я, конечно, дам вам за это несколько монет!

Сэм и Лили переглянулись, но ничего не сказали. Они принялись подметать и мыть пол. Сэмюел подумал, что ему, похоже, на роду написано во всех эпохах заниматься уборкой. Джеймс Фолкнер тем временем умылся и как мумия обвязался бинтами.

Примерно через четверть часа, когда Лили уже запыхалась от усталости, кто-то постучал в металлическую решетку.

— Папа! Папа! Это мы! Мы пришли!

Джеймс Фолкнер запустил механизм, поднимающий ставни, и к нему в объятья с хохотом бросился маленький мальчик.

— Такой смешной фильм, пап, жаль, что ты с нами не пошел! Чарли Чаплин всех победил!

Сэмюел почувствовал, как у него сжалось сердце: ведь это был дедушка. *Их* дедушка!

— Ой! А что у тебя с носом?

Дедушка в виде семилетнего мальчишки!

Лили не перенесла эмоций: она сделала шаг назад, издала звук, похожий на то, как сдувается шарик, и прямо так, с распахнутыми глазами, рухнула без сознания на мешок с белой фасолью.

14

41,7

Жар держался двое суток. Лили пылала, щеки и лоб были обжигающе горячими, а зубы стучали. Врач, которого к ней вызвали, внимательно осмотрел пациентку, несколько раз растерянно проговорил: «Хм! Хм!» — и наконец признался в своем бессилии. Он не обнаружил ничего ни в горле, ни в легких. Никаких видимых воспалительных процессов. Настоящая медицинская загадка.

— Боюсь, я ничем не могу помочь, — произнес он наконец, удрученно разводя руками.

К середине второй ночи все решили, что Лили уже не поправится. Несмотря на холодные компрессы температура поднялась до 41,7 градуса. Казалось, этому хрупкому телу не выдержать такого жара. Девочку уложили в гостевой спальне (Фолкнеры занимали этаж над магазином), и Сэм спал у нее в ногах, укрывшись пледом. Он всё гадал, не путешествия ли стали причиной внезапной лихорадки. Может, у Лили физическая непереносимость временных перепадов? А может, она слишком долго находится вдали от своей эпохи и ее организм восстал против огромного временного скачка, которому его подвергли? В таком случае, конечно, лечение есть только одно. А что если Лили умрет? Сэмюел старался об этом не думать. Ведь именно он втянул ее в эту историю, и она с самого начала его поддерживала — он даже не ожидал от нее такого! Ради него она перерыла библиотеку в поисках книг о Дракуле, перевела с латыни отрывок из книги алхимика из Брюгге, да и в другие эпохи попала лишь потому, что хотела предупредить брата об опасности! А какую грандиозную штуку она придумала, чтобы спасти его от племени Глаза Мертвеца... Короче, что бы стало с Сэмом, если бы не Лили? И если сейчас он ее потеряет, прежде уже лишившись и мамы, и папы... Нет, об этом невозможно было даже подумать.

К счастью, прадедушка и прабабушка Фолкнеры проявили себя с самой лучшей стороны. Особенно Кетти. Как только она услышала о

нападении на магазин и о том, какую роль в этой истории сыграли ребята, прабабушка тут же предложила приютить их. Это по ее настоянию к Лили вызвали врача. Не проходило и часу, чтобы она не принесла девочке то стакан сока, то что-нибудь вкусное, то журнал, то просто слова утешения. В отличие от фотографий в альбоме, на которых она выглядела суровой и бесцветной, в жизни Кетти оказалась воплощением заботы, любви и внимания. К тому же она готовила такие гамбургеры с жареным луком, каких больше никто и нигде не готовил!

Что касается Джеймса Адама, то к нему подступиться было сложнее. После эпизода с мафией он купил себе пистолет с патронами и припрятал всё это под кассовым аппаратом. Время от времени, когда в магазине никого не было, он доставал оружие и шутки ради целился то в бутылку масла, то в банку с компотом. Вопреки настояниям жены, он всё-таки решил не обращаться ни в мэрию, ни в полицию, объяснив это тем, что так он лишь спровоцирует ответный удар. Сэму казалось, прадед просто ждет, когда бандиты вернуться и он сможет отомстить за себя сам.

У Джеймса Адама были странные увлечения. Когда Кетти сама занималась магазином, он частенько безо всяких объяснений скрывался в погребе. Заинтригованный (вдруг где-то там всё-таки есть Камень?), Сэм со второго дня начал за ним потихоньку следить. Сюрприз! Его прадед выбирался через вентиляционное окошко... Так это он сам расшатал центральный прут на окне, чтобы незаметно выскальзывать из дома! Возвращался он полчаса спустя с легким запахом спиртного. Сэмюел, конечно, помалкивал. Может, из-за дедушкиного увлечения у Кетти на семейных снимках всегда такой печальный вид?

Ну и еще был дедушка. Точнее, Донован. У Сэмюела никак не умещалось это в голове... В жизни как-то не ожидаешь, что в один прекрасный день тебе доведется играть в салочки с собственным дедушкой, которому всего семь лет! Донован был очень милым и общительным ребенком, и большую часть времени он посвящал игре с деревянным поездом, который катал по двору, устраивая для него мосты и туннели из бутылок и пустых рулонов от кассового аппарата.

— Чу-чу-у! По вагонам! По вагонам! Поезд отправляется с первого пути! Сэмюел, будешь кондуктором?

Сэмюел смотрел на маленького мальчика и чувствовал, что готов взорваться от нежности — и от того, насколько невероятно всё, что с ним происходит. Ему хотелось усадить Донована к себе на колени и рассказывать на ушко всякие подробности о его грядущей жизни. Но он прекрасно знал, что неосторожно оброненное слово в прошлом способно изменить будущее. А будущее дедушки — это он сам, Сэм... Поэтому он ничего не говорил — просто молча наблюдал за поездом, который бежал среди консервных банок:

— Чу-чу-у! Внимание, впереди туннель!

А еще Доновану очень нравилась Лили. Хотя ему было запрещено входить к ней в комнату (вдруг болезнь заразна?), он по утрам и вечерам собирал для нее цветы и передавал ей рисунки.

— Отнесешь это Лили, ладно? — просил он, протягивая Сэму листок бумаги с огромным разноцветным солнцем. — Как думаешь, она поправится? Мы сможем вместе поиграть в поезд?

Первые признаки выздоровления проявились на третий день. Жар отступил, и Лили смогла сесть в постели, чтобы съесть хлеба с вареньем и выпить кружку молока. Она по-прежнему была очень бледна, и каждая фраза давалась ей с большим трудом.

— Сэмми, я... Я справлюсь, не делай такого лица! А тебе нужно... Нужно сходить на стройку, посмотреть, как там Камень.

Стройка... Сэмюел насколько мог оттягивал момент, когда придется туда идти. Во-первых, не хотел покидать сестру, а во-вторых, боялся вернуться с плохими новостями. Но вообще-то сходить туда надо было уже давно. И вот, сразу после завтрака, предоставив Лили заботам Кетти, Сэм набрался храбрости и двинулся по бульвару Цицерона в направлении черного квартала. Прежде чем свернуть к пустошам, где ломали дома и шло строительство, он сделал крюк и заглянул к тете Люси — поблагодарить за щедрость и доброту и рассказать, как у них дела. Однако доброй женщины не оказалось дома — дверь была заперта, и у Сэма не осталось больше поводов откладывать визит на стройку.

Положение — увы! — оказалось еще хуже, чем он предполагал... За два дня рабочие успели залить место, где раньше находился дом, цементом. Видимо, здесь должна была появиться автостоянка нового многоквартирного дома... Сэмюел несколько минут простоял, прилипнув к ограде, будто надеялся, что произойдет чудо. Что земля

вдруг, к примеру, развернется, и Камень вырвется, проломит бетон и осторожно приземлится прямо рядом с Сэмом. Но в воздухе тут летала только пыль, которую экскаваторы черпали ковшами, и приказы, которые бригадиры раздавали рабочим. В отчаянии Сэм направился ко входу на стройку — посмотреть что да как, но на него тут же рывкнул кто-то из строителей:

— Эй! Мальчик в желтом и оранжевом! А ну пошел отсюда, не болтайся где не надо!

Сэм уже собирался развернуться и уйти, как вдруг заметил фургон, припаркованный чуть дальше на дороге, между двух тракторов. Фургон сверкал чистотой и свежей черной краской, а сбоку белыми буквами было написано: *Рай коллекционера. Антиквариат, 63-я улица / Коттедж-гроув, Чикаго.*

Ниже располагался логотип магазина: пара расходящихся египетских рогов, а между ними — солнечный диск...

— Ничего себе! — пробормотал Сэм.

Он обошел фургон со всех сторон. Задняя дверь была без окна, спереди через стекло ничего интересного не наблюдалось. Сэм подергал ручку двери, но машина была заперта.

— Эй, желто-оранжевый! — крикнул кто-то у него за спиной. — Что ты там делаешь? Я непонятно сказал? Проваливай!

Всё тот же рабочий...

— Ой, это же не моя машина! — воскликнул Сэм. — Ну тогда ясно! А я думаю, чего это ключ не подходит!

— Сейчас я тебе покажу ключ — полетишь отсюда со свистом!

Строитель бегом мчался к фургону. Похоже, шутка Сэма ему совсем не показалась забавной. Сэмюел решил больше не шутить и бросился прочь. Он бежал до тех пор, пока не оказался в следующем, более оживленном квартале — и тут наконец оторвался от преследования.

Переводя дух, Сэм думал об удивительном размножении странной буквы U: вор в музее Сент-Мэри, пещера Камня-матери, бассейн в Помпеях, а теперь еще и антикварный магазин в Чикаго. Это что же, прародитель фирмы «Аркеос»? Возможно, ответ найдется на пересечении 63-й улицы и Коттедж-гроув...

Сэмюел спросил дорогу и поехал на трамвае, расплатившись за проезд монетами, которые дал им Джеймс Адам. Сделав две пересадки

и проведя в пути примерно полчаса, он вышел у кинотеатра «Тиволи», [25] на улице, пестревшей магазинчиками и ресторанами, у которых в два ряда стояли машины и торопливо переходили дорогу многочисленные пешеходы. «Рай коллекционера» располагался на первом этаже роскошного особняка. Витрина ломилась от всевозможных антикварных мелочей: настенных и ручных часов, преимущественно золотых, и статуэток — греческих и римских, как утверждали ценники. Над витриной красовался логотип, не такой стильный, как у «Аркеоса», но тоже с завитушками на концах рогов и заштрихованным солнечным диском посередине. Сэмюел толкнул дверь — колокольчик отозвался невеселым звоном. За прилавком сидела женщина средних лет с удивительно круглым лицом. Она посмотрела на посетителя с подозрением и холодно спросила:

— Чем могу быть полезна?

Вероятно, она сочла, что мальчишка, одетый так неопрятно — и вдобавок безвкусно, — едва ли способен поправить ее финансовое положение.

— Я... я ищу подарок для отца.

— Подарок для отца? — переспросила она. — Ты уверен, что пришел по адресу? Алкоголем торгуют вон там, в соседнем доме, тебе разве не туда?

«Мой отец никакой не алкоголик, старая курица!» — мысленно зарычал Сэм. А вслух произнес как можно более мило и вежливо:

— Дело в том, что он коллекционирует монеты.

— Да что ты говоришь, коллекционирует монеты! — всплеснула руками антикварша. — Может, он мог бы на них купить тебе приличную рубашку?

Только спокойствие.

— Уверяю вас, — продолжал Сэм, роясь в памяти в поисках названий, которые узнал в лавке менял в Брюгге. — Венецианские дукаты, флорентийские флорины, страсбургские грошены — он от них буквально без ума!

— Страсбургские грошены, надо же! — проговорила женщина, уже не так скептически. — Ну допустим... Давай покажу тебе, что у меня есть.

Не спуская с Сэма глаз, она направилась к стеклянному шкафчику, где были разложены монеты и красовались фарфоровые безделушки.

За исключением этого предмета мебели, в магазине царил удивительный кавардак: товары стояли где попало, прямо на полу или на полках, и невозможно было уловить во всём этом хоть какую-то логику. Наконец она выдвинула ящик со множеством старинных монет в более-менее сносном состоянии. Но увы! Ни одной монеты с отверстием. Сэм разочарованно вздохнул. Даже если им с Лили удастся отыскать новый Камень, без монеты правильной формы домой не вернешься.

Он для виду повертел в руках пару медяков и положил их обратно на красный бархат. Надежда оставалась только на странную букву «U»...

— Мой отец коллекционирует немного другие монеты... — проговорил он. — Но, знаете, у вас очень красивый логотип над магазином, вы не могли бы рассказать, что он означает?

— Красивое что? — спросила женщина, вытаращив глаза.

— Ну, рисунок рядом с названием магазина. Это ведь такой головной убор, который носили египетские боги, да?

Если он рассчитывал поразить старую курицу эрудицией, то совершенно напрасно:

— Раз ты сам знаешь ответ, зачем задавать вопрос?

— Ну, просто интересно, почему вы решили использовать именно этот символ, а не какой-нибудь другой, — не сдавался Сэм.

— Не я выбирала символ, — раздраженно ответила она. — И вообще, какое тебе дело?

Антикварша защелкнула ящик с монетами и вернулась за прилавок, по дороге зацепив колонну, украшенную сверху хрустальным кубком, который показался Сэму смутно знакомым.

— Ну так что? — поторопила она его. — Будешь что-нибудь покупать или нет?

Сэм не терял надежды. Если антикварша не сама придумала логотип, значит, помимо нее здесь есть кто-то еще.

— Наверное, рисунок выбрал тот человек, который находится сейчас на стройке? Я видел фургон вашего магазина, он припаркован там рядом.

Женщина ответила не сразу. Она снова вытаращила глаза, и уголок рта нервно задергался. Сэм готов был поклясться, что она испугалась.

— На стройке? На какой еще стройке? — медленно проговорила она.

Мальчик решил наудачу продолжать. Какую информацию он надеялся получить? Знает ли антикварша о существовании Камня? Может ли хоть что-нибудь рассказать?

— Там, где сносят дома черного квартала, — произнес он. — Любопытно, с чего бы это кому-то из вашей фирмы интересоваться старыми негритянскими лачугами? Вряд ли там можно отыскать археологические ценности...

— Я вообще не понимаю, о чём ты говоришь, — рявкнула она.

Тогда Сэм решил пойти ва-банк:

— Кажется, у водителя фургона на плече татуировка в виде таких же рогов и солнечного диска, да?

Вопрос произвел на антикваршу просто убийственный эффект. Она вдруг резко нырнула под прилавок, Сэм даже успел подумать, что она потеряла сознание. Но женщина тут же вынырнула обратно, держа в руках старинное ружье.

— Ах ты, маленький проныра, — закудахтала она, целясь в него из антикварной пушки с дулом в форме воронки. — Откуда ты взялся? И чего вынюхивал на стройке?

Сэмюел сделал шаг в сторону, чтобы укрыться за колонной, украшенной хрустальным кубком, надеясь, что антикварша не станет стрелять в такую ценную вещь.

— Просто гулял, — ответил он. — Ничего плохого не делал.

Искаженное изгибами стекла лицо старой курицы напомнило Сэму призрачные черты того, кто угрожал ему в недавнем кошмаре. Плохой знак...

— Кто тебя подослал? — крикнула она. — Предупреждаю, я выстрелю, можешь не сомневаться! Ты не первый воришка, который является и нападает на честных торговцев... Уж лучше сам расскажи, откуда знаешь про стройку и про татуировку, иначе...

Но ее угрозы оборвала раздражающая трель дверного колокольчика: посетитель... Антикварша быстро сунула оружие под прилавок, и Сэмюел бросился к двери, едва не сбив с ног входившего в магазин представительного господина в костюме и с моноклем. Не обращая внимания на его возмущение, Сэм бросился наружу и исчез на соседней улице. Он не узнал ничего нового о странной букве U, зато

раздобыл нечто куда более ценное — идею, как вернуться в настоящее! Он наконец сообразил, что напомнила ему хрустальная чаша на колонне... Хрустальный кубок Жака Картье — тот самый, который Барнбойм передал музею Сент-Мэри! Барнбойм, Сент-Мэри! Сент-Мэри, Барнбойм! И как только он раньше не догадался?!

15

ПО ВАГОНАМ!

— Вы уверены, что надо ехать прямо сейчас?

Огромное здание чикагского вокзала, украшенное синими и красными флажками, наполняли звуки джазового оркестра и торопливых шагов.

— Я уже хорошо себя чувствую, — убедительно закивала Лили. — И достаточно отдохнула...

Ее выздоровление, надо отметить, было таким же внезапным и необъяснимым, как и болезнь. Вернувшись в бакалейную лавку после вылазки в «Рай коллекционера», Сэм обнаружил сестру сидящей на краю кровати: она собиралась проглотить стопку блинчиков с сахаром и запить их большим стаканом яблочного сока. Ночью высокая температура уже не возвращалась, и сегодня Лили очень неплохо держалась и, несмотря на бледность, изо всех сил старалась выглядеть совершенно здоровой.

— Ну и хорошо! — с облегчением произнес Джеймс Адам. — Билеты у вас? И листок с маршрутом? Поезд отправляется через пятнадцать минут!

Сэмюел кивнул и помахал бумажками.

— Не знаю, как вас отблагодарить, мистер и миссис Фолкнер. И за деньги, и за прием...

— А мне всё-таки кажется, что вам следовало подождать денек-другой, — вздохнула Кетти. — Если у девочки в дороге опять подскочит температура, что будете делать?

— Родители уже четыре дня нас не видели, — сказала Лили. — Они, наверное, от волнения с ума сходят.

И это было даже не совсем ложью...

— Родители... — недовольно проговорила прабабушка. — Хорошо же они о вас заботятся, эти ваши родители!

Тут подоспел Донован — как раз кстати, чтобы сменить тему:

— Мама, мама! Там новый «Пасифик-231»! Я еще никогда не видел такого огромного паровоза! А как дымит, ты не представляешь!

— Сэмюел и Лили уезжают, сынок, пора прощаться.

— Вы насовсем уезжаете? — спросил мальчик.

Лили наклонилась к нему и кивнула. Потом достала из кармана маленькую плюшевую зебру, которую подарила ей тетя Люси.

— Держи, Донован, это подарок. Его зовут Зеб, он помогает всем, кому грустно. Если когда-нибудь тебе будет плохо, прижми его к себе крепче и подумай о нас — сразу станет веселее!

Она нежно поцеловала мальчика в обе щеки и выпрямилась, едва сдерживая слезы.

— Ну, идемте на платформу! — сказал Джеймс Адам. — Будет обидно опоздать на поезд...

Прощание продолжилось у вагона, где Кетти воспользовалась последними минутами, чтобы дать детям тысячу советов, а заодно — узелок с едой в дорогу, завернутый в клетчатую материю. В последний раз обняв своих родных, Лили и Сэм забрались в вагон номер семь и уселись на первую попавшуюся скамейку. Лили громко высморкалась в платок, чтобы скрыть слезы.

— По вагонам! — прокричал кондуктор, звеня в колокольчик. — По вагонам!

Локомотив дохнул паром, оглушительно застонали поршни и шатуны, и поезд тронулся. Постепенно он набирал скорость и скоро уже с ревом лился по городу подобно змейке расплавленного металла. Сэм и Лили молчали, глядя, как городские постройки исчезают вдаль и на смену им приходит деревенский пейзаж.

— Думаешь, надежда есть? — наконец спросила Лили.

Сэмюел развернул лист бумаги, где записал пункты их маршрута.

— Теоретически всё должно получиться. Поезд доставит нас в Торонто, а оттуда можно с одной пересадкой добраться до Сент-Мэри. Будем там самое позднее завтра.

— Я не об этом, Сэм.

Она смотрела на него широко распахнутыми глазами, полными одновременно тревоги и твердой решимости. Сэмюел понизил голос.

— Ты хочешь сказать, есть ли надежда, что мы найдем Камень?

Она кивнула.

— Думаю, да, — ответил Сэм. — Нам известно, что в начале XX века Барнбойм уже пользовался Камнем: доказательство — монеты с отверстием, которые он передал в дар городу, и все эти разговоры про его странных посетителей. И раз сто лет спустя Камень всё еще стоит в подвале, с чего бы ему не стоять там в 1932 году?

— А монеты? Как с ними быть?

Сэмюел вздохнул.

— С этим придется что-то придумывать. Барнбойм подарил свою коллекцию городу; надеюсь, и нам что-нибудь из нее достанется.

— А тебе не кажется странным, что нам до сих пор не встретилось ни одной монеты? Ты ведь всегда говорил, что для запуска Камня надо, чтобы где-то поблизости была монета с отверстием. Ведь во всех твоих предыдущих путешествиях именно так и получалось, да? А тут — нигде, ничего!

После визита в антикварную лавку Сэм и так, и эдак повертел эту проблему у себя в голове. В итоге у него сложилось нечто вроде гипотезы:

— Я много над этим размышлял. В медвежьей пещере, как и в термах Помпей, и тут, в Чикаго, поблизости не обнаружилось монет, но зато повсюду нам встретился логотип «Аркеоса». На стене пещеры, на дне бассейна с горячей водой, на боку фургона «Рай коллекционера».

— И что это, по-твоему, значит?

— По-моему, это значит, что человек в черном придумал всё это для того, чтобы перемещаться только между нужными ему эпохами. Вместо того чтобы полагаться на волю Камня и скитаться по непонятным временам, он обзавелся некоторым количеством точек, помеченных этим знаком, и теперь всегда попадает именно в них. Не спрашивай, каким образом он это делает, — понятия не имею. Но я не вижу другого объяснения тому, что мы всюду встречаем эту пару рогов с солнечным кругом посередине...

— Это, конечно, объясняет существование антикварной лавки с его логотипом, — задумчиво произнесла Лили. — Если бы он не был уверен, что сможет регулярно возвращаться в Чикаго в 1932 год, вряд ли стал бы утруждать себя созданием целого магазина...

— Думаю, он поставляет старой курице свои находки, а заработанные деньги тратит где-то в других временах. Может, именно

на них он и создал «Аркеос».

— Но если эта странная буква U притягивает путешественников в определенные временные периоды, почему ты никогда раньше ее не встречал?

— Я думаю так: для того чтобы эта система работала, египетский символ должен находиться и в точке отправления, и в точке прибытия. Это как бы такие станции, раскиданные по временному пространству. Вероятно, принцип примерно тот же, что и с монетами: одна нужна для того, чтобы отправиться в путешествие, а вторая — для того, чтобы куда-то приземлиться. Думаю, для этого и татуировка у него на плече: он выбил у себя на теле тот же самый символ, чтобы свободно перемещаться во времени... Это объясняет и бешенство антикварши, когда я упомянул татуировку: видимо, на этом рисунке держится вся их затея!

— Что-то вроде встроенной карты, которая прокладывает для тебя правильные маршруты, — проговорила Лили. — Понятно... А как же мы?

Она коснулась плеча Сэма.

— Насколько я знаю, у тебя вроде нет татуировки? Так почему нас тоже притягивают места с этим символом?

— Вот тут-то начинается самое интересное, — проговорил Сэм, оглянувшись по сторонам. — Если всё хорошенько взвесить, то получается, что там, в музее, я попался на крючок.

— На какой еще крючок?

— После нашей драки и после того, как сработала сирена, татуированный бросился к витрине Барнбойма. Я решил, что он забрал монеты из коллекции и в спешке одну обронил или не заметил. Ту, потертую, со странной буквой U. Но теперь, прокручивая всё это в голове...

Сэм потер лоб:

— ...теперь я понимаю, *что он нарочно оставил там эту монету, чтобы я нашел ее и ею воспользовался!*

— Да ты что! — Лили вытаращила глаза.

— Ну послушай... Во-первых, я всю голову себе сломал, но, хоть убей, не помню, чтобы днём, пока я ходил по музею, в витрине лежала хоть одна монета с такой буквой. Странно, правда? Я понимаю, что детали под стеклом разобрать сложно, но в моей памяти не

отложилось вообще ничего похожего. И еще: помнишь, монета со знаком «Аркеоса» сопровождала нас во всех путешествиях — сначала мы перевезли ее в углублении Камня, а потом приложили к солнцу. Так что же, ты думаешь, мы случайно все три раза попадали туда, где нас поджидал этот символ? Вряд ли! В действительности эта монета нас не сопровождала, а *направляла* в определенные точки времени!

— Но зачем Татуированному понадобилось, чтобы ты ею воспользовался?

— Не знаю. Возможно... чтобы держать меня под присмотром? Пока я путешествую с этой монетой, он всегда знает, где я...

Ребята откинулись на спинку сиденья и стали размышлять, чем может обернуться для них эта история, если догадки Сэма окажутся верны. Вагон был наполовину полон, в основном в нём ехали семьи и парочки. Между рядов бегала маленькая девочка, на соседней скамейке громко смеялась группа военных. С потолка свисали маленькие американские флаги, атмосфера была праздничная. В какой-то момент в вагоне появился контролер, а следом за ним вошли мужчина в шляпе-котелке и элегантная молодая женщина.

— Ну вот, господа, я же говорил, что в седьмом вагоне народу гораздо меньше.

Пока контролер проверял билеты, человек в котелке уселся рядом с военными, а женщина направилась к скамейке напротив той, где сидели Сэм и Лили.

— Не возражаете? — спросила она.

Сэмюел помог ей убрать чемодан на багажную полку. Она поблагодарила его ослепительной улыбкой и достала из сумочки зеркальце, чтобы поправить прическу. На ней было узкое белоснежное платье, темные очки и изящные перчатки до локтя... Прямо кинозвезда! Может, правда актриса? Лили энергично ткнула Сэма в бок. Должно быть, он слишком откровенно таращился на попутчицу. Тогда мальчик решил, что будет разумнее вздремнуть. Тем более что, если уж говорить о красоте, ни одна актриса и в подметки не годится Алисии...

Сэмюел некоторое время дремал, и мысли его кружили вокруг девушки со светлыми волосами и голубыми глазами, которая целовала его и шептала: «Сэм, мой Сэм...», — но тут совершенно реальный колбасный аромат заставил его открыть глаза. За окном вагона

стелились холмы, а у Лили на коленях лежал развернутый узелок, который им вручила Кетти: ростбиф, несколько видов копченой колбасы, маринованные огурчики, маленькие белые булочки, сладкий пирог, шоколадные кексы — настоящий пир!

Сэмюел построил себе сэндвич размера XXL, сложив вместе весь ассортимент деликатесов, и стал поглощать его, стараясь не встречаться глазами с соседкой — как-то неловко было есть в ее присутствии. И вот тут-то он обратил внимание на странное поведение человека в котелке: сидя на своем месте, тот время от времени разворачивался и тайком бросал взгляды на актрису. Лица его видно не было, только шляпа вертелась туда-сюда. Сэму почему-то стало не по себе.

— Пить будешь? — спросила Лили, протягивая флягу.

Сэмюел сделал два глотка лимонада, одновременно размышляя, что нужно этому типу. Он хотел поделиться своими наблюдениями с сестрой, но тут поезд с ревом въехал в туннель. Вагон погрузился в полную темноту, и Сэм почувствовал слева какое-то движение. Когда снова стало светло, человек в шляпе исчез... А впрочем, нет, не исчез: он покинул свое место и теперь сидел прямо у ребят за спиной — в двух метрах от женщины в белом!

Сэм уронил салфетку в проход между сиденьями и нагнулся, чтобы ее подобрать. Незнакомец кутался в темное пальто с поднятым воротником, и лица его по-прежнему было не видно. А кроме того, в районе талии под пальто у него что-то топорщилось... Оружие? Но по-настоящему оборвалось сердце у Сэма в тот момент, когда он перевел взгляд на туфли попутчика — лаковые, с белыми носами. Точь-в-точь такие же мелькнули за вентиляционным окном «Бакалейной лавки Фолкнера» в тот вечер, когда бандиты явились вымогать деньги у прадедушки! Цок-цок-цок... *Тип в котелке следит вовсе не за актрисой, а за нами!*

— Срочноидивтуалет, — пробубнил Сэм на ухо сестре.

— Что?

— Ты должна сейчас же пойти в туалет, — повторил он более внятно.

Лили посмотрела на него с жалостью.

— Ты сбрендил?

Сэм взял листок с маршрутом и начал писать на обратной стороне: «Ничего не говори: тип в шляпе у нас за спиной за нами следит. Помоему, он вооружен. Иди в туалет девятого вагона, я догоню».

Лили на несколько секунд замерла, ничего не предпринимая. Наконец она поднялась и с самым невозмутимым видом двинулась в конец вагона. Сэмюэл досчитал до двадцати, чтобы дать ей удалиться на достаточное расстояние, после чего собрал остатки еды и, в последний раз улыбнувшись актрисе, выбрался в центральный проход. Открыв дверь в тамбур, он оказался в тесном помещении, соединяющем два вагона. Шум здесь стоял невероятный, и внизу, под качающейся платформой тамбура, видны были летящие на бешеной скорости шпалы. Лучше не смотреть... Сэм прошел в восьмой вагон и бросился бежать, не обращая внимания на удивленные взгляды пассажиров. Преодолев следующий тамбур, он резко остановился, когда прямо перед его носом распахнулась дверь с надписью «Дамская комната».

— Ты можешь объяснить, что происходит? — набросилась на него Лили, с безумными глазами выскочив из туалета.

— Тип в шляпе, — задыхаясь, проговорил Сэм. — У него лаковые туфли с белыми носами!

— Очень хорошо! А носки какого цвета, не посмотрел?

— Не смешно! Он стоял на шухере в тот вечер, когда два его сообщника вымогали деньги у Джеймса Адама!

— Ты хочешь сказать, он один из тех бандитов?

— У него под пальто что-то спрятано. И подозреваю, это не томик стихов!

— Но зачем ему ехать с нами в одном поезде?

— Откуда я знаю! Видимо, с того дня за бакалеей велась слежка. Может, они хотят отомстить...

Сэмюэл аккуратно приоткрыл дверь тамбура, ведущую в восьмой вагон, чтобы убедиться в верности своей догадки. Незнакомец в котелке вошел в вагон с противоположной стороны и двигался по проходу, внимательно заглядывая в лица пассажиров.

— Он идет сюда! Бежим!

Ребята бросились в девятый вагон и тут же наткнулись на контролера.

— Так-так, молодые люди, это вам что, чемпионат по бегу? Куда вы так летите?

— Моей сестре плохо, у нее прихватило живот. Вы не позволите...

Контролер с недовольным видом посторонился.

— Спасибо! — возмущенно воскликнула Лили, когда они добрались до следующего тамбура. — Очень мило!

— А ты бы предпочла полчаса выслушивать воспитательную лекцию? Ой, смотри-ка, что это?

Следующий вагон сильно отличался от других. Он был оформлен с роскошью дорогого ресторана, и пассажиры в нём — их было человек пятнадцать — обедали. Двое чернокожих официантов в белой униформе разносили серебряные блюда, сверкающие белизной скатерти ниспадали до самого пола, покрытого толстым ковром, в вазах стояли свежие цветы, стены украшали пейзажи, удобные диваны были отделаны красным бархатом...

— Скорее!

Сэм схватил Лили за плечо и затолкал ее в уборную как раз в тот момент, когда их нагнал контролер. Он оглядел Сэма с головы до ног и сказал:

— Чтобы не болтались по коридорам, ясно?

Сэмюел кивнул, состроив самое ангельское лицо, на какое только был способен. Контролер, ворча под нос, пошел дальше, и Лили выглянула из кабинки.

— Мы в ловушке! — проговорил Сэм. — Впереди контролер, сзади мафиози! Надо...

Новый туннель... В вагоне резко потемнело, и пол под ногами затрясся от грохота.

— Скорее!

Сэм потянул сестру за собой, они опустились на колени и шмыгнули под ближайший пустой столик.

— Перестань меня всё время дергать — то туда, то сюда!

— Тихо! Он сейчас будет здесь!

Когда в вагоне снова стало светло, Сэм немного приподнял скатерть. Пара лаковых туфель с белыми носами двигалась прямо на них.

— Гарсон! — выкрикнул хриплый, режущий слух голос.

— Господин желает обедать? — спросил официант.

— Нет, я ищу двух детей, мальчика и девочку, вы их не видели?

— Я очень занят, сейчас обед, господин, так что...

— Они так неслись, будто за ними гонится полиция, вы не могли их не заметить.

Незнакомец говорил очень настойчиво, почти с угрозой. Помимо всё тех же туфель из-под скатерти видны были только голубые льняные брюки и полы поношенного пальто.

— Увы, господин, когда я занят работой...

— Я понял.

Незнакомец сунул загорелую руку в карман и достал оттуда две долларовых банкноты.

— Возможно, это поможет вам вспомнить?

Официант заколебался:

— Возможно, если хорошенько подумать... Мальчик и девочка, да...

Лили впилась ногтями в руку брата: они попались в ловушку, как крысы!

— Они появились оттуда, — указал слуга. — И направились в сторону спальных вагонов. Они в самом деле бежали, вы правы.

— Очень хорошо. Если они снова будут здесь пробегать, сообщите, пожалуйста, мне. Я в седьмом вагоне.

Лакированные туфли исчезли из поля зрения Сэма, и через две или три секунды скатерть резко поднялась.

— Вылезайте!

Кто-то тянул к ним руку.

— Когда вы не воруете одежду и не прячетесь под столами, вы хоть изредка делаете что-нибудь нормальное?

Униформа, голос... Ну конечно! Официантом в вагоне-ресторане оказался Мэтью, приемный сын тети Люси!

— Мэтью! Это ты!

— Я наблюдал за вами из кухни. Ищете неприятности на свою голову?

— Этот человек — член банды, которая напала на магазин моего дедушки, — объяснил Сэм. — Они не получили там того, на что рассчитывали, и решили броситься за нами!

Мэтью, похоже, не слишком поверил в этот рассказ, но всё-таки сказал:

— М-да... Если этот тип действительно за вами охотится, то я знаю место, где вы будете в безопасности.

Тут дама за одним из дальних столиков не выдержала:

— Будьте добры!

— Одну секунду, мэ... Давайте скорее, а то начальник меня прикончит.

Мэтью торопливо провел их в другой конец вагона, где стоял шкаф со скатертями и салфетками.

— За белье и скатерти отвечаю я, так что сюда больше никто не придет. Правда, тесновато, но... Держите, вот ключ. Если станет жарко, откроете окно!

Он закрыл за собой дверь и несколько часов не возвращался. Лили и Сэм тем временем устроили себе уютное гнездышко на мешках с бельем и продолжили пикник. Еще они обсудили многочисленные теории о том, что нужно человеку в котелке, но ни одна не показалась им достаточно убедительной. Кто он такой? Действительно ли связан с мафией? А может, это сообщник Татуированного? Или даже он сам, собственной персоной?

Наконец, когда день стал клониться к вечеру, в дверь тихо постучали.

— Откройте, это я...

Мэтью протиснулся внутрь со стопкой грязных скатертей.

— Этот ваш тип такой настырный, не отстает! Уже несколько раз приходил и теперь хочет проверить все туалеты! К тому же он, похоже, рассердился...

— Может, предупредить контролера? — предложила Лили.

— Мэйсона? Да он первый трус! На его помощь можете не рассчитывать! Вы едете до Торонто?

Сэмюел кивнул.

— Я вас выпущу прямо на пути, никто не заметит, как вы вышли из поезда.

— Тетя Люси не зря вами гордится! — воскликнула Лили. — Вы очень на нее похожи!

— О, не обманывайтесь, моя дорогая мисс! Я помогаю вам исключительно из любви к политике! Не знаю, кто вас проинформировал, но демократы и в самом деле выбрали Рузвельта и Гарнера! Точь-в-точь как вы предсказывали! И я заработал на этом

тысячу долларов! Так что, если у вас есть еще какие-нибудь догадки вроде этой...

— Это просто удачное совпадение. Я всего лишь прочитала статью в газете...

— Тогда скажите, в какой газете, — и я на нее подпишусь!

Глядя на растерянные лица детей, Мэтью расхохотался:

— Ну и странные же вы типы! Но мне это нравится! Передайте-ка мне вон тот мешок, надо отнести чистые простыни в спальные вагоны. Когда прибудем, не высовывайтесь, пока я за вами не приду.

Мэтью сдержал обещание. Когда поезд прибыл на вокзал Торонто, он высадил их прямо на рельсы — так, чтобы другие пассажиры ничего не заметили. На улице было уже темно, и Мэтью объяснил им, как пробраться в ремонтный цех, чтобы там переночевать. Еще он дал им скатерть, чтобы было чем укрыться, а потом вернулся к работе: пора было встречать пассажиров, которые пускались в путешествие в обратном направлении.

В пять часов утра, внимательно оглядываясь по сторонам, Сэм и Лили сели на первый поезд в направлении Сент-Мэри. Человек в котелке больше не появлялся...

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Впервые с тех пор, как он начал «путешествовать», Сэм задумался о том, что такое течение времени. Одно дело — ненадолго оказаться в таком месте и эпохе, о которых ты совершенно ничего не знал. И совсем другое — вернуться в знакомое место, но с временным интервалом в сотню лет. Вот тут-то их ждало настоящее потрясение... Они с Лили вышли с вокзала, и, если бы не надпись «Сент-Мэри» большими буквами на деревянной вывеске, они бы всерьез засомневались в том, что приехали куда нужно. Что произошло с их городом? Что за капризная волшебница превратила взмахом волшебной палочки городской пейзаж из камня и стекла в эту... в этот...

— А где же мэрия? — изумилась Лили. — Им что, не нужна мэрия? А городской сад?

Сент-Мэри был теперь не городом, а, скорее, большой деревней... Размеры улиц и домов, также как и их количество, съежились подобно шагреновой коже.^[26] По главной улице ехали три несчастные машины — угловатые, с запасным колесом, прикрепленным сзади, и гудком-клаксоном. Вместо современных зданий здесь стояли двухэтажные дома с магазинами на первом этаже. А на тротуаре (хотя трудно было назвать этим словом обыкновенную земляную насыпь) расположились со своими тачками уличные торговцы овощами и зеленью. Что же до городского освещения, то в наличии имелось всего два газовых фонаря — убогие кривоватые палки, не имевшие ничего общего с мощными лампами, которыми освещают улицы в двадцать первом веке.

— Смотри, на месте проката DVD — галантерея!

— А там, где каток, загон для коров!

— А вон там должен быть отель, а сейчас — общественные писсуары!

Список можно было продолжать бесконечно... Впрочем, хотя Сент-Мэри и выглядел глухой деревней (даже люди здесь одевались проще,

чем в Чикаго), атмосфера совсем не казалась мрачной. Жители громко разговаривали, окликали друг друга с разных концов улицы, причём некоторые пребывали в заметном подпитии.

— В одиннадцать утра, заметь! — возмутилась Лили.

Причину всеобщего возбуждения они обнаружили там, где со временем выстроят самый большой торговый центр округа. Пока же здесь был грязный луг, на котором шумная толпа наблюдала за конкурсом пахарей: две запряженные лошади двигались по лугу, таща за собой устройства в форме когтистой лапы, которые оставляли в почве глубокие борозды. Болельщики обеих команд от души посмеивались друг над другом:

— Ясно ведь, что земли Монтаны дают в два раза меньше, чем наши!

— Этих кляч из Сент-Мэри надо хоть иногда кормить, если хотите, чтобы они шевелились!

— Тут какой-то крестьянский праздник, да? — спросила Лили.

— Похоже, да, — ответил Сэм, перекрикивая шум. — Но не просто так... Ты когда-нибудь слышала о боях между Монтаной и Сент-Мэри? Лили посмотрела на него с недоумением.

— Кажется, нет...

— Насколько мне известно, — продолжал Сэм, — они с давних времен проводили ежегодные состязания. Обычно всё заканчивалось общей дракой. По-моему, их устраивали как раз примерно в это время — где-то в районе первого июля.

— В день Канады?

— Да! Но поскольку иногда драки заканчивались несчастными случаями, после Второй мировой войны состязания запретили. Зато вместо них у нас потом появился турнир по дзюдо между Сент-Мэри и Монтаной. Всё-таки дзюдо — это, к счастью, гораздо более мирный вариант!

— Да уж, идеальный момент для туристического посещения города...

Ребята подумали, не сходить ли к своей школе, которая находилась совсем недалеко... Но что они обнаружат на ее месте? Картофельные грядки? Свинарник? Они решили не терять времени даром, оставили позади пьяное веселье болельщиков Монтаны и Сент-Мэри и зашагали в направлении улицы Барнбойм. К их огромному удивлению, идти

через центр города было легко и привольно: удушливых автомобильных пробок еще не образовалось, дети играли в бабки и крутили обруч прямо на дороге, жители останавливались, чтобы поздороваться друг с другом, вокруг пели птицы и цвели цветы... Так значит, в Сент-Мэри реально было прожить без высокоскоростного доступа в интернет и MP3-плеера?

Улица Барнбойм в прошлом выглядела намного приветливее. Дома были такие же, как в настоящем, только фасады сверкали новизной и сады имели более ухоженный вид. Сэмюел и представить себе не мог, что когда-то здесь могло быть так уютно и спокойно. Вот только — увы! — на тот дом, в который они направлялись, спокойствие и уют не распространялись... Когда они открыли калитку, та в ответ громко закричала петлями. Мощный двор порос сорняком, а крыльцо завалили грудой металлолома. Несколько окон было выбито, доски внешней отделки кое-где отошли от стен, флюгер отвалился и печально свисал с крыши...

— Можно кино про дом с привидениями снимать!

Они пробрались сквозь обломки и строительный мусор к входной двери: она была приоткрыта и тихонько хлопала на сквозняке. Здесь уже не чувствовалось ни ароматов цветов, ни пения птиц и пахло, скорее, заброшенным туалетом и пролитым пивом.

— Похоже, они забыли заплатить уборщице...

Сэмюел вошел первым. Большая комната, в которой семьдесят пять лет спустя его отец разместит книжные шкафы, была завалена обломками досок, битыми бутылками и окурками. Кто-то даже разводил подокном костер, который слегка опалил стену и выкрасил потолок в черный цвет.

— С другой стороны, — разумно рассудила Лили, — если бы здесь кто-то жил, нам пришлось бы сложнее, правда?

Они двинулись к лестнице в подвал, но спуститься по ней не смогли. В полумраке на ступеньках сидела компания подростков с сигаретами в зубах.

— Ты угадал, Брэдли, у нас гости.

Их было пятеро или шестеро, и тот, который говорил, выпустил струю дыма прямо Сэму в лицо.

— Монк, — добавил он, — пойди-ка посмотри, нет там еще кого кроме этих.

Сэмюел вздрогнул. Жирный Монк, который едва не уничтожил его на турнире по дзюдо, здесь?

Со ступенек поднялся тощий паренек и, глядя под ноги, пошел проверить. Что это за Монк такой?

— Никого, Пэкстон, — объявил он, вернувшись, и голос его прозвучал как-то устало.

Пэкстон? И Пэкстон тут тоже есть?

— Отлично, — обрадовался тот, кого назвали Пэкстоном. — Значит, сможем спокойно побеседовать. Марш на второй этаж!

По сигналу Пэкстона все окружили чужаков и стали подталкивать их в сторону лестницы.

— Э, полегче! — возмутился Сэм. — Мы никуда с вами не пойдем!

Пэкстон подошел к нему вплотную и вытянул указательный палец. Ростом он был пониже своего потомка Джерри Пэкстона, с которым встречается Алисия, через весь лоб у него тянулась длинная царапина, и один зуб сбоку был на две трети отколот. Что-то Сэму подсказывало, что они вряд ли подружатся...

— Ты на моей территории и будешь делать то, что я скажу, понял?

Лили взглядом умоляла брата не спорить. Он послушался и позволил, чтобы их отвели на второй этаж, где жилые комнаты были превращены в настоящий сквот:^[27] на полу лежали матрасы и груды пустых бутылок, вонь стояла страшная...

«Это *мой* дом, — внутренне возмутился Сэм, — я бы попросил немножечко уважения!»

— Вы из Монтаны, так? — начал Пэкстон, развалившись в продавленном кресле, пока его дружки обступили Сэма и Лили.

— Вовсе нет, — ответил Сэм.

— Ну уж точно не из Сент-Мэри...

«Как раз из Сент-Мэри, дурень, но объяснять долго».

— Мы приехали из Чикаго, — вместо этого сказал он.

— Из Чикаго?

В глазах дедушки или прадедушки Джерри Пэкстона сверкнула молния. Может, конечно, это был его двоюродный дядя, но какая разница? Так или иначе, глупость явно у них в роду.

— По мне, так Чикаго — это еще хуже, чем Монтана, — фыркнул Пэкстон. — Всем выскочкам, которые прут к нам из Чикаго, хочется шею свернуть. Я прав, пацаны?

Остальные тупо заржали, поддерживая главаря.

— К тому же надо на ком-то потренироваться...

Он замолчал, и пауза эта Сэму совсем не понравилась.

— В чём потренироваться? — решила спросить Лили.

— Девчонкам права голоса не давали! — рявкнул Пэкстон. — Особенно таким малявкам! Парни, рубашки.

Как в хорошо срежиссированном балете, пятеро хулиганов синхронно расстегнули подтяжки на штанах и одновременно стянули через голову рубашки. Пэкстон расплылся в счастливой улыбке.

— И ты тоже! — велел он Сэму.

— А девчонка? — спросил Монк. — Наверное, ей лучше не смотреть?

Пэкстон как будто засомневался.

— Ты становишься сентиментальным, Монк... Это с тех пор, как твой папаша помер и ты заботишься о братце, да? Смотри не размякни окончательно, несчастный придурок... Ну да ладно, давай, запри ее, с ней я потом разберусь.

Ничего хорошего эта его мнимая забота не предвещала... Тощий Монк схватил Лили за плечи и вытолкнул в коридор. Тем временем его приятели, по пояс раздетые, принялись ходить вокруг Сэма, сжав кулаки.

«Боксерская тренировка? — предположил тот. — Хотят воспользоваться мною как грушей?»

Чтобы выиграть время, он медленно расстегивал рубашку, оглядываясь по сторонам. Стекол на окнах нет, при плохом раскладе можно будет выпрыгнуть в сад. Но даже если повезет и он ничего себе не сломает, Лили-то останется в доме. Что же до того, чтобы драться с этими дикарями...

Вернулся Монк и тоже встал в круг.

— Для начала бейте в живот и в бока, — приказал Пэкстон тренерским тоном. — Чтобы он подольше продержался. По липу без моего сигнала не бить. Начали!

Раздалась команда, и Сэмюелу показалось, будто ему на голову рухнул потолок. Все противники разом набросились на него, и удары посыпались одновременно спереди и сзади. Это и близко не было похоже на бокс! Несколько секунд Сэму удавалось держаться на ногах

и худо-бедно защищаться, но очень скоро он оказался на полу и провалился в темноту.

— А ну хватит! — вдруг прорезал темноту чей-то хриплый крик. — Я кому сказал!

Удары разом прекратились, и все взгляды обратились на дверь. На пороге стоял человек в лакированных туфлях с белыми носами и в шляпе-котелке. Лет шестидесяти, невысокого роста, с бронзовым загаром и спокойным выражением лица. До этой минуты Сэм не видел его лица, но теперь сразу узнал его. Это был вовсе не мафиози и даже не помощник Татуированного... Это был достопочтенный Сетни, великий жрец Амона, тот, в чьей гробнице нашелся самый первый Камень! Сетни собственной персоной — здесь, в Сент-Мэри!

Пэкстон несколько секунд не мог вымолвить ни слова, а потом радостно проорал:

— Два по цене одного! Ребята, сегодня мы классно подготовимся к бою!

Он вскочил с кресла и без предупреждения напал на старика, выбросив вперед правую ногу. Вопреки ожиданиям, гость ловко увернулся от удара и выхватил из-под пальто гибкую палку. Палка со свистом разрезала воздух.

— Я не хочу тебе зла, бедный глупый звереныш. Уходи отсюда, и ничего с тобой не случится.

— Это мы сейчас посмотрим, кто отсюда уйдет! — Пэкстон замахнулся, чтобы врезать старику кулаком в лицо.

Но и на этот раз Сетни вовремя отступил в сторону, как будто предвидел направление удара противника.

«Эффект эха, — сообразил Сэм, — вроде того, что я испытал на себе, когда сражался против Монка...»

Пэкстон потерял равновесие, рука провалилась в пустоту, и в следующую секунду он получил мощный удар в подбородок.

— Ты труп! — проорал парень, багровея от ярости.

Но и следующий его бросок не достиг цели. На этот раз Пэкстон впечатался в стену и схватился руками за нос: из него хлестала кровь.

— Ребята, врежьте ему! — крикнул он.

Дружки Пэкстона всей сворой бросились к великому жрецу. И тут произошло нечто непостижимое. Время будто потекло в несколько раз медленнее. Монк и его друзья впали в ступор, они двигались

заторможенно и с большим трудом, в то время как Сетни, наоборот, с головокружительной скоростью раздавал удары направо и налево. Сэм тоже едва мог моргнуть или пошевелиться, его словно обволокло невидимой парализующей субстанцией. А потом время резко вернулось в обычный ритм — так отпускается натянутая на рогатке резинка, — и жрец сделал шаг назад. Большинство противников к этому моменту валялось на полу, потирая кто затылок, кто зад и не понимая, что с ними произошло.

— Это колдун! — провыл Брэдли, вытаращив испуганные глаза. — Валим отсюда!

Вся банда кубарем скатилась вниз по лестнице, увлекая за собой главаря. Сетни оперся на палку и проводил их взглядом. Он утер со лба крупные капли пота и поморщился.

— Всё нормально? — осторожно поинтересовался Сэм.

— Да, я в порядке, — проговорил старик, тяжело дыша. — Просто это очень... выматывает. Мне бы не следовало этого делать, но иногда иначе не получается...

Постепенно его дыхание восстановилось, но Сэмюел не решался подойти к нему, опасаясь разрушить магию — он сам толком не знал, какую именно. Великий жрец наконец выпрямился и осмотрел Сэма с головы до ног.

— А девочка? — спросил он.

— Она тут недалеко, я могу за ней сходить...

Сетни кивнул, и они вместе пошли в соседнюю комнату, которая была здесь чем-то вроде пристройки к главному сквоту, а в будущем станет комнатой Сэма. Тут хранились нехитрые сокровища, добытые хулиганами Сент-Мэри: запасное колесо (не очень, наверное, удобно было прибивать его к сундуку!), лопаты и вилы, ящик из-под пивных бутылок, весы с гирями и прочий хлам. К дальней стене был придвинут обшарпанный шкаф, который изнутри раскачивало, будто внутри сидит привидение:

— Эй! Выпустите меня отсюда!

Сэмюел повернул ключ, и его сестра тут же выскочила наружу, разъяренная и готовая наброситься на обидчиков с кулаками.

— Эй, Лили! Это я!

Она застыла, увидев рядом с Сэмом маленького лысого человека со смуглым лицом, который сжимал в руке шля ну-котелок.

— Но ведь вы...

Старик почтительно приветствовал девочку.

— Боюсь, вчера в поезде произошло недоразумение. У меня не было в отношении вас никаких дурных намерений...

— Вы следили за нами от самого Чикаго! А еще Сэмюел видел вас у «Бакалейной лавки Фолкнера» в тот вечер, когда туда пришли бандиты!

— Да, так и есть, я следовал за вами от Чикаго.

— Лили, — перебил ее Сэм. — Этот господин — великий жрец Сетни...

Девочка изумленно заморгала. Сэм будто бы произнес заклинание, которое вызвало джинна. Персонажу, который стоял сейчас перед ними, было не меньше трех тысяч лет! Он прибыл из мира, где люди строили пирамиды и поклонялись солнцу, где золотые лодки скользили по Нилу и где люди бальзамировали усопших! Возможно, именно с него всё это началось, именно он первым научился подчинять себе время! И сегодня он явился им на помощь.

— Сетни? — переспросила Лили.

— Это... это большая честь для нас, — добавил Сэм, отвесив глубокий поклон.

— Не стоит, молодой человек, — доброжелательно махнул рукой великий жрец. — Так вам известно мое имя?

— Я... я встречал вашего сына Ахмосиса... В Фивах...

— Ахмосис! — воскликнул старик. — Фивы! Так значит, я не ошибся, вы пользуетесь Камнем Тота!^[28] Так вот почему вы вышли из разрушенного дома!

Лили опять вытаращила глаза от изумления и спросила:

— Вы хотите сказать, что тоже были на стройке?

— Конечно, иначе как бы я нашел бакалейную лавку? Ведь я пришел в большой город Чикаго для того, чтобы разобраться, почему Камень был разрушен. Что-то необычное прерывает дороги времени вот уже несколько месяцев, и моя задача — выяснить, в чём дело. И вот я вижу, как из руин появляетесь вы...

«Что-то необычное, — мысленно повторил Сэм. — А вдруг это необычное — я сам?»

— Я предположил, что вы разгадали секрет Тота, — продолжал Сетни, — и решил узнать о вас побольше. Выяснить, не вы ли —

причина сбоев... Ведь вы — первые дети, которых я встречаю на дорогах времени!

— Значит, вы не имели отношения к бандитам, которые в тот вечер заявили в лавку Фолкнера?

— Конечно нет! Мне даже пришлось, м-м... помочь им убраться.

— Вы их прогнали? — в один голос воскликнули Сэм и Лили.

— Нет, это вы их прогнали, — заверил детей Сетни. — Мне осталось только убедить их в этом окончательно... Они даже стреляли в воздух, чтобы напугать меня, но... Как смогли убедиться здешние хулиганы, у меня есть кое-какой опыт ведения боя. Однако, как бы то ни было, дополнительные трудности лишь разожгли мое любопытство. Я задержался в этом времени еще на несколько дней, а вчера решил, что поговорю с вами в поезде. Никак не ожидал, что вы вздумаете от меня скрываться!

— А как же вы нас нашли потом?

— В этой эпохе и на этом континенте не так много Камней. И я сам часто перемещался через Сент-Мэри.

— Барнбойм? — предположил Сэм.

— О, вы знаете Гэри Барнбойма! — обрадовался старик. — Какая удивительная встреча!

— Нет, мы о нём только слышали, — пояснила Лили, — и знаем, что этот дом принадлежал ему.

— И Камень! — добавил Сетни.

Сэм ткнул пальцем в пол.

— Камень... Хочется поскорее проверить, здесь ли он сейчас...

— Секунду! — остановила брата Лили. — Монк что-то спрятал вон за той балкой, я видела через щель в шкафу. Если ты меня подсадишь...

Сэмюел со вздохом присел, Лили забралась ему на плечи и смогла дотянуться до того места, где главная несущая балка входила в стену. Лили со всех сторон ощупала балку и наконец нашла отстающую щепку, под которой что-то лежало.

— Есть!

Она опустила Сэму на ладонь серебряную цепочку. На ней висела простая медалька. На одной стороне была изображена колыбель, а на другой было выгравировано: «Берти Монк, 13.11.1917».

— Видимо, он снял это с шеи перед дракой, — догадался Сэм.

— Кто бы мог подумать, что Берти Монк так бережет медаль, которую его маме выдали в роддоме!

Они вернули драгоценность обратно в тайник и молча спустились в подвал. Там было темно, пришлось оторвать несколько досок, чтобы через заколоченное окошко проникло хоть немного света и подвал чуть-чуть проветрился. Глазам их предстало удручающее зрелище. Похоже, тут не убирали со смерти Барнбойма — то есть последние лет пятнадцать. На всех поверхностях лежал толстый слой пыли, углы заросли паутиной, стены покрывала плесень. Пол был усыпан отвратительным мусором, который копился в этой антисанитарии лет десять или двадцать... Довершали картину две дохлые крысы...

— Какая гадость! — просипела Лили, закрыв рот и нос руками.

— По сравнению со всеми несчастьями мира это не так уж и плохо, — загадочно проронил Сетни.

Они принялись разгребать дальнюю часть подвала, заставленную старыми ржавыми механизмами.

— Ну что, есть? — сгорала от нетерпения Лили.

Сэмюел яростно разбрасывал в стороны элементы ткацкого станка и пустые катушки от ниток. Волнение будто прибавляло ему сил. Наконец гора булавок и катушек была расчищена...

— Вот он, — пробормотал Сэмюел.

Мальчик провел ладонью над Камнем, ожидая знакомой вибрации, но почувствовал лишь отдаленную дрожь, которую непосвященный человек не ощутил бы вовсе. Чего-то не хватало...

— Проблема в том, что у нас больше нет монет, — признался он, поворачиваясь к Сетни.

Лицо великого жреца оставалось непроницаемым.

— Если я правильно понимаю, вы отправились путешествовать во времени неподготовленными, имея при себе один-единственный диск Ра?^[29]

— Диск Ра? — растерянно переспросил Сэм. — Дело в том, что... У нас их было три. Но нам не повезло. Каждый раз приходилось очень быстро убегать: опасность угрожала то нам самим, то Камню, то... Короче говоря, мы потратили все три... диска Ра.

Взгляд старика помрачнел.

— Путешествовать таким образом крайне неосмотрительно, молодые люди. Есть многое, о чём вы, похоже, не догадываетесь, и...

Он провел рукой по лысой голове.

— Думаю, прежде чем двигаться дальше, нам необходимо поговорить.

ОТКРОВЕНИЯ

Избавившись от пустых бутылок и немного расчистив пространство вокруг кресла, они устроились в комнате с матрасами. Сетни позволил себе расслабиться и снял наконец пальто, под которым обнаружилась льняная туника с плетеным поясом и кожаная сумка на длинном ремешке. Старик уселся скрестив ноги и время от времени посматривал в окно, чтобы убедиться, что никто не идет к дому. Впрочем, он справедливо предполагал, что банда Пэкстона вернется сюда не скоро: «Это обычное дело у всех трусов: со слабыми чувствуют себя силачами, но с сильными сами слабы».

Целый час, если не больше, Сэм и Лили рассказывали, как они узнали о существовании Камня и какие приключения успели пережить до своего «приземления» в Чикаго. Великий жрец ни разу их не перебил, только кивал каждый раз, когда они упоминали очередную трудность, из которой вынуждены были выпутываться. Когда дети окончили свой рассказ, Сетни выглядел задумчивым, взгляд его блуждал где-то очень далеко. Наконец он обратился к Лили:

— Подойдите ко мне, девочка.

Она послушалась, и старик внимательно изучил белки ее глаз.

— Сколько дней, говорите, продолжался жар?

— Три.

— Вас, без сомнения, сразила Болезнь времени... Со мной это тоже было, но я не мог пошевелиться целую неделю. Для некоторых эта болезнь оказывается смертельна, другим удается вовсе ее избежать... Но теперь вы совершенно здоровы, вам нужно лишь хорошенько отдохнуть.

Затем Сетни расспросил Сэмюела о том, что именно происходило во время землетрясения в Помпеях и когда медведь напал на Камень в доисторической пещере. Еще его очень интересовали подробности о Татуированном и об эмблеме «Аркеоса». Он внимательно выслушал

все ответы, но ничем не выдал своих мыслей. Наконец сложил руки под подбородком и печально улыбнулся.

— Знаете ли вы историю Имхотепа и Джосера, дети?

Сэмюел и Лили отрицательно помотали головами.

— Это произошло много лун тому назад, за восемьдесят с лишним поколений до моего рождения. Джосер был дальновидным фараоном, завоевавшим множество земель, самым богатым и могущественным из всех правителей земли. Довольно было одного его слова, чтобы бесчисленные армии пошли на врага или когорты рабочих принялись возводить великолепные дворцы. При всём при этом Джосер был несчастлив. У него была дочь Нефрура, которую фараон любил больше всего на свете, но она страдала от неизлечимой болезни. Каждое утро она просыпалась вся в поту и становилась еще слабее и бледнее, чем накануне, пока наконец не потеряла способность говорить и есть. Придворный врач Имхотеп, который был одновременно и архитектором царя, испробовал на ней все целебные отвары, известные на берегах Нила. Он разослал своих людей по свету в надежде, что они где-нибудь услышат о похожей болезни и о том, как ее победить. Но тщетно...

Однажды вечером, когда всем уже казалось, что Нефруру не спасти, Имхотеп спросил у Джосера разрешения поговорить от его имени с богом Тотом, самым искусным из всех богов-целителей, который к тому же способен менять ход сезонов и дней. После ночи молитв Тот наконец согласился прийти на помощь придворному врачу, но при условии, что тот воздвигнет в его честь монумент, подобного которому прежде не видывали во всём Египте. Имхотеп поклялся, что сделает это.

«Дочери фараона осталось жить всего день, — сообщил бог с головой ибиса. — В здешних краях нет средства, способного ее исцелить. Если ты хочешь ее спасти, Имхотеп, тебе придется пойти дорогами времени и искать нужное лекарство там».

Имхотеп согласился, и Тот сделал для него камень с высеченным на нём солнцем, который позволял, при помощи семи дисков Ра, отправиться в семь разных эпох.

«На то, чтобы побывать в каждом из этих миров, у тебя будет всего один день, — добавил бог Тот. — И каждый день, проведенный там, будет равен одной седьмой дня здесь. Если по истечении здешнего дня

ты не вернешься или так и не отыщешь лекарства, царица умрет и ты умрешь вместе с ней. Вот этот свиток будет показывать мне твои перемещения...»

Он показал ему папирус, свиток Тота, на котором были начертаны иероглифы. Одни и те же символы повторялись в нём по многу раз. Наконец, бог научил Имхотепа, как создавать новые Камни, чтобы продолжать путешествовать. И вот, до восхода солнца, Имхотеп пустился по дорогам времени.

Сетни перевел дух, раскрыл кожаную сумку и достал несколько листов папируса, скрученных вместе.

— Думаю, свиток Тота выглядел примерно так.

Листки были желтого цвета, потрепанные и очень старые на вид. На каждом — черные символы, которые повторялись группами штук по тридцать или сорок.

— У нас тоже есть кое-что вроде этого, — заметил Сэм. — Книга времени в красной обложке и с одинаковыми страницами.

— Где она сейчас?

— Ну, я думаю, что в комнате у Лили...

Сетни ничего не ответил, но, похоже, слова Сэма его не слишком обнадежили.

— А что дальше? — спросила девочка.

— Простите?

— Что было дальше с Имхотепом и Нефрурой?

— Ах, это... По правде говоря, я не знаю, что было дальше.

— Как это? — не поверила Лили. — Вы обещали рассказать нам легенду о Джосере и решили остановиться на середине?!

Глаза у старика лукаво сверкнули.

— Ничего я вам не обещал. На самом деле я не могу рассказать вам про семь путешествий Имхотепа, потому что его письменный отчет пропал во время набега гиксосов — варваров, которые пришли с востока. Считается, что его рассказ, как и многие другие египетские ценности, покинул пределы страны... Спасти удалось только один ящик с десятком табличек — их спрятали в храме Амона.

— Где вы их и отыскивали, — предположил Сэм.

— Да, через год после того, как стал великим жрецом. Это были чрезвычайно интересные таблички: там рассказывалось, где отыскать Камень Тота и как им пользоваться.

— А Нефрура? — не сдавалась Лили.

— Нефрура? Имхотепу удалось добыть лекарство, которое было ей необходимо. Антибиотики из вашей эпохи, насколько я понимаю. Как он и обещал, Джосер позволил Имхотепу воздвигнуть монумент, подобного которому прежде не существовало: каменную пирамиду, первую пирамиду в Египте! Со временем люди забыли об этом, а ведь первая пирамида была посвящена богу Тоту, хотя в ней и был погребен фараон Джосер. Что же до Нефруры, то она прожила долгую счастливую жизнь, так и не узнав о том, на какие удивительные подвиги пришлось пойти ее врачу...

— Имхотеп совершил семь путешествий, — сказал Сэм. — А вы?

— Намного больше... Сколько мне, по-вашему, лет?

— Шестьдесят? — рискнула Лили. — Шестьдесят пять?

— Сорок семь. Всё, что вы видите на моем лице, — это отпечатки горя и страданий тысяч людей, которых я встретил на своем пути. Мир жесток, какой век ни возьми...

— Тогда зачем же вы продолжаете путешествовать?

— У меня нет выбора. Я — хранитель Камней Тота. Я должен присматривать за ними и следить, чтобы никто не пользовался ими в низменных целях. Я даже попытался начертить своего рода карту с расположением каждого Камня и с указанием эпох. Она уже довольно подробная, смотрите...

Сетни достал из сумки другой свиток и с гордостью развернул его. Границы материков и морей были нарисованы очень приблизительно — видимо, именно так их себе представлял Сетни, — и точек с Камнем на карте было отмечено несколько десятков, красным и черным цветом. На карте угадывались горы, выделенные темно-зеленым, синие линии больших рек (Нил был самым ярким). Тут и там стояли точки с названиями, которые могли быть как городами, так и указаниями эпохи, а еще на карте виднелось несколько дырок, проткнутых тонкой булавкой. Карта выглядела очень красиво, но на ней было столько всего понамешано, что разобраться в этом было почти невозможно. По представлению Сетни, Земля была разноцветным скоплением островов с неясными границами, и большую часть ее территорий еще только предстояло открыть.

— Сколько Камней на вашей карте?

— Я насчитал около пятидесяти.

— Около пятидесяти! — изумилась Лили. — Но ведь легенда говорит только о семи путешествиях Имхотепа. Семь путешествий — семь Камней, разве нет?

— Поначалу я тоже так полагал. Но не забывайте, что бог Тот, исполненный великой мудрости, научил врача-архитектора создавать новые Камни, чтобы они помогли ему в поисках. Так что цифра семь — это только изначальное число... Вероятно, Имхотеп передал свое знание другим путешественникам, и они продолжили распространять Камни по миру. По собственному опыту я знаю, что каждый, кто пускается по дорогам времени, рано или поздно испытывает жгучее желание самому вырезать в камне изображение солнца Ра... Если они выбирают для этого подходящее место и если намерения их чисты, магия может сработать и Камень оживет. А те, кто презирает магию Тота и строит Камень исключительно с целью добиться богатства и могущества, никогда не получают настоящего Камня, у них получится лишь бессмысленная глыба...

— А замок Бран на вашей карте отмечен? — спросил Сэм.

Сетни даже не пришлось заглядывать в папирус.

— Я не утверждаю, что карта полная, увы! И даже не могу обещать, что когда-нибудь она таковой станет. Но если вы действительно хотите встретиться со своим отцом, есть вещи, которые вам необходимо знать. В первую очередь о дисках Ра... Способ, которым вы пользовались до сегодняшнего дня, — слишком ненадежный. Если вы отправляетесь в путь с одним-единственным диском, пункт вашего прибытия выбирается случайно. Так вы можете вечно путешествовать по дорогам времени и никогда не попасть в замок Бран!

— Поэтому мне и нужно собрать все семь монет! — с жаром подхватил Сэм.

— Да, но у семи монет есть существенное неудобство: они переносят вас в нужное время, но сами остаются позади, в точке отправления... Вы переноситесь туда, куда стремились, но лишаетесь возможности вернуться!

— Но мне удавалось вернуться! — возразил Сэм. — И не раз!

— Исключительно благодаря вашей кухне, мой мальчик. Ваше неведение механизмов времени компенсировалось несказанной удачей. На свете крайне мало людей, которые способны вернуть домой

путешественников во времени. Это способность, которой обладают лишь некоторые женщины, и, говорят, дар этот передается от матери к дочери... Чтобы приобрести его в течение жизни, нужно быть могущественным колдуном или колдуньей. А у этой девочки — врожденный дар.

Сэмюел посмотрел на сестру новыми глазами. Оказывается, для того, чтобы помочь кому-то вернуться, человеку мало просто думать о путешественнике, он должен еще и обладать волшебным даром! Даром очень редким и бесценным! И у Лили этот дар был...

«У меня самая невероятная сестра на свете!» — подумал Сэм.

Лили, однако, вовсе не сияла от гордости. Она слушала Сетни с таким видом, будто речь шла о ком-то другом, а не о ней. Объяснения жреца были для нее куда важнее, чем его похвала.

— Раз вы создали карту Камней, — начала она, — значит, есть способ перемещаться между ними прицельно, да?

Сетни снова заглянул в свой мешочек и на этот раз достал оттуда нечто вроде деревянной пуговицы, которую тут же раскрыл, разделив на две части.

— Эту вещь мне отдала вдова китайского императора, когда была при смерти. Она уверяла, что, поместив диск Ра в эту раковину, можно направить Камень в желаемый пункт. Но раковина может быть использована только раз, и мне никогда не хватало духу ее испробовать.

— Значит, у вас есть более надежный метод?

Великий жрец поднялся и подошел к окну. Он оглядел улицу.

— Легенда Джосера всего не говорит, я понял это лишь спустя долгие годы... На самом деле, чтобы позволить Имхотепу осуществить свое грандиозное путешествие, помимо Камня и дисков Ра Тот отлил в собственных руках украшение, которое назвал Золотым обручем. Об этом украшении почти не осталось письменных свидетельств... Речь шла об искусно сделанном браслете, в который можно поместить шесть из семи монет... Благодаря этому, приложив монету к солнечному диску, врач мог не только попадать в желаемое место назначения, но и переносить все монеты вместе с собой, как если бы они были прикреплены к его телу. Золотой обруч позволял перемещаться как заблагорассудится по семи эпохам, открытым семью монетами! Это был пароль, пропускавший на дороги времени!

— Так вот для чего в монетах отверстие! — воскликнула Лили. — Чтобы прикреплять их к Золотому обручу!

Движимый внезапным порывом, Сэмюел вскочил и подошел к великому жрецу.

— Его можно найти?

Сетни похлопал его по плечу.

— Золотой обруч? Насколько я знаю, где-то на востоке сделали копию — видимо, по описанию из потерянного отчета Имхотепа. Но неизвестно, у кого она теперь...

— А оригинал? — нетерпеливо спросил Сэм.

— Оригинал хранится у меня, — не спеша проговорил Сетни. — Но я, конечно, не отдам его вам, вы это сами понимаете... И показывать тоже не буду, он может вскружить вам голову. Его воздействие, скажем так, непредсказуемо: некоторые люди от желания завладеть им сходили с ума.

Сэмюел почувствовал, как в нём вскипает злость, которую он не в состоянии сдержать. Ему во что бы то ни стало нужно было заполучить Золотой обруч! Он был ему необходим для того, чтобы спасти отца! Немедленно! И если Сетни не пожелает его отдать...

Почти помимо собственной воли он сделал шаг в направлении старика. Тот поднял руку, останавливая его.

— Я понимаю ваше волнение, мой мальчик, но вспомните, как я только что разделался с Пэкстоном и его бандой. Я вам не по зубам.

Твердый голос великого жреца и абсолютно спокойное выражение его лица умилили гнев, вскипевший в душе у юноши.

— Простите, — он пристыженно опустил взгляд. — Не знаю, что на меня нашло. Это было... Сам не понимаю.

— Очарование Золотого обруча так велико, что под его натиском сбиваются с пути даже самые чистые и честные души. Вот откуда этот ваш... внезапный порыв. Отнеситесь к нему как к предупреждению и постарайтесь запомнить его на будущее.

— И всё-таки, — вмешалась Лили, — зачем вы нам всё это рассказываете, если отца Сэмми это спасти не поможет?

— Вам предстоят непростые поиски, молодые люди. Правда в таких поисках всегда предпочтительнее лжи. Она позволит вам, когда наступит час, сделать правильный выбор. А час этот наступит, можете не сомневаться, причём даже раньше, чем вам хотелось бы. Очень уж

много всего происходит вокруг вас и Камня... Медведь, напавший на него в древней пещере, землетрясение, затопившее и отколовшее от него кусок, машины, зарывшие его там, на стройке... Вы думаете, всё это произошло случайно? Простые совпадения? Обычно люди не замечают Камней Тота, ну а если и замечают, то не придают им большого значения. Что же касается животных...

Он снова развернул карту и указал на несколько булавочных отверстий в папирусе.

— Мне было несколько указаний на то, что на дорогах времени что-то неладно. Взгляните, эти точки указывают на места, из которых за последние несколько месяцев Камни исчезли... Вот, взгляните, это — городу подножия Везувия, а это — пещера с медведем...

Он указал на две крошечные дырочки, находящиеся довольно далеко друг от друга на одном разноцветном пятне, по форме отдаленно напоминавшем звезду и, видимо, представлявшем собой Европу.

— Как я уже сказал, вас я встретил в одной из таких точек, в Чикаго, — жрец ткнул пальцем в приплюснутую восьмерку, которая, вероятно, изображала Америку. — И вот теперь, выслушав ваш рассказ, я почти не сомневаюсь, что дельфийский оракул прав: кто-то в самом деле пытается закрыть врата времени. Кому-то вздумалось уничтожать Камни для того, чтобы помешать вам вернуться домой!

Сэмюел и Лили молчали, не в силах вымолвить ни слова. Мир вдруг показался им опасным и черным как ночь.

— Уничтожать Камни? — наконец выговорил Сэм. — Вы хотите сказать, что это делается намеренно? Кто-то на расстоянии управляет ситуацией, чтобы не дать нам вернуться? Но как такое вообще возможно?

— Вы не отнеслись с должным вниманием к своей Книге времени — вот в чём дело. Вероятно, ею завладел человек с недобрыми намерениями, который теперь вырывает из нее страницы. Книга — это дорожный дневник, она напрямую связана с путешественником. Вырывать из нее страницы — это всё равно что колотить топором по Камню. И то, и другое может привести к тому, что путешественник будет обречен закончить дни вдали от дома!

— Но Книга времени надежно спрятана у меня в комнате! — возразила Лили.

— Можете быть уверены, милая девочка: она уже не там.

— Но почему кому-то вздумалось вредить именно нам? — возмутился Сэм. — Мы ведь ничего плохого не делали!

Жрец пожал плечами.

— Вы могли невольно нарушить ход вещей. Например, человек, который преследует вашего отца... Способность пользоваться символом Хатхор указывает на высокий уровень его познаний. Солнечные рога — могущественный знак, знак дочери бога Ра, богини с двумя лицами, способной жестоко карать или, напротив, осыпать щедрыми дарами. И в зависимости от того, какой из этих сторон человек решит воспользоваться, это может привести к благу или, наоборот, к ужасным страданиям. Если моя догадка верна и этот человек осквернил вашу Книгу времени, нетрудно догадаться, какой из путей выбрал он...

— Так значит, Сэмми правильно разгадал секрет татуировки? Рисунок «Аркеоса» позволяет перемещаться куда захочешь?

— Только отчасти, — проговорил великий жрец. — Знак Хатхор перемещает вас в одно из мест, которое вы им поместили, но вы не знаете, в какое именно из этих мест перенесетесь... Иными словами, чтобы попасть в нужное место, вам может понадобиться предпринять до десяти попыток! И чем больше появляется мест, отмеченных знаком, тем меньше вероятность оказаться там, где хочешь...

— Больше всего меня беспокоит другое, — перебил жреца Сэм. — Если Татуированный украл нашу Книгу, это значит, что он пробрался к нам в дом... В таком случае дедушка и бабушка в опасности, и нам нужно как можно скорее вернуться!

— Я вас не оставлю, — пообещал старик. — Даже если Книга испорчена, у меня есть кое-какие возможности... Возьмите ракушку, вам она нужнее.

Он протянул Сэму чудную китайскую пуговицу.

— Остальное доскажу внизу. — Сетни встал и направился к лестнице.

Лили пошла за ним.

— Еще один вопрос, — начала она. — Может ли Камень Тота перенести нас в такое время, где уже есть мы сами? Ну, в смысле, я могу встретить себя в возрасте семи или тридцати лет?

— Вероятность этого очень невелика. Тело — это некая конструкция из плоти, костей и жидкости, но дух — един и неразделим. В одной и той же точке времени и пространства не может одновременно пребывать два одинаковых духа... Если бы произошло нечто подобное, душа вспыхнула бы и погибла, как от удара молнии. Правда, еще есть вероятность, что путешественник в этот момент впал бы в гипнотический транс или волшебный сон. Но если нет...

— Ну и хорошо, — сказала Лили. — Мне бы совсем не хотелось увидеть себя на двадцать лет старше и на тридцать килограммов тяжелее!

Они вошли в подвал, и Сетни снова порылся в сумке.

— Вот это должно помочь... Как я уже говорил, достаточно опытный маг может, воспользовавшись собственной Книгой, переправить путешественника в начальную точку. Не думаю, что дело серьезно усложняется, если речь идет о двух путешественниках... Держите.

Сэмюел аккуратно взял в руки диск Ра, обыкновенную монету с изображением каких-то растений и отверстием в середине, но обладающую характерным теплом.

— Вы спасаете нам жизнь, великий жрец.

— Это моя обязанность в деле служения Амону. Кстати...

Он как-то странно взглянул на Сэма — будто хотел его загипнотизировать. На мгновение у мальчика даже возникло ощущение, что невидимая рука коснулась его мозга. Довольно неприятное, вообще говоря, ощущение...

— Я старею, — мягко проговорил старик, ослабив хватку. — Тело мое изнашивается под неотвратимым влиянием времени, я это чувствую. Я не вечен, вы сами убедились в этом, побывав в моей гробнице в Фивах...

Сэмюел хотел рассказать старику, что ему еще жить и жить, что впереди у него много лет, но Сетни жестом остановил его.

— Тс-с, мой мальчик! Я не хочу ничего знать ни о своей смерти, ни о том, что случится до нее или после. Это одно из условий честного исполнения моих обязанностей... Но, как бы то ни было, однажды Камням Тота понадобится новый хранитель. Человек, способный противостоять соблазнам, которые предлагают путешествия, человек широкой души, способный отличить добро от зла, и такой, которому

хватит мудрости, чтобы не допустить нарушения хода времен. Этот последний пункт — самый важный. Попытка изменить мировой порядок неизбежно приведет к страшным катастрофам. К несчастью, есть люди, которым это не приходит в голову. Вроде того человека, что использует знак Хатхор в собственных корыстных целях. Вот почему хранитель Камней так необходим... И я убежден, Сэмюел Фолкнер, что вы достойны этой роли.

— Я? — испуганно воскликнул Сэм. — Да я хочу только найти отца и вернуться с ним домой! И всё, точка!

— Конечно, конечно... — ласково улыбнувшись, закивал Сетни. — Пока еще слишком рано говорить об этом, слишком рано! Подумайте. И когда настанет момент — примите решение, которое сочтете правильным.

Великий жрец подошел ближе.

— Пора в путь, дети мои. До конца еще далеко, вас ждет множество дорог!

Он обнял их и на секунду крепко прижал к себе, после чего попросил подойти к Камню. Опустившись на колени и приготовившись приложить монету к солнечному кругу, Сэмюел не удержался и задал еще один вопрос, который так и вертелся у него на языке:

— Мы с вами еще когда-нибудь встретимся, великий жрец?

Сетни в ответ состроил непонятную гримасу.

— Уж точно не так, как вы себе это представляете, молодой человек.

ВОПРОС ДОВЕРИЯ

Сэм лежал на боку и несколько секунд оставался без движения, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Его охватила безграничная усталость, будто тело было изнурено до предела. Однако он понимал, что усталость эта была не столько физическая, сколько душевная. Встреча с прадедушкой и прабабушкой, болезнь Лили, знакомство с великим жрецом Сетни, опасность остаться в прошлом навсегда — всё это сильно потрясло его. Пожалуй, он даже сам не мог признаться себе в том, насколько сильно. А еще он по-прежнему так и не сделал главного — не освободил отца. Сэм медленно открыл глаза, и, хотя и так уже понимал, где именно находится, зрелище, представшее его взгляду, было приятнейшим сюрпризом: ни плесени на стенах, ни ревущих машин, ни дохлых крыс в углах! Бледный свет ночника показался мальчику чудесным источником жизни, а желтый табурет, обычно такой унылый и обыденный, сейчас предстал предметом изысканного вкуса: Сэм снова был дома!

— Лили! — прошептал он. — Всё в порядке? Не ударилась?

Сестра лежала свернувшись калачиком и прижималась к Камню.

— Я с первого раз услышала, Сэмми, — медленно протянула она. — Зачем повторять?

— Это не я повторяю, Лили, это эффект эхо. Он возникает, когда возвращаешься в настоящее. Но это пройдет, не беспокойся...

Она с трудом приподнялась и встревоженно посмотрела на него.

— Сэмми, мы вернулись? Правда?

— Да, Лили, это наш подвал!

От избытка чувств девочка закрыла лицо руками и тихо заплакала. Сэмюел обнял ее и, когда ему показалось, что эффект от переброски немного рассеялся, помог сестре встать на ноги и вывел ее из тайной комнаты.

Наверху кто-то успел прибраться: кресла стояли на месте и часть книг вернулась на полки. Сэм подошел к входной двери и убедился,

что в нее врезали новенький блестящий замок.

— Видимо, приходили дедушка и бабушка, — догадался он. — Наверное, они приехали вместе с полицейскими, когда те меня искали.

— Я так по ним соскучилась, поехали скорее домой!

Они выскользнули из магазина через заднюю дверь, пробрались дворами и сели на автобус, задаваясь вопросом, под каким соусом их сейчас съедят. Судя по часам, их небольшое первобытно-римско-американское приключение в настоящем заняло целый день, и дома их вряд ли ждали с тортом и цветами. Сэмюел не знал, чего бояться больше: полицейских, которые будут допрашивать его относительно ограбления музея, или адского дуэта Эвелин и Рудольфа. Потому что эти двое, дай им волю, с радостью нарежут его тонкими ломтиками и так, в нарезанном виде, отправят в исправительную школу. В полиции, по крайней мере, подобные методы запрещены...

Машины рядом с домом не было, дверь оказалась заперта. Лили достала ключи.

— Думаешь, Татуированный мог до них добраться? — встревоженно прошептала она.

— Не знаю...

Они вошли, позвали дедушку и бабушку и, не получив ответа, стали подниматься на второй этаж. Конечно, в комнате Сэма кто-то побывал... Одежда была кучей свалена на кровати, тумбочка открыта, содержимое школьной сумки вытряхнуто на голову подаренному папой Человеку-пауку и...

— Компьютер! — воскликнул Сэм.

На столе царил неопиcуемый беспорядок — ну, еще более неопиcуемый, чем обычно, — и системный блок вместе с монитором исчез!

— Сэмми! — крикнула Лили из соседней комнаты.

Сэм поспешил к ней. Беспорядок здесь был примерно такой же, только цветовая гамма другая: розово-лиловая.

— Колонка! — всхлипнула Лили. — Сетни был прав!

Колонка в самом деле валялась на полу, и внутри не было ни Книги времени, ни черного блокнота. Охваченный тревогой, Сэм вернулся к себе в комнату и бросился к гардеробу: так и есть, здесь тоже хорошенько порылись и коробку, в которой Сэм хранил всё, связанное с Камнем, распотрошили, как и колонку в комнате Лили.

— Он был здесь, Сэмми!

Тут с улицы донесся знакомый звук машины — нечто среднее между жужжанием бензопилы и ревом слона. Сэм и Лили бросились во двор навстречу дедушке и бабушке, и те уставились на них как на двух призраков.

— Лили! Сэмми! — воскликнула бабушка. — Господи боже!

Они кинулись ей на шею и только слушали, как она всхлипывает:

— Милые мои, хорошие!

Дедушка не так бурно выражал свои эмоции. С каменным лицом он велел им войти в дом. Закрыв за собой дверь, взорвался:

— Черт возьми, Сэмюел, нам что, надо тебя к кровати привязывать? Ты совсем ничего не понимаешь? Ты знаешь, сколько лет твоей сестре? Во что ты ее втянул? Ты в курсе, что тут была с обыском полиция? В моем доме, на глазах у соседей!

Семьдесят пять лет спустя маленький Донован Фолкнер немного подрастерял свою беззаботность и теперь если и изображал паровоз, то исключительно такой, который вот-вот взлетит в воздух от перегрева...

— Полиция? — переспросил Сэм с самым невинным видом. — Почему?

— Потому что было совершено ограбление музея, черт побери! Ведь ты ходил туда с Гарольдом, да? Они нашли твой мобильник в одном из залов, прямо после кражи!

— И из-за этого перевернули вверх дном наши комнаты?

— Наркотики! Вот что они искали! Похоже, ты действительно втянул сестру во что-то несусветное! Еще немного, и я поверю Рудольфу!

— Они увезли какие-то вещи? — спросил Сэм, не обращая внимания на дедушкино возмущение.

А того, казалось, вот-вот хватит удар.

— Да, если хочешь знать, они нашли твой тайник! Похоже, для тебя не осталось ничего святого!

Бабушка попыталась немного разрядить обстановку:

— Донован, успокойся, у тебя же давление. Да, — обратилась она к Сэму, — они забрали какие-то бумаги и компьютер. Говорили, что отслеживают сеть распространителей запрещенных веществ. Они ведь ошибаются, Сэмми, правда? — с надеждой проговорила она.

— Ну конечно, ошибаются! — рявкнул мальчик.

— В таком случае не будешь ли ты любезен объяснить, что делал твой телефон в музее? — спросил дедушка.

Сэмюел перевел взгляд с дедушки на бабушку и обратно. Отступать дальше некуда. Его преследует полиция, и тетя Эвелин рвется наказать и отправить в колонию. Но ему необходима свобода, чтобы спасти отца. И очень нужны союзники... А кто защитит его лучше, чем дедушка с бабушкой?

— Вы можете дать мне хотя бы пятнадцать минут и выслушать без криков и перебиваний?

Они сели за стол в гостиной, и Сэм начал рассказывать. Конечно, он рассказал не всё, но почти... Не упомянул только самых опасных моментов. Например, не стал рассказывать про викингов, про нож алхимика из Брюгге, про медведя в пещере... Добравшись до последней части путешествий — чикагской, Сэм почувствовал, что дедушка напряженно замер. Едва рассказ закончился, как тот ударил себя кулаком по ноге:

— Ерунда! Бред и вранье! Путешествия во времени! Поумнее ничего придумать не смог в свое оправдание? Если ты надеешься, что полиция поверит хоть в тысячную долю всей этой чуши, то совершенно напрасно!

— Чикаго, — подтвердила Лили. — «Бакалейная лавка Фолкнера»... Я тоже там была, дедушка! Всё, что говорит Сэм, полная правда!

— Да вы что, издеваетесь? Сэм на днях лазил на чердак и рылся в старых альбомах — вот и рассказывает теперь! Галлюцинации, вот что это такое! Вызванные приемом наркотических средств!

— Хочешь сказать, ты никогда не играл в паровоз на заднем дворе магазина? — спросил Сэм.

— Все дети в те времена играли в паровоз! И конечно, они это делали на заднем дворе, если он у них был!

— А нас, нас ты не помнишь? Лили три дня пролежала у вас в гостевой спальне! А потом ты нас провожал на вокзал, там был поезд «Пасифик-231»...

— Тогда на всех вокзалах были «Пасифики-231»!

Тут Лили положила руку на плечо дедушке:

— А Зеб? Зеба ты тоже не помнишь? Маленькая плюшевая зебра...

Дедушка на секунду замер. Он хотел было сказать в ответ что-то резкое, но внезапно осекся.

— Зеб, — проговорил он задумчиво. — Зеб... Да... Черно-белый, с полосками зигзагом.

Я брал его с собой в постель, я помню... Откуда вы про него знаете?

— Потому что мы там были! — со вздохом сказал Сэм.

— Это что... что такое? Сон? — растерянно произнес дедушка. — Ущипните меня! Ведь путешествий во времени не бывает, правильно? А если и бывают, то ведь не для вас! Нет, это невозможно... Сэмюел и Лили...

Он замолчал, и дети долго не решались нарушить тишину. Тут дедушка снова посмотрел на них. Но какими-то другими глазами, будто с них упала завеса прожитых лет.

— Сэмюел и Лили, да, я ведь позабыл ваши имена... Я был совсем маленький! Но девочка болела, это правда, теперь я вспомнил. А мальчик...

Он потер глаза, чтобы убрать пелену подступающих слез.

— Вы... вы правы. Действительно, была такая история, у нас в магазине гостили двое детей... Они были гораздо старше меня, и я прекрасно помню мальчика в спортивных штанах и двух кофтах — желтой и оранжевой... Лиц, правда, совсем не помню, но... Это неважно. Сэмми, прости, что я тебе не поверил. Мне не следовало сомневаться ни в тебе, ни в Лили.

Он крепко обнял обоих.

— Старый ворчун, — сказала бабушка, растроганная ничуть не меньше. — Тебе бы почаще верить сердцу, а не голове!

— По правде говоря, — произнес дедушка в свое оправдание, — год тогда выдался непростой. Столько событий, и буквально одно за другим!

— Ты про какие события, дедушка?

— Мой отец... Я не люблю об этом вспоминать, нам всем тогда пришлось нелегко. Тем летом, летом 1932 года, он убил человека...

— Что? — подскочила на стуле Лили.

Дедушка опустил голову.

— Как-то вечером, когда отец закрывал лавку, на него напали. Мерзавец потребовал денег и сказал, что в противном случае он и его

люди заберут меня и маму. У папы был с собой пистолет, и...

Дедушка не нашел в себе сил продолжать.

— Браунинг, — догадался Сэм. — Мафия!

— Да... Расследование тогда ни к чему не привело, но теперь, оглядываясь назад, да к тому же после того, что вы мне рассказали, я лучше понимаю, как всё было. Эти парни уже приходили и угрожали отцу, после чего он на всякий случай купил себе пистолет, а когда они вернулись...

Бабушка поднялась со стула и подошла к дедушке, чтобы его обнять.

— Джеймса Адама оправдали, — сказала она. — Адвокат доказал, что это была самооборона. Но бедняга был совершенно разбит. И Кетти, конечно, тоже! Ее муж и так любил приложиться к бутылке, а уж после такого...

Дедушка выдавил улыбку.

— Подумать только, вы их видели! И прямо перед этой страшной историей! Хотя бы тогда они выглядели счастливыми, как вам показалось?

Чтобы доставить ему удовольствие, Лили во всех подробностях рассказала о том, как они провели несколько дней в «Бакалейной лавке Фолкнера». Особенно подробно она расписывала прекрасные качества Кетти и угрюмое дружелюбие Джеймса Адама. Дедушка был доволен, настроение у него резко улучшилось.

— Вот и хорошо, — приговаривал он с улыбкой. — И вот что я вам скажу: раз они помогли вам семьдесят пять лет назад, было бы несправедливо, если бы мы с бабушкой не помогли вам сегодня! Даже если это будет непросто... Потому что, напомню, Сэма разыскивает полиция и Эвелин настроена очень решительно... Что вы собираетесь делать?

— А где мама? — забеспокоилась Лили.

— Рудольф повез ее к врачу, чтобы тот выписал ей успокоительное, — вздохнула бабушка. — Когда она узнала, что ты исчезла, у нее случился нервный срыв. Она и так не очень хорошо держалась в последнее время... Но, думаю, если мы постепенно всё ей объясним, без резких движений, она в конце концов поймет. Я сама этим займусь...

— Ни в коем случае! — перебил бабушку Сэм. — Кроме вас двоих больше никто не должен знать о Камне, и особенно тетя Эвелин! Речь идет о жизни папы! У меня есть монета подходящей эпохи и китайская ракушка, которая поможет туда попасть. Я во что бы то ни стало попытаюсь вытащить папу оттуда, и никто не должен в это вмешиваться.

— Ты хочешь отправиться к Дракуле? — воскликнула бабушка. — В ужасный средневековый замок? Туда, где повсюду рыцари, которые захотят тебя убить? Ты же не всерьез, правда, Сэмми?

— Бабушка, я справлюсь. Если бы мне это было не по плечу, я бы не преодолел всё, что происходило до этого... К тому же, обещаю, я как следует подготовлюсь, изучу как можно лучше историю Влада Цепеша, чтобы сила была на моей стороне. Останется только сгонять туда и сразу вернуться...

— А если тебя там тоже запрут в темнице?

Внезапно дедушка принялся защищать внука:

— Марта, может, ты позволишь Сэму поступить по-мужски? Как он будет жить дальше, если бросит отца в беде? Я долгие годы корил себя за то, что не смог помочь своему... К тому же Аллан обратился к Сэму за помощью, помнишь? А значит, верит в него больше, чем в кого бы то ни было. Какое еще доказательство тебе нужно? К тому же, будь я сам помоложе...

Но бабушку его слова, похоже, ничуть не убедили.

— А полиция? И Эвелин? Что мы им скажем?

Лили подняла руку, как в школе.

— У меня есть идея.

Все посмотрели на нее.

— Я сбежала из дома...

— Что?

— Сбежала! Корень проблемы в том, что мама и полиция связывают наши с Сэмом исчезновения, правильно? А еще — в том, что они во всё винят Сэмми. Это значит, что нам надо разделиться! Поэтому я и предлагаю: надо притвориться, что я сбежала из дома!

— Можно поподробнее? — осторожно спросил дедушка.

— Ну, допустим, я сильно влюбилась в Нельсона, брата Дженнифер, и задумала отправиться к нему в летний лагерь. По дороге поняла, что это была очень глупая мысль, и решила вернуться обратно.

И это не имело ровным счетом никакого отношения к моему ужасному брату!

— Ты? Сбежала? — изумленно проговорила бабушка.

— Мне двенадцать лет, самый подходящий возраст! — убежденно закивала Лили. — И я с радостью разыграю этот спектакль!

— А что же тогда произошло с Сэмми?

— Сэмми пока спрячется. Займется подготовкой и отправится на поиски папы. А потом, когда они вернутся домой, все эти истории про исчезновения будут уже не так важны.

— Но где же он будет прятаться? — спросил дедушка. — Сюда вот-вот вернется Эвелин, а книжная лавка под наблюдением полиции. Тем более после вчерашнего взлома...

Теперь руку поднял Сэмюел.

— Эм-м... Кажется, у меня тоже есть идея.

ЗАДАНИЕ НА ЛЕТО

Сэм не был уверен, что идея удачная. Он смотрел на стены комнаты, обклеенные плакатами с мрачными «Белокуроыми дьяволами», группой в стиле хард-рок с элементами готики. Нелепые кожаные куртки и пышные кружевные воротники, чудовищно подведенные глаза, а лица при этом — ангелоподобные и юные, видно, что только-только школу окончили. Сэм опустил сумку на покрывало с изображением черепа и постарался сделать вид, что ему тут нравится.

— Мило, да? — вздохнула миссис Тоддс. — Рикку сейчас нравятся всякие страшилки. Не знаю, откуда у него это!

— Пройдет, — заверил ее Сэм. — У меня многие друзья этим увлекались.

— Вот и хорошо, значит, тебе не привыкать. Располагайся, будь как дома, Рик на три недели уехал к бабушке, так что тебе никто не помешает.

Сэм мысленно пожелал смелости бабушке, обреченной проводить лето в ритме «Белокурых дьяволов».

— Ладно, не буду тебе мешать. Алисия вернется только вечером, но если тебе что-нибудь понадобится, я внизу. Ужин около восьми.

Сэмюел поблагодарил миссис Тоддс, и они обнялись. Элен с радостью согласилась приютить Сэма, когда тот рассказал, что Аллана нет дома уже больше двух недель, а у него самого не заладились отношения с тетей Эвелин. К тому же миссис Тоддс продолжала винить себя за то, что после трагедии была недостаточно внимательна к Сэму, и ей хотелось наверстать упущенное. Оставалось только узнать, как отнесется к его появлению Алисия...

Сэмюел разгреб стол Рика (удивительно, каким отвратительным кажется нам беспорядок в комнате другого человека), чтобы положить туда книги, взятые в библиотеке: история Румынии, географические карты, биография Дракулы и так далее. План был прост: провести пару дней, укрывшись ото всех, кто его разыскивает, и тем временем узнать

побольше о Владе Цепеше. Ведь не зря говорится: чтобы победить врага, его нужно узнать. Сэм хотел составить более-менее ясное представление об этом типе, его привычках и жизни в замке, надеясь, что информация поможет ему освободить отца.

Убрав со стола журналы о хард-роке, наклейки «Вечность готична» и «Дум-метал выше музыки», Сэмюел взял лист бумаги и ручку. Пора приступать к работе.

Что он знает о Владе Цепеше? Что этот средневековый правитель был не из тех, кого с радостью пригласишь домой на выходные... В его оправдание нужно заметить, что детство у Влада выдалось непростое. Мотался между Валахией, Трансильванией и двором турецкого правителя, где его держали в неволе. В Средние века это было распространенной практикой: побежденный враг отдавал победителю своих сыновей. Отец Влада, правитель валахской провинции, большую часть жизни провел в сражениях, пока в конце концов его не убили венгры. Стал жертвой неудачного географического положения: его страна стояла на стыке христианских земель и мусульманского мира и на перекрестке всех торговых путей, соединявших Европу и Азию. Идеальное место для всяких заварушек.

Влад заставил громко говорить о себе в 1456 году, когда в результате дерзкого переворота захватил власть в Валахии. Ему было тогда двадцать семь или двадцать восемь. К несчастью, очень скоро ему пришлось померить свой пыл — всё из-за того же злополучного географического положения. Влад заметил, что в бутерброде между турками и венграми Валахия играет роль лакомого куска копченой говядины, на которую все поглядывают с вожделием. Пришлось и ему тоже начать воевать, ведь он был не намерен отдаваться на съедение соседям с их бешеным аппетитом.

И началось... Чтобы стать совершенно несъедобным, Влад учредил в стране политику террора, беспощадно отправляя на казнь всех — мужчин, женщин, детей, — кто мог в той или иной степени (в большинстве случаев — крайне незначительной) представлять угрозу для государства. С тех пор хроники его эпохи полны кровавых подробностей о том, как господарь Валахии убивал родственников, монахов, советников, солдат, турок, венгров, жителей городов, жителей деревень...

И главное, методы у Влада были ужасно зверские. Воры у него варились в огромных котлах, мятежников жгли на кострах, заключенным скармливали раков, которым перед этим отдавали на съедение мозг родных и близких этих самых заключенных, ну и всё такое прочее...

Но его фирменным методом, если так можно выразиться, было сажание на кол. Собственно, из-за этого его и прозвали Цепеш, что в переводе с румынского означает «Колосажатель». Ничто не доставляло ему большей радости, чем строить заборы из острых кольев (говорят, он втыкал их в землю тысячами) и насаживать на них всех без разбору, независимо от возраста и пола. Даже если свидетельства о жестокости Дракулы были преувеличением, всё равно не оставалось сомнений в том, что тюремщик Аллану Фолкнеру достался на редкость кровожадный...

Раздался стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошла Алисия. Она потрясающе выглядела: в платье для тенниса, успевшая загореть под июньским солнцем, с собранными в удобный хвост светлыми волосами. Но при этом — с нахмуренным лицом, словно что-то пошло не так, как ей хочется. Она мрачно посмотрела на Сэмюела и уселась на постель брата, притянув к себе колени и сердито уткнув в них подбородок. Сэмюел начал сбивчиво извиняться:

— Я... я тут... прости, пожалуйста... конечно, сначала надо было спросить твоего мнения. Когда я заходил на днях, я совсем не собирался тут устраиваться, честное слово. Просто у нас дома сейчас дела идут не очень, и...

Она махнула рукой, будто просила замолчать и не обращать на нее внимания. Сэмюел чувствовал себя неловко. Он прекрасно понимал, что поступил необдуманно, навязав ей свое присутствие, но как же она была прекрасна! Фея, королева эльфов, которая попала в темницу, а он, несчастное насекомое, этому рад, потому что, несмотря на стыд, счастлив ее видеть. Кошмар! Сэм замер, раздираемый противоречивыми чувствами, и, поскольку Алисия продолжала молчать, сделал вид, будто вернулся к работе. Слова танцевали перед глазами и не складывались в целую фразу, сердце билось так сильно, что пришлось сжать руки перед грудью, чтобы оно не вылетело наружу, но всё это была ерунда — ведь в двух метрах от него сидела Алисия.

Наконец, когда прошло, кажется, не меньше получаса, она решила заговорить:

— Мама говорит, Аллан исчез, это правда?

Голос ее звучал не слишком дружелюбно.

— От него уже две недели нет вестей, да. Но, обещаю, я здесь всего на два-три дня, пока...

— Я сержусь не из-за этого, — перебила она. — Мы с Джерри поссорились.

— А... Понятно... Жалко.

— Ничего тебе не жалко! Я из-за тебя с ним и поссорилась! Услышала, как он звонит Монку и как они договариваются тебя избить, если ты попытаешься снова со мной увидеться.

Пэкстон и Монк, какие дедушки — такие и внуки!

— Им не терпится отомстить после турнира по дзюдо... — осторожно проговорил Сэм.

— Дзюдо тут ни при чём, — огрызнулась Алисия. — Дело во мне! Он требовал, чтобы я поклялась, что между нами ничего нет, и в итоге я разозлилась.

— Ну и правильно сделала. Если он тебе не доверяет, значит, не достоин тебя.

— Я не знаю, достоин он меня или нет, но если ты попадешься ему на глаза...

— Алисия, я не боюсь Джерри, — заверил ее Сэм. — Ни на татами, ни где-нибудь еще... И если он тебя обидит, будет иметь дело со мной.

Слова вырвались у Сэма сами собой, он даже не успел подумать. Но вообще-то это была правда... И Алисия, похоже, оценила его искренний порыв — стала помягче. Она спрыгнула с кровати и подошла к столу — посмотреть книги Сэма.

— Уроки делаешь? У вас что, каникулы еще не начались?

— Вообще-то начались, но у нас с учителем истории уговор. Я в этом году не очень хорошо писал контрольные, поэтому теперь должен сдать ему работу по Средним векам. Я выбрал Влада Цепеша... Ну, Дракулу.

— Ты должен сделать работу на тему Дракулы? Какой у вас странный историк!

С первого этажа донесся голос миссис Тоддс, избавив Сэма от необходимости отвечать:

— Дети! К столу!

Большую часть вечера они провели вместе: слушали музыку, вспоминали детство. Алисия по-прежнему вела себя сдержанно и не упустила случая похвастаться многочисленными достоинствами Джерри (не упоминая, впрочем, его нездоровой ревности), но Сэм всё равно был на седьмом небе от счастья... Он даже и не помнил, когда в последний раз чувствовал себя так хорошо.

На следующее утро, пока Алисия еще спала, он вернулся к исследованию личности Дракулы. Как большинство кровавых тиранов, Влад Цепеш плохо кончил. После шести лет жестокого правления турецкое войско вынудило его бежать в Венгрию, где Дракула попал в тюрьму, но и это, говорят, не помешало ему продолжать вершить жестокие казни: в застенках он насаживал на маленькие деревянные палочки мышей (и если это правда, то речь тут, видимо, идет о каком-то серьезном психическом нарушении). После освобождения из тюрьмы он долго оставался в ссылке в Венгрии, и, когда в результате замысловатых интриг приготовился снова захватить Валахию, один из его людей коварно напал на Влада сзади и отрубил ему голову. Бывшие подданные отчего-то не вышли на улицы, чтобы дружно оплакивать безвременно погибшего правителя.

Только на этом история не заканчивается. Вскоре после его смерти страшная легенда о Владе Цепеше обросла новыми подробностями, еще более ужасными, и закончилось всё тем, что его имя стало ассоциироваться с одним из самых страшных персонажей местного фольклора — вампиром, существом, которое пьет кровь своих жертв. Тогда Влад получил новое прозвище — Дракула, которое означало примерно «Сын Дьявола», но отсылало так же и к принадлежности его отца к престижному ордену Дракона.^[30] В конце XIX века писатель Брэм Стокер собрал разрозненные детали вместе и создал романтический образ Дракулы, и со временем все стали воспринимать его как мифического персонажа, а реальная история о кровожадном правителе Валахии практически забылась.

Сэмюел закрыл биографию Дракулы и взял в ладонь одну из монет с отверстием, которые отец, пускаясь в путь, доверил Максу, их старику-соседу. Видимо, на монете неспроста была изображена черная змея. Змея, дракон, Дракула... Аллан наверняка придумал это, чтобы

помочь сыну отыскать его, если дела пойдут плохо. Благодаря этой монете и чудесной капсуле китайского императора Сэм скоро попадет в замок Бран. Если, конечно, на этот раз для разнообразия всё пойдет по плану...

Около десяти часов затрезвонил мобильник Сэма, точнее, телефон, который ему временно одолжила бабушка. Звонила Лили, с хорошими новостями: Эвелин и Рудольф вернулись, оба были ужасно рады обнаружить ее дома и охотно поверили в историю о побеге. Эвелин даже вела себя нежнее, чем обычно, и обещала в будущем уделять дочери больше внимания. О Сэме никто почти не вспоминал — разве что упомянули его невоспитанность и аморальность, виной которым, безусловно, был дурной пример отца. В общем, всё как обычно... Под конец Лили объявила, что дедушка заглянет к Тоддсам, чтобы вручить ему подарок. Что за подарок? Загадка...

Вернувшись за стол, Сэмюел погрузился в карты и стал искать на них замок Бран. К его удивлению, замок находился вовсе не в Валахии, а севернее, в Трансильвании. Из того, что Сэм успел прочитать, вовсе не следовало, что Влад когда-то жил в Бране, но в его биографии было так много темных пятен, что почему бы и нет? Замок Бран объявлял себя домом Дракулы с целью привлечения туристов, очарованных загадочным и пугающим образом легендарного персонажа. Но оставалась одна существенная помеха: со времен эпохи Влада здание претерпело существенные архитектурные изменения, и у Сэма не было оригинальных чертежей. Замок мог частично разрушиться, его могли несколько раз перестроить, расширить или надстроить... Как же в таких условиях попасть в нужное место? Чтобы найти дорогу в тюрьму, требовался более надежный способ сориентироваться на местности...

— Сэмюел! Смотри, что мне прислал Рик!

Алисия вихрем влетела в комнату, размахивая телефоном и распространяя вокруг себя аромат цветов и корицы. Сэмюел склонился над крошечным экраном и увидел плохо кадрированный снимок картины, которая была ему прекрасно знакома: портрет Изер, написанный в Брюгге в 1430 году!

— Ты рассказал про картину маме, и она попросила бабушку порыться на чердаке...

— Да, по телевизору показывали репортаж о художнике по имени Балтус. Я очень удивился, когда там показали этот портрет.

— Мама думает, что эта девушка может быть из нашего рода. По моему, она на меня похожа, тебе не кажется?

Сэм развернул телефон так, чтобы не отвечивало.

— Э... Пожалуй, что-то есть, да.

— Потрясающе, скажи? — восхищалась Алисия. — Когда-то давным-давно жила эта девушка, моя прапрапрабабушка, и мы с ней похожи!

— Похоже, она хорошая, — сказал Сэм, который на самом деле прекрасно это знал.

— Нет, ты представляешь: пятьдесят лет картина лежала в старом сундуке, и, если бы не ты...

Пока Сэм жадно разглядывал изображение на экране, Алисия заметила листок, на который он переписал слова из черного блокнота.

— А это что? — спросила она.

— А, это! Еще одно задание от историка. Такая, знаешь, историческая загадка, которую надо решать со словарем и энциклопедией.

— Загадка?

Она принялась хохотать во весь голос.

Merwoser = 0

Calafe Al-Nakim, 1010

\$1000 000!

Xerxes, 484 г. дон. э.

Level One — начало

V. = 0

Izmit, примерно 1400

Israhan, 1386

— Слушай, ну ваш историк дает! Реально двинутый! Сначала Дракула, теперь это; нормальные у тебя каникулы, ничего не скажешь!

Алисия вдруг нагнулась к нему очень близко и пристально посмотрела немигающими голубыми глазами.

— Сэмюел, что ты от меня скрываешь?

Он с большим трудом выдержал ее взгляд и не отвел глаз.

— Ничего, Алисия, честное слово. Ничего не скрываю...

Его лицо находилось буквально в двадцати сантиметрах от его, и она была нестерпимо красива.

— Сэм, ведь мы с тобой вместе росли. Я до сих пор сразу понимаю, когда ты мне врешь. Твой отец внезапно исчезает, ты приходишь сюда прятаться, потому что у тебя со всеми конфликт, запираешься и часы напролет изучаешь Дракулу и какую-то непонятную и неразрешимую загадку... И в довершение всего — эта картина, которую ты случайно замечаешь в телевизоре, и она вдруг обнаруживается на чердаке у моей бабушки!

— Это, наверное, копия, — пробормотал он. — Художники всё время копируют друг друга...

Алисия склонила голову и нежно провела пальцем по щеке Сэма.

— Как жаль, — тихо проговорила она. — И ты тоже мне не доверяешь.

Она взяла телефон и направилась к выходу.

— Я иду к Мелиссе, хотим устроить вылазку на природу.

— Ты... ты надолго?

— Планируем вернуться послезавтра. Хочешь с нами?

Алисия приглашает его... Зовет его с собой! Мозг Сэмюела кипел: при любых других обстоятельствах он, конечно же, пошел бы с ней в поход! Ведь что может быть приятнее! Но нет, послезавтра — это значит через два дня... Два дня для него — это две недели для отца! Невозможно, абсолютно невозможно.

— Прости, пожалуйста, Алисия, — произнес он бесцветным голосом. — Я буду занят.

— Окей, мистер Прости-пожалуйста. Веселых уроков!

Она развернулась, ничего больше не сказав. Сэма будто молнией пронзило. Балбес... Сэмюел Фолкнер, ты балбес! Почему ты не воспользовался возможностью и не поговорил с ней? Почему не признался во всём? Может, она поняла бы? Может, даже простила бы? Может, вы даже могли бы... Может, может...

Когда Алисия ушла, Сэмюел обнаружил, что ужинать ему придется одному: мистер и миссис Тоддс до вечера на работе. На ужин была свинина с кленовым сиропом. Поев, он тут же вернулся в комнату Рика и включил компьютер. На этот раз он рассчитывал воспользоваться интернетом, чтобы прицельно изучить план замка. После нескольких

неудачных ссылок (в Сети обнаружилась целая толпа сумасшедших фанатов Дракулы — хватило бы на несколько психбольниц) ему удалось отыскать немного дополнительной информации о Трансильвании, а потом он еще и принял участие в обсуждении на тему Влада Цепеша, где, впрочем, обменивались только рецептами кровавого супа и светящихся зубов вампира. От одного участника из Австралии Сэмюел узнал адрес сайта, посвященного ролевым играм, на котором с домашней страницы, оформленной в стиле игры «Подземелья и драконы», можно было попасть на подробные карты замков, в которых в разные времена жил Влад Цепеш. Там же Сэм обнаружил сценарий игры под названием «Ночь Стригоя»,^[31] где ведущий, румынский студент, говорящий по-английски, воссоздал оригинальные планы Брана, основываясь на архивах своего университета. Молодой ученый подтверждал, что раньше в замке имелось подземелье, куда, в случае экстренной необходимости, могли эвакуироваться все обитатели замка. По его словам, ход в подземелье начинался в здании мельницы, расположенной чуть ниже замка, но его замуровали в XVIII веке из-за риска обвалов. Сэмюел лихорадочно записал все эти детали: он чувствовал, что цель близка. Ну, Влад Цепеш, берегись!

Ближе к вечеру к Сэму приехал дедушка. Он выглядел одновременно счастливым и встревоженным, в совмещении двух этих крайностей принимала участие каждая морщинка на его лице — из-за этого оно стало похоже на сморщенное яблоко. Он неловко прятал за спиной большой полиэтиленовый пакет.

— Давненько я тут не был, — сказал дедушка, усаживаясь на диван в гостиной. — Тоддсы — милые люди, правда?

— Они очень добры ко мне, да.

— Вот и хорошо. Бабушка передавала им привет, и Лили тоже.

— С Эвелин всё нормально прошло?

— Лили тебе, наверное, уже рассказала. Ее затея удалась. Эвелин так обрадовалась встрече, что даже уговорила Рудольфа связаться с шефом полиции и попросить их вернуть вещи, которые они забрали. Например, вот это — книга из спальни Лили.

Дедушка достал из пакета Книгу времени.

— Ничего себе! — воскликнул Сэм. — Что с ней случилось?

Красная обложка толстого тома выглядела еще старше, чем раньше, на ней появились следы ударов и царапины, а в некоторых местах она даже выцвела, как будто долго лежала на улице — под палящим солнцем и под дождем.

— Она как будто... как будто состарилась! — изумленно воскликнул Сэм.

— И это еще не всё, — продолжал дедушка. — Лили утверждает, что в ней не хватает страниц.

Сэмюел осторожно открыл книгу: многие страницы в ней и в самом деле отсутствовали, причём некоторые были осторожно вырезаны, а некоторые бесцеремонно выдраны. На тех, которые остались (осталось всё-таки большинство), был изображен Сент-Мэри 1932 года. И на каждой странице красовался один и тот же заголовок: «Народные гулянья в Сент-Мэри».

— Сетни был прав, — проговорил Сэм. — Татуированный в самом деле пытался помешать нам вернуться! Но... полиция? Чем они объясняют такое состояние книги?

— В самом деле, странно, — задумчиво произнес дедушка. — Они утверждают, что все вещественные доказательства хранились под замком и доступа к ним ни у кого не было... В общем, с полицией будем разбираться позже... А как у тебя дела, продвинулся в поисках?

— Да, мне удалось добыть план замка Бран. Это поможет.

— Прекрасно. Если ты нащупал путь, это очень хорошо... Вот только есть один вопрос, который я не хотел обсуждать в присутствии бабушки. Что Аллан делает в Валахии?

Сэмюел сам старательно избегал этой темы, чтобы никого не огорчать. Например, не стал упоминать в разговоре с бабушкой и дедушкой Пуп земли и компанию «Аркеос».

— Я... я думаю, что часть книг для своей лавки папа привозит из прошлого.

Дедушка потер подбородок.

— Я боялся, что речь идет о чём-то таком. Увы, у твоего отца были большие проблемы с деньгами. Мы, конечно, помогали чем могли, но... В последнее время он так отдалился от нас! Спасибо, что честно рассказал мне о своих догадках. Конечно, бабушке об этом ни слова, ты же знаешь, как она гордится сыном!

— Не беспокойся, я не проговорюсь.

— Очень хорошо. Кстати, я тут... принес тебе кое-что.

Дедушка достал из пакета сверток, перемотанный бечевкой. Дрожащими руками он развязал узелок и развернул замшевую обертку. Внутри оказался черный пистолет.

— Это браунинг моего отца, — пояснил дедушка. — Поскольку его признали невиновным, оружие ему после суда вернули. Я так и не нашел в себе силы от него избавиться. Даже не знаю... Возможно, ждал момента вроде этого... Я очень хорошо о нём заботился все эти годы, так что он прекрасно работает. Пользоваться им очень просто, смотри.

Донован быстро продемонстрировал Сэму принцип работы, и Сэм, борясь со страхом, пытался запомнить, где что. Спусковой крючок, затвор, обойма...

— Осталось семь патронов, — уточнил дедушка. — Там, куда ты отправляешься, они могут пригодиться.

Сэмюел с опаской взял пистолет из рук дедушки и взвесил на ладони, будто надеясь приручить.

«Отправиться в замок Бран с браунингом... — подумал он. — В конце концов, а почему бы и нет?»

ЗАМОК БРАН

Никогда еще путешествие во времени не давалось Сэму так тяжело... Едва он приложил китайскую пуговицу к солнечному диску, кровь будто превратилась в пар от нестерпимого жара. Ощущение было такое, будто под кожей разорвался снаряд из десяти миллиардов булавок. А потом кипящий пар вдруг затвердел, и кровь по венам Сэма потекла густая, словно цемент. С минуту Сэмюел валялся без памяти, не хватало сил ни на приступ рвоты, ни даже на слабый кашель. Только с губ тянулась красная нить слюны. Немного придя в себя, Сэм долго отплевывался, чтобы избавиться от кислого привкуса во рту. Спасибо, китайская императрица! Вообще-то Сетни мог бы и предупредить о побочных эффектах своих гаджетов!

Раздираемый ужасной болью, Сэмюел поднялся на ноги и обнаружил, что находится на берегу реки, протекающей через густой лес. Солнце едва проникало сквозь серые тучи, а потом слабые лучи застревали в листве, отчего под деревьями было темно и враждебно, как в лесу энтов из «Властелина колец». Невдалеке, над рекой, возвышался мрачный силуэт замка Бран. Нашел...

Сэм достал браунинг и, чтобы подбодрить себя, пощелкал затвором. Только теперь, сунув пистолет в карман, он начал осознавать, на какой риск пошел, не взяв с собой ни одного диска Ра, предпочтя гарантии возвращения защиту в виде огнестрельного оружия. К тому же он полагал, что деревянная капсула защитит монету с черной змеей и она перенесется вместе с ним в пункт назначения — иначе какой смысл в этой самой капсуле? Но нет, ничего подобного... Ниша Камня, едва заметного в зарослях камыша, была пуста. *Монеты для возвращения домой опять нет!*

«Подумаю об этом позже, — решил Сэм. — Сейчас главное — отец».

Мальчик решил незаметно пробраться вверх по реке и попытаться отыскать мельницу — ведь мельницы строят у реки, правильно? А

дальше — молиться, чтобы румынские студенты оказались сильны в истории.

Сэм пошел по берегу, ощущая на лице прохладный ветерок, очень приятный после ожога «переброски». Временами тропа среди береговых трав становилась настолько узкой, что приходилось углубляться в лес и идти среди толстых чешуйчатых стволов хвойных деревьев. Удивительно, но вокруг не слышно было ни звука. Птицы не пели, и лес онемел, словно насторожился и с опаской ждал чего-то...

Чем дальше шел Сэмюел, тем более угрожающий вид приобретал замок. Он высился над скалой, заслоняя небо двумя внушительными башнями, круглой и квадратной. По сравнению с тем, каким замок стал в эпоху Сэма, средневековая версия была проще и грубее: меньше окон и пристроек, меньше фантазии в расположении крыш. Замок окружала могучая стена, и он напоминал скорее надежную крепость, чем изысканный дворец. Прищурившись, Сэм разглядел нескольких стражей в шлемах, стоявших на стене. Он сжал в руке браунинг, пытаясь убедить себя, что под надежной защитой.

Река вывела Сэма на поляну, поросшую высокой травой, где громоздились обгоревшие руины каменной мельницы. Лопастное колесо разобрали на дрова, да и всё остальное выглядело не лучше: половина постройки обрушилась, обломки почерневших балок торчали из развалин подобно старым гнилым зубам. Пожар, несомненно, случился очень давно, часть стены с тех пор покрылась желтоватым лишайником. Если ход в замок действительно начинается здесь, то нужно подготовиться к разбору завалов!

Сэм попрыгал на досках пола, чтобы убедиться, что тот не провалится у него под ногами, и поднырнул под остатки кровли. Дорогу преграждал настоящий свал камней, веток, сорной травы и паутины. На второй этаж, которого больше не существовало, вела лестница с несколькими недостающими ступеньками, а сразу за ней находилась комната, освещенная небольшим окошком. Беспорядок здесь был не такой ужасающий, кто-то даже аккуратно сложил слева от входа обломки камней. Самюел подошел ближе. Щель в полу указывала на наличие люка, поверхность которого относительно недавно подметали. Рядом лежал старый ржавый замок. Кто-то побывал здесь незадолго до Сэма.

Он искал глазами подходящий предмет, чтобы подцепить крышку, и заметил подокном металлический прут. Потянувшись за ним, Сэм увидел две буквы, нацарапанные на стене: АФ. Аллан Фолкнер... Отец оставил ему подсказку! Значит, он на правильном пути!

С дрожью в коленях Сэмюел крепче ухватился за импровизированный лом и склонился над люком. После нескольких попыток ему удалось наконец приподнять и откинуть крышку. Под крышкой открылась дыра. Она казалась бездонной и была абсолютно черна, как и положено подземным ходам. Сэм опустил в лаз руку и сантиметрах в пятидесяти от пола нащупал первую перекладину лестницы. Похоже, для участия в данном проекте требовалось наличие определенного спелеологического опыта... Сэмюел спросил себя, не лучше ли будет закрыть за собой люк, но решил, что всё-таки не стоит. На случай, если придется быстро удирать, лучше иметь как можно меньше препятствий на пути.

Примерно через десять перекладин нога Сэма коснулась дна. Значит, глубина метров пять или чуть больше... Отсюда туннель вел вправо, из которого сильно тянуло сыростью и плесенью. К тому же ничего не было видно... Сэмюел поглубже вдохнул и осторожно двинулся вперед, держась рукой за стену. Иногда пальцы касались чего-то пушистого, с писком удиравшего прочь. Он с трудом удерживался от того, чтобы тоже не удрать, только в противоположном направлении. Через некоторое время Сэм нащупал ступеньку, довольно высоко на стене. Лестница... Он стал карабкаться вверх, причём двигаться решил на четвереньках — ступеньки были неровные и скользкие. Чтобы подбодрить себя, Сэм начал мысленно считать: один, два, три... Дойдя до ста шестидесяти пяти, он задел коленом какой-то предмет, который с грохотом полетел бы вниз, если бы мальчик не успел в последний момент подхватить его. На ощупь это была стальная гильза со съёмным колпачком. Материал не слишком средневековый... Может, гильзу обронил его отец месяцев пять-шесть тому назад, когда тоже пытался проникнуть в логово Влада Цепеша? Это означало бы, что по секретной лестнице ходят не так уж часто. Вот и хорошо.

Сэм продолжил подъем, всё чаще и чаще останавливаясь, чтобы перевести дух. После трехсотой ступеньки он сбился со счета и

постарался сосредоточиться на чём-нибудь приятном. Например, на первом вечере, который они с отцом проведут вместе, когда вернутся в Сент-Мэри. Пиццерия? Боулинг? Кино? Или нет, лучше просто тихий вечер с бутербродами перед телевизором. Обыкновенная жизнь обыкновенной семьи — вот о чём Сэм мечтал больше всего!

Добравшись до конца лестницы, он уперся в низкую дверь, укрепленную железными гвоздями с широкими шляпками. Сколько Сэмюел ни ощупывал ее, ни ручки, ни замка, ни петель обнаружить не удавалось. Мальчик изо всех сил толкнул дверь, но та даже не дрогнула, будто была высечена из камня. Если бы хоть какой-то свет! Так, ладно, дышать, спокойно, не поддаваться панике. Сэм снова принялся обшаривать дверь и на этот раз наткнулся на длинную горизонтальную бороздку у верхнего края. Оказывается, она открывается не на себя и не от себя, а в сторону! Сэм попробовал сдвинуть дверь вбок и почувствовал, что она в самом деле слегка переместилась. Правда, весила она не меньше тонны...

Сантиметр за сантиметром Сэмюелу удалось приоткрыть дверь настолько, чтобы в щель можно было протиснуться. Увы! Его ждало новое препятствие — огромный шкаф. Из-за стенок шкафа проникал рассеянный свет и доносился мужской голос, распевавший:

Рассекаю волны,
Мчусь вперед отважно...

Средневековый хит?

Сэмюел надавил плечом, упершись ногой в стену. Шкаф со скрежетом отодвинулся: фр-р-р-р!

По морям-просторам
Рассекаю волны...

К счастью, человек пел от души, во весь голос. Еще немного, втянуть живот, не дышать... Уф! Есть!

Напрягая глаза в полумраке, Сэмюел огляделся: лестница привела его в комнату со сводчатым потолком, стенами из голого камня и сильным запахом жареного мяса. Здесь хранились алебарды и много разного другого оружия, щиты, арбалеты со стрелами, пушечные ядра и даже небольшие пушки. Всё это было заботливо расставлено вдоль стен или разложено на полках шкафов вроде того, который закрывал

выход из туннеля. Сэм подвинул буфет на место, но выход полностью закрывать не стал — из тех же соображений о поспешном отступлении, когда важна каждая секунда. Дверь из оружейного зала вела в следующий — тут стояли скамейки и столы, а на них лежали шлемы. Поющий сидел спиной к дверям и жарил в печи огромный кусок мяса. Расплавленный жир стекал по куску и с треском капал в огонь, а певец знай тянул свою песню:

Я плыву отважно,
Рассекаю волны...

Похоже, он был тут один и в предвкушении пира не обращал внимания на то, что происходит за спиной. А зря...

Сэмюел инстинктивно схватился за пистолет, но передумал. Выбрал в арсенале оружейной комнаты нечто вроде бейсбольной биты с острым концом и на дрожащих ногах подошел к звезде валахской эстрады:

Возвращаюсь в замок,
Рассекаю волны;
Ждет меня красотка,
Рассекаю...

— Плямс! — сказала дубина, обрушившись певцу на голову.

— ...череп? — закончил за него Сэм.

Воин обмяк, и Сэм поддержал его, чтобы тот не свалился в очаг. Он перетащил оглушенного в темную часть оружейного зала, как полагается в играх жанра «стелс».^[32] Когда красотка, дожидавшаяся возлюбленного, увидит, в каком он состоянии, она поймет, что свадьбу на некоторое время придется отложить.

Сэм осторожно выглянул из комнаты для охраны. За ней виднелась винтообразная лестница, которая поднималась из подвала и вела дальше вверх. Это наверняка та самая круглая башня. Если Сэмюел хорошо запомнил план, тюрьма находится под центральным двором, в восточной части замка. Правильнее всего будет двигаться подземными коридорами, так больше шансов пройти незамеченным. Он спустился по лестнице и наугад двинулся по коридорам, через равные промежутки освещенным факелами. Ему по-прежнему никто не

встречался, только где-то вдали раздавались размеренные шаги. У них что, все в отпуске?

Наконец, он достиг цели. Тюрьма представляла собой довольно широкий коридор с низким потолком, вдоль которого тянулись камеры с тяжелыми, обитыми железом дверями. В середине коридора находился стол с двумя скамьями, а за столом сидел стражник и огромным ножом обтесывал деревянный брусок. Рядом стоял кувшин, и стражник весело насвистывал какую-то мелодию. Да им тут пора устраивать конкурс талантов замка Бран!

Проблема заключалась в том, что стражник сидел лицом к лестнице. Как только Сэмюел выйдет на свет, у него не останется ни единого шанса пройти незамеченным. И в то же время необходимо добыть ключи... Сэм вынул из кармана браунинг, решив, что воспользуется им только в крайнем случае. Заодно достал и предмет, который нашел на подземной лестнице. Оказалось, что это баллончик со слезоточивым газом вроде тех, которые отец купил для защиты магазина! Значит, это всё-таки Аллан шел до него по подземному туннелю — и собирался напасть на Дракулу с помощью газового баллончика! Интересно, почему не с помощью чеснока, раз уж на то пошло?

Едва сдерживая дрожь, Сэмюел сжал в руке оружие и сделал шаг вперед.

— Я пришел освободить пленника по имени Аллан Фолкнер, — выпалил он на одном дыхании.

Реплика была так себе — как из плохого боевика. Но стражник изумленно оторвал взгляд от своей деревянной скульптуры.

— Что...

— Аллан Фолкнер, — повторил Сэм. — Где он?

У человека была трехдневная рыжая щетина и расплющенный нос с огромной серой бородавкой. Увидев, что Сэм не похож на могучего рыцаря, стражник разразился ругательствами:

— Мать моя рогатая, это еще что за мурваль с обломком деревяшки вместо оружия? Ха-ха!

Будь у него чуть больше времени, Сэмюел сформулировал бы как минимум два удачных ответа: 1) никакой он не мурваль, что бы это ни значило; 2) его обломок деревяшки на пятьсот лет прогрессивнее, чем всё, что этот тип видел в своей жизни. Но Сэм ужасно спешил,

поэтому довольствовался тем, что выстрелил в кувшин. Получилось эффектно: кувшин раскололся на тысячу кусочков, а выстрел прогремел на весь коридор. Вытаращив глаза от ужаса, воин отскочил к стене и выронил нож.

— Да это ж... Это ж черная магия!

— Именно, — подтвердил Сэм. — И если ты меня не слушаешься, я точно так же разнесу вдребезги твою голову. Быстро выпусти Аллана Фолкнера!

— Алла Нафолкнера? — спросил стражник. — Я не понимаю, о чём ты говоришь!

Должно быть, отец назвался не своим именем.

— Он прибыл пять или шесть месяцев назад. Высокого роста, с темными волосами и голубыми глазами.

— А! Сумасшедший! Но... ведь меня убьют, если я выпущу заключенного!

— Ты предпочитаешь умереть немедленно? В какой он камере?

Стражник испуганно посмотрел на одну из дверей.

— Тут только одна занята, и...

Сэмюел поднял оружие и прицелился стражнику в голову.

— До трех считать умеешь?

— Ладно, ладно, открываю. Только опусти эту свою странную кулеврину, я не хочу, чтобы она разорвала мне лицо!

«Это не в моих интересах», — мысленно утешил его Сэм.

Охранник взялся за связку ключей и начал ковыряться в замке.

— Можешь войти, — сказал он, отходя в сторону.

— Сначала ты, — вежливо пропустил его вперед Сэм.

РАЗГОВОР В ТЕМНИЦЕ

В камере стояло страшное зловоние. На полу валялась солома, будто тут держали дикого зверя... Стражник согнувшись вошел внутрь, и Сэм последовал за ним, приставив к его спине дуло браунинга. Света в камере почти не было, и сначала он разглядел только жалкую скрюченную фигуру на полу.

— Папа?

Человек на полу медленно обернулся, и у Сэма оборвалось сердце: перед ним был человек настолько исхудавший, что скулы, казалось, вот-вот разорвут кожу на щеках. Глаза ввалились и были едва видны, а борода и волосы отросли так сильно, что, казалось, перед ним гравюра с изображением Робинзона Крузо. И всё-таки это был его отец...

— Папа? — повторил Сэм.

— Сэ... Сэм... — проговорил дрожащий еле слышный голос.

У Сэмюела внутри будто прорвало плотину.

Горячие слезы покатались по щекам, и мальчик даже не пытался их сдержать. Он плакал бесшумно, от радости и горя, от того, что наконец-то, после стольких испытаний и ужасов, отыскал отца. Отыскал в таком бедственном положении, почти умирающего. Но всё еще живого, живого вопреки всему... Сэм плакал о себе, об Алисии, о дедушке и бабушке, которые остались так далеко и которых он, возможно, больше никогда не увидит. Плакал о маме и о том, как она, должно быть, гордится им сегодня, глядя из своего маленького уголка в раю. У него получилось!

Эта минутная слабость оказалась для Сэма губительна. Стражник, заметив его слезы, резко двинул Сэма локтем в бок. Пистолет взлетел в воздух прежде, чем мальчик успел нажать на курок, и на него тут же навалилось могучее тело стражника. Поскользнувшись на соломе, Сэм еле увернулся от удара кулаком и в последнюю секунду сгруппировался, чтобы не оказаться раздавленным.

— Ну ты у меня получишь, мурваль! — проревел Бородавочник, снова бросаясь на Сэма.

Впрочем, бешеный крик едва вырвался из его глотки и тут же умолк: из темноты возник чей-то силуэт со сложенными впереди руками. Еще один узник... Руки его были закованы в кандалы, незнакомец перекинул их через голову стражника и резко дернул на себя. Стражник попятился как пойманная лошадь, но заключенный крепко держал его. Раздался клекот и стон, потом — долгий вздох, и наконец всё стихло.

— Гад! — проговорил незнакомец. — Ключи, — добавил он, обращаясь к Сэму. — Скорее, пока он не очухался... Там под столом крючок, ключи на нём.

Сэмюел сначала поднял с пола браунинг и только после этого выскочил из камеры за ключами.

Оставив своего спасителя разбираться с оковами, он наконец обнял отца.

— Папа... Папа, это я, Сэм. Я... я так рад!

Ему казалось, он сжимает в объятиях высохшего старика: Аллан потерял не меньше половины веса.

— Сэм-Сэм-Сэм-Сэм, — повторял отец, как заклинание.

— На, попей...

Сэм подошел к ведру, зачерпнул немного воды и плеснул на высохшие отцовские губы. Всё тело Аллана покрывали красные пятна, а от туники остались лишь черные лохмотья, они едва прикрывали выпирающие сквозь кожу ребра. Мешок с костями, да и только.

— Спаси меня, Сэм... Спаси...

— Я здесь, папа, ты слышишь? Я пришел тебя спасти! Мы вернёмся домой!

— Сэм-Сэм-Сэм...

Второй узник, освободившись от оков, опустился на корточки рядом с ними и теперь занимался цепями Аллана. Лет двадцати с небольшим, с резкими чертами и грубовато выточенным лицом. Тюремное заключение сказало на нём не так тяжело, как на его товарище по камере.

— Зря стараешься, дружище. Он уже много дней такой. Боюсь, разум его покинул.

Он протянул Сэму руку.

— Меня зовут Драгомир.

Сэм с радостью пожал протянутую ладонь.

— Вы здесь давно? — спросил он, массируя запястья отца, на которых отпечатались следы от оков.

— Три недели, может, четыре. В застенках быстро теряешь счет времени. Я перевозил перец и шафран, прибывший с Черного моря, и на мой караван напали. Хозяин Брана требует выкуп, чтобы я мог вернуться в семью...

— Хозяин Брана... Вы хотите сказать, господарь Валахии?

Драгомир оскалил зубы, пытаясь изобразить улыбку.

— Колосажатель, да. Ты хорошо осведомлен! Насколько я знаю, это довольно секретная история.

— Что в ней секретного?

— Ну... То, что Колосажатель купил часть замка Бран. Похоже, он очень дорожит этим местом, но не хочет, чтобы кто-нибудь об этом узнал.

— А... — протянул Сэм, не очень-то понимая, о чём речь.

— Конечно, он мог бы просто завоевать его, если бы захотел! Но на войне теряешь людей, к тому же это выдало бы его страстное желание обладать замком. И наверняка вызвало бы любопытство турок и венгров... А выкупив часть Брана, он стал здесь частично хозяином, и об этом никто не знает.

— Что же в Бране такого особенного?

Молодой человек уклончиво пожал плечами.

— Если тебе действительно интересно, пойд и спроси его сам.

— Он... Он сейчас здесь?

— Одно из условий договора с хозяином Брана состоит в том, что господарь Валахии может пользоваться квадратной башней по своему усмотрению. Он вправе являться туда без предупреждения, в любое время дня и ночи, в сопровождении небольшой свиты. Никто не должен знать, что он здесь, и прислуживать ему могут только его собственные люди. Однако, насколько мне известно, в настоящий момент он находится в Валахии — сражается против султана Мехмеда. Что же до хозяина Брана, то он сейчас ведет войну против своих вассалов.

Сэмюел вздохнул свободнее. Так вот почему коридоры замка так пустынно!

— Но если господарь пытается сохранить всё это в тайне, — спросил он, — как вышло, что вы, сидя в тюрьме...

Рассказчик снова раздвинул губы в попытке улыбнуться.

— Нотариус, который заключил договор между хозяином Брана и господарем, сидел здесь под замком уже несколько месяцев. Самый надежный способ обеспечить его молчание. Несколько дней назад с ним случилась легочная лихорадка, и перед смертью он рассказал мне обо всём этом.

Ну конечно: нет свидетелей, нет и следа Влада... Вот почему историкам было так трудно доказать связь Дракулы с замком Бран!

— Если вы не хотите закончить жизнь как нотариус, я бы советовал вам поскорее исчезнуть, — посоветовал Драгомер. — Другие стражники нас вряд ли услышат, но иногда они устраивают обходы.

— Мы уже идем, не беспокойтесь.

Сэмюел подставил отцу плечо, помогая подняться.

— Папа, нам пора.

Аллан робко сделал первый шаг, опираясь на руку сына, затем еще один. Дойдя до стола охраны, он заслонил глаза рукой: огни свечей слепили его.

— Где... где мы? — пробормотал он.

— В тюрьме замка Бран, — ответил Сэм. — Но теперь всё кончено, мы возвращаемся домой.

— Домой... — задумчиво повторил Аллан. — Да-да, домой!

И вдруг добавил, будто только сейчас начал прозревать:

— Сэмюел? Сэмюел, это ты?

Он погладил Сэма по щеке и посмотрел на него с лихорадочным блеском в глазах.

— Сэмюел Фолкнер! Сын Аллана Фолкнера!

— Тише, папа, пожалуйста, нас услышат!

Но отцу было наплевать.

Исполненный радости, он обхватил Сэма изможденными руками и прокричал:

— Он пришел! Мой сын здесь! Сын Аллана и Элайзы Фолкнер!

Сэмюел тоже обнял его, купаясь в забытом ощущении любви и нежности. Когда отец последний раз прижимал его к себе?

— Сэмюел Фолкнер! — распевал Аллан, вне себя от радости. — Сэм-Сэм-Сэм!

Драгомир вернул их на землю:

— Мы не можем задерживаться, это слишком рискованно!

Сэмюел неохотно высвободился из отцовских объятий и повел его к лестнице. Подъем по ней оказался настоящим испытанием, ведь Аллан был так слаб.

— Он здесь... — пробормотал тот, когда они добрались до самого верха. — Я знаю, что он здесь.

— Кто? — спросил Сэм. — Если ты о Владе Цепеше, то он сейчас на войне против турок.

— Влад Цепеш, конечно... — рассеянно пробормотал Аллан. — Это у него он.

— Кто у него, папа?

— Он украл его в Измуте, — продолжал отец. — В юности... Я не забыл!

Драгомир обернулся, приложив палец к губам.

— Потише, папа, — прошептал Сэм. — Поблизости стражники, они нас поймают, и тогда мы не сможем вернуться домой.

Аллан остановился как вкопанный и уставился на сына.

— Я не хочу возвращаться домой, — решительно заявил он. — Я никуда не пойду!

— Ну послушай! — не выдержал Сэм. — Ты что, не понимаешь? Мы умрем, если останемся здесь!

— Лучше умереть, чем уйти без него, слышишь? Лучше умереть!

Сэмюел попытался потянуть отца за руку, но тот с неожиданной силой и упрямством уперся ногами в пол.

— Браслет Мервозера, — ласково проговорил он, будто пытаясь задобрить сына. — Браслет Мервозера — там, в верхней комнате квадратной башни! Нам ничего не стоит им завладеть!

— Мы не будем ничем завладевать, — твердо сказал Сэм. — Мне плевать на все эти дьявольские штучки! Пошли!

Он потащил его за собой, но Аллан бросился на каменный пол и завопил:

— Караул! Караул! Я совершаю побег!

Драгомир набросился на него и зажал рот рукой.

— Если ты немедленно не заткнешься, старый хрыч, я скормлю тебе твой язык!

— Рарарул! Сэршабег! — ревел Аллан.

— Вели ему успокоиться, иначе это плохо кончится, — пригрозил Драгомир.

Сэмюел не понимал, что происходит... Чтобы найти отца, он сражался с медведем и мафиози, пережил извержение вулкана, но вот к тому, что Аллан станет мешать собственному спасению, Сэм был не готов! Шум поднялся такой, что стражники наверняка вот-вот начнут бить тревогу, или же Драгомир в конце концов задушит отца. Что делать?

— Хорошо, хорошо, — вздохнул он. — Папа, послушай... Если ты пообещаешь дождаться меня рядом с тайной лестницей, я пойду и добуду тебе этот твой браслет. Слышишь?

— Какая еще тайная лестница? — глаза Драгомира сверкнули любопытством.

— Мы пришли по туннелю, который заканчивается на мельнице, недалеко от замка. Лаз ведет от мельницы прямо в комнату охраны. Папа, ты ведь помнишь этот лаз, правда? И длинную черную лестницу?

Отец, которому до сих пор зажимали рот, утвердительно кивнул.

— Обещай, что не будешь кричать, — потребовал Сэм. — И тихо посидишь в комнате охраны, пока я не вернусь?

Отец снова кивнул.

— Отпустите его, Драгомир, он больше не будет шуметь.

Молодой человек с неохотой повиновался. Они подняли Аллана на ноги и прислонили к стене, готовые в любую секунду снова вмешаться, если он захочет кричать. Но Аллан как будто бы взял себя в руки.

— Пап, ты можешь сказать, где именно он находится, этот твой браслет?

— В самой верхней комнате, Сэм, в квадратной башне!

— И как он выглядит?

— Это браслет Мервозера, фараона гиксосов! Ты его ни с чем не путаешь!

«Гиксосы...» — подумал Сэм. Сетни тоже говорил о них. Варвары, пришедшие с востока и когда-то завоевавшие Египет... А потом что?

— Вот только... есть одна трудность. Клетка, — добавил Аллан, будто речь шла о незначительной детали.

— Какая еще клетка?

— Ну, он ведь... очень ценный, понимаешь? Поэтому его поместили в клетку, чтобы не украли! Но ее можно открыть с помощью...

Аллан вдруг замолчал и нервно потер лоб, уставившись себе на ноги.

— С помощью чего, пап? — поторопил Сэм.

— Ну... Там, ясное дело, висит большой замок, на клетке. И к тому же...

Он бросил на сына взгляд, выражающий безграничное отчаяние.

— Видишь, что они сделали с моей головой, Сэм, я ничего не помню! Не могу тебе объяснить дальше, вот я болван... Но мы ведь можем пойти туда вдвоем, правда? Мне очень нужен этот браслет, понимаешь? Или я уж лучше умру здесь!

Он снова занервничал, и Сэм испугался, что Драгомир сейчас опять на него набросится. Во что бы то ни стало надо довести отца до тайной лестницы. А там...

— Папа, я же сказал, что пойду и принесу его. Ты мне веришь? Я пришел сюда, чтобы вытащить тебя из тюрьмы, так почему бы не заглянуть еще и в квадратную башню.

— Да, да, сынок, конечно, верю! Ведь иначе ты бы сюда не пришел, правда?

Взглянув на Сэма с бесконечной нежностью, отец неловко наклонился и поцеловал его в щеку.

— Я всегда в тебя верил, мой мальчик!

— Слушайте, не время целоваться-обниматься, — вмешался Драгомир, — хотелось бы всё-таки добраться до этого вашего лаза. И желательно — без отряда стражников, который бросится за нами в погоню.

БРАСЛЕТ МЕРВОЗЕРА

Они разделились на первом уровне круглой башни. Драгомир пообещал, что проводит Аллана до комнаты охраны и побудет с ним, пока не убедится, что тот в безопасности.

— Правда, если явятся стражники, — предупредил он, — вы уж простите, с ними я иметь дело не буду.

Сэм пошел по другому коридору, который, если Драгомир не ошибался, вел прямо в подземелье квадратной башни. В какой-то момент ему пришлось спрятаться за резной колонной с изображением герба Брана, потому что на горизонте показались двое караульных. Они двигались ему навстречу и шутили на тему пира, запланированного на вечер в честь возвращения хозяина замка и его войска. В этом замке, похоже, только и делали, что веселились и бездельничали.

Оказавшись в квадратной башне, Сэм с минуту прислушивался, не доносится ли с лестницы шум. Возможно, раз или два что-то скрипнуло, вырвался через амбразуру поток воздуха, где-то вдали хлопнула дверь, но больше вроде ничего. Сэм решил, что поднимется на самый верх, взглянет на браслет и вообще осмотрится, чтобы потом в подробностях описать всё отцу, а после этого вернется и объяснит, что украсть ничего не сумел. Он делал это не только для того, чтобы доставить отцу удовольствие и убедить его в своей преданности. Мальчик надеялся отыскать в комнате монету с отверстием, необходимую для возвращения домой. Ведь там, где хранится такая драгоценная вещь, могут обнаружиться и другие...

Башня была пуста, как и говорил Драгомир. Никто из воинов Брана, похоже, не решался сюда заглядывать из страха перед Колосажателем. На второй лестничной площадке Сэм увидел через окошко с толстым стеклом нечто вроде гостиной с красной обивкой на стенах и черными деревянными сундуками. Он поднялся еще на три этажа, после чего ступеньки стали уже, так что нога уже не умещалась

на них полностью. Сама лестница сделалась такой тесной, что Сэм сквозь льняную ткань туники чувствовал холод, исходящий от каменных стен. Еще десяток ступенек, и он оказался перед укрепленной железными гвоздями дверью, справа и слева от которой угрожающе нависали две алебарды с зубчатыми лезвиями. Круглая дверная ручка имела форму свернувшейся в клубок змеи, укусившей себя за хвост, и Сэм не сразу решился ее повернуть. Если предмет, которого так страстно желают, действительно находится там, не может быть, чтобы дверь просто взяла и открылась. И тем не менее, стоило Сэмюелу совсем чуть-чуть надавить на глотку животного, как тяжелая дверь с легкостью отворилась... Магия!

Сэмюел застыл на пороге. Комната оказалась прямоугольной и открытой всем ветрам. В стенах были прорезаны большие окна, они выходили на долину и лес, и из них открывалась потрясающая панорама, почти круговая. Целое море высоких мрачных сосен, серые скалы, разноцветные крыши близлежащих крестьянских домов, небо, до которого чуть ли не рукой можно дотянуться... В комнате под каждым окном стояло по черной скамейке с ножками в форме лап животных. Сиденье покрывала ярко-красная ткань, расшитая львами или грифонами, которых побеждают рыцари в доспехах. Между окнами высились колонны слоновой кости, украшенные немислимым числом маленьких гримасничающих лиц. Может, это жертвы Влада Цепеша, подумалось Сэму.

В остальном странный зал был пуст, если не считать постамента в центре комнаты, на котором стояла клетка из кованого железа. Сэмюел подошел поближе, чтобы лучше ее рассмотреть, и тут заметил, что наддверным проемом поднята решетка с острыми зубьями. Странно, что ее не используют для охраны комнаты...

Клетка представляла собой куб высотой примерно в пятьдесят сантиметров. Ее прутья, изображавшие, видимо, адское пламя, были такими частыми, что почти сливались друг с другом. Внутри клетка была любопытнейшим образом оформлена — она точь-в-точь повторяла саму комнату и представляла собой ее миниатюрную копию: окна с деревянными рамами в тон стен, колонны из слоновой кости, макеты черных скамеек с красными подушечками... А в центре, на серебристой подставке, дотянуться до которой сквозь прутья клетки было невозможно, сверкал противоестественным блеском браслет

Мервозера — настолько яркий, что казался живым. Впрочем, форма у браслета, сделанного из чистого золота, была совершенно обыкновенная, круглая. Сэм разглядел также небольшой замочек-крючок, несколько нехитрых насечек и...

Тут он в одно мгновение осознал, что перед ним. На пластине браслета было вырезано простейшее изображение солнца с шестью лучами... Браслет Мервозера был не чем иным, как вторым Золотым обручем, о котором говорил Сетни, обладавший подлинником. Один из двух предметов, которые позволяют перемещаться куда угодно во времени, если присоединить к ним семь монет!

Разрозненные кусочки пазла вдруг соединились. Мервозер — это царь гиксосов, завоевавший Египет и завладевший сокровищем Имхотепа, а потом по непонятной причине создавший копию Золотого обруча, который и без того принадлежал ему.

Сэм вдруг понял, что именно о браслете шла речь в папиной заметке в конце блокнота:

Merwoser = 0
Calafe Al-Hakim, 1010
\$1000 000!
Xerxes, 484 г. дон. э.
Level One — начало
V. = 0
Izmit, примерно 1400
Ispahan, 1386

«Мервозер = 0», должно быть, означало, что царь гиксосов первым придумал обруч. «0» могло символизировать само слово «обруч», а могло отображать форму браслета. Дальше Золотой обруч, видимо, стал менять владельцев («Ксеркс», «Халиф Аль-Хаким») и всплывать в разных местах, например в Исфахане. А затем он попал в лапы Влада Цепеша, своего последнего владельца: «V. = 0». Влад Цепеш, если верить словам Аллана, украл браслет в городе Измит. Книжный торговец из Сент-Мэри просчитал все эти этапы и проследил путь Золотого обруча вплоть до замка Бран, надеясь, вероятно, получить за драгоценность не меньше миллиона долларов!

Сэм попытался просунуть пальцы сквозь металлические языки пламени, но клетка была спроектирована так, что ни до одного

предмета внутри дотронуться было невозможно. «Некоторые люди от желания завладеть им сходили сума», — предупреждал Сетни. Неужели Аллан стал одним из этих несчастных? Сэмюел вынужден был признать, что браслет в самом деле выглядит привлекательно, особенно если представить себе безграничность его могущества. Вот только зачем он Владу Цепешу? И к чему выставлять это чудо без охраны на вершине башни?

Сэмюел стал изучать клетку. Основание охватывали железные челюсти толщиной десять сантиметров, не позволявшие ее открыть. Челюсти запирались большим замком, о котором Сэмюелу говорил отец. Замок состоял из четырех бочонков, плотно прижатых друг к другу, на которых были выгравированы цифры, а справа имелся рычаг. Принцип устройства был элементарный: набираешь правильную комбинацию цифр, поворачиваешь рычаг, и браслет — твой. Берите-берите, не благодарите! Сэм крутанул один из бочонков: 1-2-3-4-5-6-7-8-9-0. Или, другими словами, 9999 вариантов комбинаций. Неужели стражники Брана не попытались счастья? То ли были совсем не азартны, то ли чего-то боялись...

Сэмюел изучил подставку, на которой стояла клетка, — нечто вроде шеста из плотно сваренных друг с другом металлических крестиков. Внутри шеста имелась цепь, уходившая куда-то в пол. Это означало, что замок не только отпирал клетку, но и запускал в действие какой-то механизм... Сэм подошел к ближайшему окну и выглянул во двор. Один стражник шагал туда-сюда, лениво неся караул, а второй сидел на бочке и что-то пил из кувшина. Похоже, никого не беспокоила ни квадратная башня, ни ее легендарное сокровище. Оглядев оконную раму, Сэм понял причину безмятежности стражников: сверху, над окном, в стене были спрятаны острия решетки...

«Итак, подытожим, — сказал он себе. — Если посетитель вводит правильную комбинацию цифр, он срывает джек-пот... А если комбинация неправильная, запускается механизм, который в ту же секунду опускает все решетки. Комната разом превращается в клетку — увеличенную версию той, в которой хранится браслет Мервозера. Какое коварство!»

Этого, конечно, довольно, чтобы умерить любопытство воинов Брана, тем более что после этого их, вероятнее всего, ожидает личная встреча с Дракулой!

У Сэмюела было уже достаточно информации, чтобы нарисовать отцу убедительную картину. Конечно, тот согласится, что Сэм принял единственное верное решение: воздержаться от неоправданного риска. Он еще на мгновение замер перед Золотым обручем и задумался: действительно ли такой удивительный предмет может стоить миллион долларов? Безупречность формы, почти сверхъестественное сияние, нарочитая простота оформления — неужели всему этому в самом деле есть цена? Подумать только: ведь, зная всего четыре цифры, ею можно было бы завладеть... Четыре несчастных цифры — какая, в сущности, ерунда!

Сэм тряхнул головой, пытаясь прогнать тихий голос, который продолжал нашептывать ему: «Некоторые люди от желания завладеть им сходили с ума». Но у мальчика, кажется, появилась идея... Чтобы обнаружить Золотой обруч в верхней комнате замка Бран, Аллану наверняка пришлось перелопатить колоссальную гору информации. Ведь он не только обнаружил браслет, но еще и узнал о существовании клетки и замка. А зная об их существовании, разве стал бы он пробираться на территорию ужасного господаря, не узнав заранее правильной комбинации? Трудно себе такое вообразить... К тому же оказалось, что повсюду на своем пути он оставлял подсказки для сына. Например, вручил старому соседу Максу монету со змеей... Нацарапал на стене камеры зов о помощи... Потом — черный блокнот, который окончательно убедил Сэма в том, что искать нужно именно в замке Бран. Черный блокнот, ну конечно! Тот самый, в котором почти не осталось страниц, а к задней обложке приклеен листок с записью. Отец просто забыл там этот листок — или в очередной раз оставил подсказку? Сэмюел всё больше склонялся ко второй версии. Иначе с чего бы отцу прятать блокнот на полке с книгами по истории, куда, как он надеялся, его сын рано или поздно полезет?

Сэмюел во всех подробностях восстановил в памяти загадочную бумажку:

Merwoser = 0
Calafe Al-Nakim, 1010
\$1000 000!
Xerxes, 484 г. дон. э.
Level One — начало
V. = 0

Izmit, примерно 1400
Ispahan, 1386

Что если это шифр? Такой, который Сэм мог бы разгадать, а любой другой, менее осведомленный человек принял бы за непонятную абракадабру?

Да, надо исходить из того, что это шифр. В конце концов он должен сложиться в четыре цифры кода... Правда, в списке было восемь строчек и множество чисел. Даты, расставленные не по порядку. За точку отправления логично было бы считать Мервозера, который жил за одну или две тысячи лет до нашей эры... Но дальше мы вдруг переходим к Аль-Хакиму в 1010-м, потом — к Ксерксу в 484-м, дальше — 1400 и наконец — 1386... Похоже, Аллану было мало дела до хронологии. Может, он нарочно всё перепутал? Раз уж мы решили предположить, что речь идет о шифре... Может, надо просто расставить события в правильном порядке? Но тогда у нас просто получится другая последовательность слов и чисел, тоже не слишком осмысленная.

А пятая строчка? Только в ней одной не было ни имен, ни дат, ни баснословных сумм в долларах. «Level One — начало»... Начало чего? Запуска механизма клетки? Дорог времени? Level One («Уровень 1») — начало в любой компьютерной игре, это Сэм прекрасно знает. Уровень 1 в существовании Золотого обруча — Мервозер, это ясно. Ну а дальше? Что если... Что если «Level One — начало» означает, что важна только первая буква в каждой строке?..

Сэмюел поискал глазами, чем бы записать. Пол комнаты был покрыт тонким слоем пыли. Он нагнулся и накарябал пальцем:

MC\$XLVII

Это не было похоже на комбинацию из четырех цифр, но что-то подсказывало Сэму, что он на верном пути. Для начала надо заменить знак \$ на D — доллар:

MCDXLVII

Ну конечно! В то время, когда Сэм еще не переехал жить к бабушке, они с папой часто вместе смотрели фильмы. В конце заглавных титров на экране часто появлялись такие странные буквы, и Аллан придумал игру — просил сына их расшифровать. В первый раз

— Сэму было тогда, наверное, лет десять — отец объяснил ему, что эти буквы — М, С, L, X, I и так далее — на самом деле римские цифры, которыми кинопроизводители в начале двадцатого века обозначали год выпуска. Таким образом они сбивали с толку зрителей, которые не очень хорошо умели расшифровывать римские числа, и подсовывали им под видом новинок комедии и вестерны, снятые лет пять или десять назад. А потом это просто стало традицией...

Аллан прочитал сыну небольшую лекцию о значении каждой буквы: М = 1000; D = 500; С = 100 и так далее — и о том, как составлять из них большие числа. Общий принцип заключался в том, чтобы прибавлять следующую букву к предыдущей, если она меньше или равна ей, (например, МС = М+С = 1000 +100 = 1100) и вычитать меньшую из большей, если она стоит перед ней, (например, СМ = М-С = 1000-100 = 900). Так что, используя для шифра этот вид записи чисел, Аллан мог не сомневаться, что его сын во всём разберется...

Сэмюелу и в самом деле ничего не стоило перевести «MCDXLVII» в обычные (арабские) цифры: (М = 1000) + (CD = 500–100 = 400) + (XL = 50–10 = 40) + (VII = 5+14-1=7). Равно 1447. Четыре цифры, которые и требуются для открытия замка!

Сэмюел вернулся к клетке. 1447. Достаточно просто ввести номер, и Золотой обруч — его!

«А что если со временем комбинация изменилась?» — спросил всё тот же тревожный голос у него в голове.

«А что если Дракула воспользуется браслетом Мервозера?» — ответил он сам себе. К какой немыслимой катастрофе это приведет? Кровожадный безумец, заброшенный в какую угодно точку истории... Да речь ведь идет о безопасности всего человечества! К тому же, раз отец так верил в сына, разве сам он не в состоянии довериться отцу?

Он коснулся первого бочонка и установил на нём цифру 1, на втором — 4, потом — еще одну 4 и, наконец, на последнем — 7. Руки вспотели, в висках отдавался бешеный стук сердца. Если он ошибся — или если ошибся отец, — механизм цепей запустится, и комната-клетка захлопнется. Весь замок встанет на уши, и уже ничто не сможет его спасти. Но если он всё-таки угадал... Что ж, остается это проверить...

Сэм осторожно потянул за рычаг, тот поддался не сразу, но потом скользнул до самого низа. Сначала ровным счетом ничего не

произошло, но через секунду железная челюсть глухо щелкнула и разжалась. Раздался протяжный скрип, и верхняя часть клетки сама собой распахнулась. Невероятно! Волшебство! Чудо! Браслет — его!

Сэм протянул руку, осторожно взял украшение и положил на ладонь. Вблизи оно оказалось еще прекраснее: браслет распространял вокруг не только удивительное свечение, но еще и какое-то особое тепло — совсем как диски бога Ра. Это было похоже на волшебный сон — даже лучше, чем сон! А ведь он не спал, он в самом деле держал в руке второй Золотой обруч! Теперь он так же могуществен, как Сетни!

— Поздравляю, — произнес чей-то голос у Сэма за спиной...

СЭМ-ВОЛШЕБНИК

Сэм резко обернулся, схватившись за карман. Обернулся и тут же замер: он узнал силуэт, стоящий в дверном проеме. Ему не избежать смерти, и пистолета из кармана выхватить не успеет... Исследуя биографию Влада Цепеша, он много раз натыкался на портреты господаря и сейчас был совершенно уверен в том, кто перед ним: коренастый, с длинными кудрявыми волосами и пышными усами, могучим носом и выдающимся подбородком, и два зеленых кошачьих глаза светятся коварством... На господаре была красная шапка, расшитая жемчугом, и черная меховая куртка, надетая поверх красного просторного платья. Но главное — он целился в Сэма из арбалета...

— Так значит, чужестранец не окончательно выжил из ума, — проговорил тот с притворной приветливостью. — Он всё твердил, что кто-то придет.

Сэмюел крепко сжимал в руке Золотой обруч и стоял неподвижно. Он прекрасно понимал: этот человек не позволит ему покинуть замок живым, что бы он ни говорил и что бы ни делал. Значит, нужно придумывать какой-то другой выход.

— Я не ожидал, что придет кто-то настолько юный, — продолжал Дракула, покачивая оружием. — Почти ребенок. Да еще и в крестьянской одежде... Если, конечно, ты не простой воришка, которому вдруг крупно повезло?

— Я его сын, — спокойно произнес Сэм.

— Его сын, правда? И как же ты сюда попал?

Сэмюел понимал, что действовать следует осторожно. Какая-нибудь правдоподобная история ему вряд ли поможет: Влад просто возьмет и на месте проткнет его стрелой. Тут нужно было нечто такое, что впечатлило бы господаря. Заинтриговало бы его...

— Я путешествую где пожелаю, — произнес мальчик. — И стены мне не преграда.

Тут бы Владу рассмеяться Сэму в лицо, но вместо этого он посмотрел на него еще пристальнее.

— О твоём отце этого не скажешь. Он неделю за неделей гниет в темнице...

— Да, мой отец не такой.

— Кто назвал тебе знаки, открывающие клетку?

— Я знаю вещи, которых не знают другие, — сказал Сэм и внутри весь сжался от страха.

— Какие такие вещи?

Сэмюел много всего прочитал о Дракуле — только бы не промахнуться с фактом.

— Например, я знаю, что у вас на груди есть клеймо. Секретная метка, которую ставят мальчикам в вашей семье в день, когда они восходят на трон, в подтверждение принадлежности к роду. В вашем случае это изображение дракона.

Господарь помедлил с ответом:

— Коронация была давно, с тех пор дракона могли увидеть двадцать куртизанок из моей свиты. Кто угодно мог передать тебе эту информацию — да хотя бы мои жены!

И всё-таки Сэм чувствовал, что выстрел пришелся в точку. По крайней мере, он очень на это надеялся.

— Еще я знаю, что вы украли этот браслет в городе Измит, — продолжал он. — В 1447 году...

Это был рискованный шаг, но ведь Влад назначил это число шифром, открывающим клетку, а значит, для него оно было связано с чем-то важным. Может, как раз с драгоценностью?

— Измит, — задумчиво повторил тот. — Об Измите тебе мог рассказать только один человек. И именно его я ожидал увидеть сегодня. Клугг...

Клугг? Алхимик из Брюгге! Тот самый, который проводил эксперименты с Камнем, надеясь добыть с его помощью золото! Тот, на кого Сэм наткнулся в средневековой алхимической лаборатории перед тем, как вернуться в свою эпоху!

— Мы с ним однажды встречались, — кивнул Сэм. — Алхимик.

— Да, алхимик, и моему отцу следовало бы перерезать ему глотку во время первой же аудиенции! Он вызвался стать учителем мне и

моему старшему брату. Мне было тогда семь лет... Он утверждал, что научит нас латыни и манерам западного двора!

Сэмюел быстро посчитал: Дракула родился примерно в 1428 году, а Сэм попал в Брюгге в 1430-м. Выходит, алхимик отправился в Румынию через пять или шесть лет после их встречи, несомненно для того, чтобы продолжить там изучение Камня... Всё сходится.

— Но на самом деле, — продолжал господарь оскорбленным тоном, — ему нужен был лишь предлог, чтобы проникнуть в замок Бран. Мы в то время жили в Трансильвании, и наш отец открыл для Клугга все двери. Он уходил поздно ночью, а возвращался иногда только через неделю. Возвращался всегда с недовольным видом и дурно обращался с нами. Однажды вечером он выпил слишком много валахского вина и рассказал мне, что у турок есть такой браслет, которому нет цены и который позволяет перемещаться по свету со скоростью молнии. И что, если использовать этот браслет в одном тайном месте в Бране, можно будет обнаружить сокровище из сокровищ — каменное кольцо, которое открывает своему обладателю тайну вечной жизни. Он утверждал, что браслет находится в одном из дворцов султана, в Измите. Сначала я решил, что он пьян и несет околесицу, но дальнейшие события доказали, что я ошибался.

Дракула смотрел на Сэма, но в действительности его не видел. Казалось, он рассказывает историю, которая лежит у него на сердце тяжелым грузом и которой ему редко доводится с кем-то поделиться. Значит, когда он договорит, у него будет еще одна причина избавиться от Сэма...

— В последующие годы, — продолжал господарь, — Клугг посоветовал моему отцу сблизиться с турками. Конечно, ведь он надеялся заполучить браслет... Вот тут-то и начались неприятности. На нас напали венгры, и султан тут же нас предал. Меня в качестве заложника отправили в его страну, а спустя некоторое время венгры убили моего отца. И всё из-за этого подлеца Клугга...

Рукой, свободной от арбалета, Дракула провел по усам, похожим на хвост черной пантеры.

— Я прожил у турок около четырех лет. Это очень деликатный народ, но в случае необходимости они способны применить силу. Я многому у них научился и, пользуясь случаем, навел справки об Измите. Я с изумлением узнал о том, что браслет действительно

существует и в самом деле обладает волшебными свойствами. Хотя никто уже не помнил, какими именно, поскольку украшение попало на исламские земли много веков назад. Во время последнего года плена, в 1447, мне удалось завладеть браслетом так, чтобы султан ничего не заподозрил. Кстати, положи-ка его обратно в клетку...

Сэмюелу показалось, что его просят отрезать себе палец, но выбора не было: он осторожно положил украшение обратно на серебряное основание.

— Вот и хорошо. А теперь отойди немного назад, я еще не всё объяснил. Все десять лет, что я пытался вернуть себе Валахию, я расспрашивал ведунов и провидцев о волшебных свойствах браслета. Никто из них так и не рассказал мне этого, так же как никто не объяснил мне, что это за место в замке Бран, где его можно использовать. Из этого я вывел, что необходимым знанием обладает один только Клугг. Но вот минуло много лет, и бешеный пес бесследно пропал... В тот день, когда я снова обрел титул господаря, я решил заманить его сюда, чтобы выведать тайну и затем избавиться от него... Многие месяцы пытался я договориться с хозяином Брана, приобрести право пользования квадратной башней и построить в ней верхнюю комнату. Я надеялся, что Клугг не преминет попасться в мою ловушку, но вместо него явился твой отец...

Хищная ухмылка приподняла его усы и обнаружила выступающие клыки.

— Несчастный недоумок, скажу я тебе, глупый и упрямый. Отказывался говорить, и я его чуть не заколол. Но я понимал, что мертвым он мне уж точно не поможет. Казалось бы, несколько месяцев в смрадной дыре в компании крыс должны были развязать ему язык... А потом меня опять отвлекли государственные дела, как обычно! Ведь если не участвуешь в войне, к войне готовишься, верно? Султан вбил себе в голову, что Валахия должна ему дань за три года, а сверх того потребовал пятьсот человек в доказательство моей верности... Так почему бы уж тогда вообще не всех сынов Валахии? Его посол должен вот-вот явиться на переговоры, и мне вздумалось заглянуть сюда, прежде чем принимать решение. И смотри-ка, какая птичка залетела в клетку!

Он сделал шаг вперед, прижав арбалет к груди и нацелив стрелу прямо в сердце Сэма.

— Я хорошо знаком со смертью, мой мальчик, я дарил ее сотни раз и тысячи раз видел, как она забирает мужчин и женщин. Это прелюбопытное зрелище... Но, знаешь, сколько бы я в нее ни вглядывался, в конце она всегда разочаровывает. Дело в том, что я не хочу, чтобы однажды она пришла за мной, понимаешь? Никогда! Вот почему мне так нужно это кольцо, которое дарит бессмертие... И вот почему мне так нужен Клугг. Если ты откажешься мне рассказать, где он прячется, я для начала займусь твоим отцом. Отрежу ему уши, затем нос, губы — и брошу всё это свиньям. А потом...

— Я уже освободил отца, — перебил его Сэм, не в силах слушать этот кровавый перечень.

— Значит, ты не намного хитрее его, — расхохотался господарь. — Думаю, Драгомир обвел тебя вокруг пальца, чтобы ты и его освободил?

— Драгомир освобожден, да...

От хохота из глаз Колосажателя брызнули слезы.

— Драгомир — мой ближайший советник, несчастный ты простак! Думаешь, ты бы сам пробрался сюда с помощью своих глупых хитростей? Да будет тебе известно, что браслет сегодня утром вдруг начал светиться, и я понял: что-то грядет! Я ослабил охрану и приставил к твоему отцу Драгомира — на случай, если Клугг попытается к нему подобраться... Я пока не знаю, каким образом ты проник в замок, но Драгомир мне скоро расскажет!

Сэмюел пытался осознать услышанное. Драгомир — обманщик! А Сэм-то послал Аллана вместе с ним к секретной лестнице, о существовании которой Влад, похоже, даже не догадывался. Отправил отца прямо в лапы врагу!

— Похоже, наш юный маг растерял свое могущество! — с издевкой в голосе воскликнул Дракула. — Ты в ловушке, маленький проныра... Говори, где Клугг, или я пристрелю тебя...

— Клугг вернулся в Брюгге, — наудачу бросил Сэм.

— Тем хуже для тебя... Если не расскажешь, что нужно сделать с браслетом, чтобы получить кольцо, я тебя убью.

Господарь уже натянул стрелу, но Сэм не собирался рассказывать ему ничего про Камень — тем более что историю про кольцо вечной жизни Клугг, похоже, выдумал сам. Удивительно, но вопреки страху, сжимавшему сердце, Сэму удавалось сохранять ощущение

собственного достоинства, будто браслет одним своим присутствием придавал ему отваги. Сэмюел понимал, что выход остается всего один...

— Если я сейчас погибну, — начал он, отчетливо выговаривая каждый слог, — вы слишком поздно узнаете о реальных намерениях султана и его посла...

Палец господаря, лежавший на спусковом рычаге арбалета, дрогнул.

— Что ты там опять придумал?

— Я уже говорил вам, что мне известны некоторые вещи... У меня в кармане лежит предмет, который позволяет мне задавать вопросы про будущее. Если вы пообещаете выпустить нас с отцом из замка, я отвечу на ваши вопросы о том, что вас ждет.

— А если я не сдержу обещания?

— Почему бы не рискнуть? Ну а вам опасаться вообще нечего. Я в вашей власти, браслет — в клетке... Одно ваше слово — и я уже никуда не уйду.

— Ладно, обещаю, — лукаво сказал Влад, даже не пытаясь скрыть своего коварства. — Ну и что же, по-твоему, замышляет султан?

— Я должен прибегнуть к помощи цилиндра, если позволите...

С большой осторожностью Сэмюел достал из кармана газовый баллончик — форма браунинга могла показаться Колосажателю подозрительной.

— Это еще что за дьявольская штучка?

— Тот самый волшебный предмет, о котором я говорил.

— Предупреждаю: если ты попытаешься бросить его в меня...

Атмосфера в комнате накалилась до предела. Влад снова поставил палец на спусковой рычаг арбалета, готовый в любую секунду пустить стрелу в сердце Сэма.

— Что там за странные надписи? — нервно спросил он.

На баллончике была этикетка на английском: *СУПЕРСЛЕЗА. Газовое оружие самообороны, 20 % CS(хлорбензальмалондинитрил). И ниже: Дальность эффекта 1,5–3 метра.*

«В самый раз!» — мысленно порадовался Сэм.

— Это заклинания, необходимые для того, чтобы вступить в контакт с цилиндром, — объяснил он. — Мне нужно для начала снять с него крышку и...

— Не смей мне лгать, шкуру спущу!

Сэмюел осторожно снял колпачок. Нужно было вести себя так, чтобы собеседник ему поверил...

— Хлор-бен-заль-ма-лон-дини-трил, — начал тихо распевать он. — Хлор-бен-заль-ма-лон-дини-трил...

— Ну? — поторопил его Влад, полунасмешливо, полутревожно.

— Цилиндр говорит, что султан готовит вам ловушку, — объявил Сэмюел, который в самом деле читал о таком эпизоде в биографии Влада. — Согласно традиции господарь должен проводить посла до границы, не так ли? Так вот, турки ждут вас там, чтобы схватить...

— Вот подлец! — вскричал Колосажатель. — Заговор! А дальше? Что будет дальше?

— А дальше всё будет зависеть от вас... Если вы разместите поблизости своих людей...

— Конечно! Мы нападём на них прежде, чем они успеют помолиться своему богу! Может, твой инструмент знает еще и средство, как раз и навсегда покончить с турками?

Сэмюел снова пристально взгляделся в баллончик, повторяя загробным голосом: «Хлор-бен-заль-ма-лон-дини-трил». В самой нижней части этикетки была приписка относительно мер предосторожности: *Внимание! Этот парализующий газ поражает нервные окончания! Беречь от детей! Вызывает временную потерю зрения, ожоги и нарушение координации движений!* Интересно, а на вампиров газ действует?

— Цилиндр говорит, что, переодевшись в турецкое платье, вы сможете ночью незаметно проникнуть в их лагерь. Ведь вы, кажется, говорите на турецком? Вам не составит труда отыскать шатер их предводителя...

Всё это тоже было правдой, за исключением того, что во время дерзкой вылазки Колосажатель ошибся шатром и убил визиря, а не самого султана!

— Блестящая идея, — проговорил Влад. — Конечно: переодеться и пробраться к ним среди ночи! Вот только как же это твой цилиндр предсказывает такое? И как передает тебе слова?

— Это волшебный предмет, я больше ничего не могу объяснить. А передает слова он очень тихо, еле слышно...

— Ага... — протянул господарь. Казалось, он настроен уже не так скептически. — А если мне удастся избавиться от султана, значит, у меня больше не останется врагов, правильно? И мое правление будет долгим? Двадцать лет? Тридцать? Вечность?

«Шесть лет, мой дорогой, ни годом больше, — мысленно ответил Сэм. — Но так я тебе и рассказал!»

— Хлор-бен-заль-ма-лон-дини-трил, — покорно стал он приговаривать. — Хлор-бен-заль-ма-лон-дини-трил...

— Ну и заодно спроси, — разохотившись, воскликнул Колосажатель, — насколько расширятся мои владения.

Сэмюел замер, будто цилиндр поведал ему что-то неприятное.

— Ну? — поторопил его Влад.

— Цилиндр полагает, что кто-то из вашего окружения планирует завладеть тронем.

— Что?! — взорвался Дракула. — Кто-то из моего окружения? Кто?

Сэмюел никогда еще не был так рад хорошо выученному уроку по истории! По правде говоря, речь шла о младшем брате господаря Раду, которого тоже вырастили в Турции и который в конце концов отнял у брата корону в 1462 году.

— Похоже, это кто-то из вашей семьи, — решился Сэм. — Но имя звучит неразборчиво... Может, вы сами изволите послушать?

Он вытянул руку с баллончиком в направлении Влада, и тот, страстно желая узнать имя предателя, нагнулся вперед, так что острие стрелы было теперь направлено в потолок, а не в Сэма.

«Теперь или никогда», — подбодрил себя Сэм.

Он изо всех сил надавил на кнопку пульверизатора... Пш-ш-ш-ш-ш! Из баллончика вырвалось облако газа, которое при соприкосновении с воздухом стало сжижаться и осело на лице господаря чем-то вроде красноватого геля.

— Ах ты...

Он не успел произнести ругательство... Стрела из арбалета пронзила воздух и пролетела в двух шагах от Сэма. Тот бросился к клетке, пока Дракула вопил, держась за лицо:

— Демон! Демон! Стража, ко мне!

Сэм схватил браслет с подставки и ринулся к выходу, прикрывая глаза от едкого облака.

— Я горю! — орал Влад Цепеш, мечась по комнате. — Стража, он убил меня! В квадратную башню!

Сэм захлопнул за собой дверь и поискал чем бы ее подпереть. Схватил одну из алебард, украшавших вход, и просунул ее в круглую дверную ручку, блокировав выход. На некоторое время это задержит господаря... Теперь оставалось только найти Аллана!

ПРАВДА ОБ АЛЛАНЕ ФОЛКНЕРЕ

Сэмюел махом перелетел через последнюю ступеньку лестницы. Воины уже мчались к башне, и надо было спешить. Куда Драгомир мог отвести отца? Если верить словам Влада, он и его люди не знали о существовании подземного перехода. Хозяин Брана, может, был и не против за кругленькую сумму принимать у себя в замке невоспитанных гостей, но раскрывать им свои маленькие секреты, благодаря которым в один прекрасный день можно захватить замок... Немудрено, что Драгомир так заинтересовался, когда услышал про подземный ход! Значит, сначала они с Алланом наверняка направились в оружейный зал, как и было условлено. Отодвинули шкаф, открыли проход, и что дальше? В лучшем случае Драгомир полез туда один, чтобы узнать, куда ведет туннель, это дало бы Сэму время предупредить отца. Но в худшем...

— В квадратной башне его нет, — проорал стражник. — Общайте весь замок, до самого подземелья!

Сэм укрылся за столбом с гербами Брана. Убрал в карман газовый баллончик и достал браунинг, предварительно тщательно спрятав браслет Мервозера как можно глубже в карман. Можно ли вернуться в свою эпоху с помощью одного только Золотого обруча? Надежда только на это...

Он дождался, пока стража удалится в направлении кухни, и выбрался из укрытия. В ту же секунду из двери, спрятанной за гобеленом, появился еще один воин. Заметив чужака, он замахнулся копьем, но замешкался, увидев странную крошечную пушку, которой взмахнул Сэм. Тот прицелился врагу в голову — как делал всегда, когда играл в шутеры. Воину было лет двадцать, белобрысый, лицо почти детское. Сэм уже почти выстрелил, но в последнюю секунду у него перед глазами, заслоняя лицо молодого человека, пронеслись мысленные картинки: вывеска «Бакалейная лавка Фолкнера» в Чикаго, машина, припаркованная на бульваре Цицерона, тип в полосатом

костюме с сигаретой в зубах, Джеймс Адам, приготовившийся выстрелить... Не повторять тех же ошибок... Не обрекать себя на страдания, на которые обрек себя его прадед... Жизнь, всегда сохранять жизнь! Сэм немного развернул руку, и пуля с оглушительным грохотом разнесла стеклянный фонарь. Воин не стал дожидаться продолжения и стремглав бросился прочь.

Сэмюел стер капли пота, выступившие на лбу, и побежал по коридору, ведущему в круглую башню. Серый камень, запах плесени, эхо собственных торопливых шагов, которое разносилось, казалось, по всему замку... К счастью, комната охраны была пуста. Видимо, это последнее место, где страже пришлось в голову искать беглеца. Даже огонь здесь всё так же горел, и кусок мяса всё так же жарился, точнее, уже обугливался.

— Папа? — шепотом позвал Сэм.

Ответа не последовало. Может, Драгомир отвел его обратно в камеру? Сэмюел крадучись пошел через зал и тут заметил металлический блеск на пороге оружейной. Он едва увернулся от топора, обрушившегося на землю в нескольких сантиметрах от него.

— Папа?

Из-за двери появился Аллан, дико озираясь вокруг и словно не понимая, что в его руке делает топор.

— Папа, это я, Сэм!

— Сэ... Сэм... — пролепетал он, заикаясь и словно не веря собственным глазам.

— Где Драгомир?

Аллан кивнул куда-то назад. Драгомир лежал на полу у приоткрытого входа в секретный лаз. В двух метрах от него валялся и подающий надежды певец-стражник.

— Он не был узником, — просипел отец. — Нет... Он говорил, что я сумасшедший, но я не сумасшедший! Это я был заключенным, а не он!

Если бы у них было побольше времени, Сэм бросился бы отцу на шею.

— Папа, нужно отодвинуть шкаф, стражники вот-вот будут здесь!

В итоге Сэмюел стал двигать мебель в одиночку, а отец, вместо того чтобы помогать ему, склонился над охранником.

— Если ты посмеешь встать — пиф-паф! — предупредил он лежавшего на полу и истерично расхохотался.

— Папа, пожалуйста, тихо! Нам надо уходить!

Смех Аллана вдруг резко оборвался.

— Он у тебя? — спросил он четко и громко. — Без него я отсюда не уйду, ты это знаешь!

— Конечно, он у меня, давай скорее, говорю же!

— Покажи!

Чтобы не терять время на споры, Сэм порылся в кармане и сунул браслет Мервозера под нос отцу.

— Вот он, доволен? Пошли скорее, они будут здесь с минуты на минуту!

Вид драгоценности оказал на Аллана поразительное, почти гипнотическое действие. Он еще больше ссутулился и окончательно умолк. Сэм воспользовался этим, чтобы подтолкнуть его к туннелю.

— Нам нужен свет, — вдруг спохватился мальчик. — Подожди секунду.

Он вернулся в комнату охраны и открепил от стены первый факел, до которого смог дотянуться. По лестнице поднимались стражники.

— Григор их увидел бы, — сказал один из них. — Он там мясо жарил... Ну и запах! Григор?

В дверях возникла голова в шлеме, и Сэм недолго думая выхватил из кармана баллончик и швырнул в огонь. Ведь что-нибудь из ее адского состава должно рвануть, правда? Хлор-бен-заль-ма-лон-динитрил!

— Тревога! — завопил стражник. — Все в караульную!

Сэмюел бросился в темный туннель и потащил за собой отца:

— Скорее!

Они нырнули за шкаф, и в эту самую секунду за спиной у них раздалось мощное: ШАРА-АХ! Сэм принялся двигать дверь, а тем временем стены вокруг затряслись, в воздухе поднялось облако тошнотворной пыли, а сзади понеслись безумные крики. Сочувствовать контуженным времени не было... Подставив отцу плечо, Сэм начал как можно скорее спускаться. Аллан позволял себя вести, механически передвигая ногами и опираясь о каменную стену. На середине спуска он словно очнулся от страшного сна:

— Сэм? Что... что происходит?

— Мы уходим из замка Бран, папа. Бран, помнишь?

— Да-да, Бран, секретный проход. Клугг...

— Клугг? Ты знаешь Клугга?

— Влад Цепеш всё время повторял его имя... Но я не знаю, кто это такой. Хоть ты-то мне веришь, Сэм?

— Конечно верю, папа.

— Клугг, говорил он, Клугг! Клугг, Клугг, Клугг... А потом запер меня. Я очень хотел есть, замерзал, меня били... О да, очень часто били... Ну и долго же я там пробыл... Чертову прорву времени! Я думал, что сошел с ума, Сэм, честное слово. Но ведь я в своем уме, а?

Он разрыдался, совсем как ребенок, и у Сэма сжалось сердце. Он испугался, что отца сейчас хватит удар.

— Папа, всё уже позади. Теперь ты отдохнешь. Скажи, ты не знаешь, с этим браслетом можно вернуться домой?

— Браслет Мервозера, — ответил Аллан и громко высморкался, зажав нос пальцами. — Браслет — ну конечно! Ведь мы его добыли, ты знал, Сэм?

Едва они дошли до основания железной лестницы, как вдали раздался грохот и топот: толпа стражников начала спускаться. Звон оружия, ругань, крики «Смерть чужакам!», приглушенные расстоянием... Вероятно, воины разобрали завалы и нашли проход, а может, кто-нибудь рассказал им про тайный туннель.

— Папа, нужно идти! Потихоньку, ладно? Иди в своем ритме, я тут, за тобой.

Они еле-еле поднялись по железной лестнице и оказались внутри заброшенной мельницы. Аллан совершенно выбился из сил, он привалился к стене и сполз на землю, застонав от измождения. Шум и крики, доносившиеся снизу, приближались...

Сэм закрыл люк и стал заваливать его камнями.

— Это я... я вырезал для тебя эти буквы под окошком, — проговорил Аллан, указывая на инициалы АФ на каменной стене. — Всё из-за меня, Сэм, это я втянул тебя в это.

— Папа, перестань, главное, теперь мы вместе.

— Нет, нет, ты не понимаешь. Я нарочно...

Сэм помог отцу подняться, и тот тихонько вскрикнул от боли.

— Спина разваливается, — поморщился он. — Это мне наказание...

— Не говори ерунды. Вперед, всё будет хорошо!

Они вышли из разрушенного здания: Аллан — согнувшись от боли, Сэм — поддерживая отца. На этот раз Сэм решил не идти вдоль реки — вместо этого они углубились в лес, там можно было хоть немного укрыться от преследования. Правда, укрытие было мрачноватое: приближался вечер.

— Я хочу, чтобы ты знал, Сэм, — снова заговорил отец. — Я всё это подстроил...

— Что ты подстроил?

— Я не был уверен, но так говорилось в письме... Я... я не хотел полагаться на удачу, понимаешь, мне необходим был этот браслет!

— В письме? В каком еще письме? — спросил Сэм, решив, что, пока они идут, лучше поддерживать отца в его бреду.

— Письмо от турецкого посла... Ката... Ката... не помню, как там дальше. Тот, которого султан послал к Дракуле за деньгами... Его тоже в итоге посадили на кол.

Аллан откашлялся и продолжал:

— За всё время, что он был послом, Ката... Ката-как-там-его много раз писал султану. В одном из писем он рассказывает, что Дракула во время их первой встречи был страшно зол, поскольку прямо перед этим какой-то мальчишка украл у него очень ценную вещь. Простой мальчишка! Он не мог прийти в себя целую неделю. Я знаю об этом, так как однажды имел возможность прочесть их переписку...

Сэмюел боялся предположить, что будет дальше.

— То есть ты хочешь сказать, что этот мальчишка?..

— Сэм, я ни в чём не был уверен. Я думал, что, возможно, сам смогу пробраться в верхнюю комнату и добыть браслет. Но в случае провала... Я понимал, что у тебя шансов добыть украшение, по всей видимости, больше, чем у меня. Понимаешь?

Сэмюел был сражен наповал.

— То есть... то есть ты всё знал заранее... Монета у Макса, роман Уильяма Фолкнера и всё остальное... Всё это было не для того, чтобы я тебя спас, если это вдруг понадобится, а для того, чтобы я добыл безделушку, как предрекало письмо посла?

— Я честно надеялся справиться сам, — сконфуженно начал оправдываться Аллан. — Честное слово! Это... это очень ценный браслет, Сэм.

— Да, миллион долларов, ты это пометил на последней странице записной книжки!

— Я был уверен, что если ты найдешь ответы на все загадки, то сможешь дойти до цели! Сможешь пройти все испытания! И ведь я не ошибся!

Сэмюел был так потрясен, что не находил слов. Его отец хотел, чтобы он, Сэм, украл браслет Мервозера! Он рисковал не только собственной жизнью, но и жизнью своего сына ради денег! Он что, в самом деле сошел с ума?

— Но почему ты не рассказал мне обо всем прежде, чем исчезнуть? Зачем взял и сбежал, никого ни о чём не предупредив и никому...

Его слова перекрыл крик, доносившийся со стороны мельницы. Видимо, камни на крышке люка не смогли долго противостоять натиску воинов. Если судить по сиянию факелов на поляне и по крикам, которые смешивались с лаем собак, преследователей было немало.

— Собаки! — охнул Сэм. — Они спустят на нас собак!

Он ускорил шаг, уже практически волоча отца на себе. Лес вокруг становился всё мрачнее, но держать факел зажженным сейчас было очень опасно. Он потушил его о ствол дерева и швырнул за спину.

В какую сторону двигаться? Где именно находится Камень? Чтобы не проскочить мимо, придется спуститься к реке...

Они пробрались через бурелом и вышли к воде. Оказавшись на открытом пространстве, Сэм почувствовал, что собаки уже совсем рядом.

— Папа, у тебя случайно нет монеты с отверстием?

Аллан задыхался: с самой мельницы дыхание его становилось всё слабее и тяжелее. К тому же худоба отца была такой устрашающей, что Сэм боялся сломать ему кости, просто крепко его обняв.

— То есть... то есть тебе всё-таки еще нужен твой старый отец, а? — пробормотал он с вымученной улыбкой. — Правило номер один, Сэмми: всегда закапывай монету рядом с Камнем!

— Ты... Ты это серьезно? Рядом с Камнем правда есть монета??

— Зачем мне врать... Тебе еще столькому нужно научиться, сынок!

У Сэма будто выросли крылья: сейчас они найдут монеты, воины Дракулы их не поймают, и они успеют воспользоваться Камнем!

— В-в-ва-а-а-у-у! — взвыла собака, словно желая возразить Сэму.

Через сто метров он узнал местность: камыши, высокая ель со сломанными лапами...

— Камень тут, — обрадовался он. — Целый и невредимый! Ты помнишь, где монета?

Аллан неопределенно махнул в направлении берега, Сэмюел усадил его на траву, а сам принялся бешено рыть землю. За полгода тут, конечно, всё сильно заросло...

— Ты имеешь полное право таить на меня обиду, Сэм, — начал Аллан негромко. — Я был плохим отцом. С тех пор как умерла твоя мать, я вел себя так... так, как будто меня здесь нет. Тебя наверняка мучил вопрос, чем таким я занимаюсь вместо того, чтобы заботиться о тебе!

— Представь себе, я уже и сам примерно догадался, — ответил Сэм, стараясь ничем не выдать своих чувств. — Дедушка рассказал, что у тебя были проблемы с деньгами, и... В общем, я понимаю, антикварные книги и старинные драгоценности — это, должно быть, очень заманчиво...

— Какие драгоценности? Ты что, думаешь, я делал это ради денег? Да мне плевать на деньги, ты же меня знаешь!

— А Пуп земли? Я был в Дельфах, пап, мы с тобой совсем чуть-чуть разминулись... Пуп земли был продан в Лондоне за десять миллионов долларов! Неплохо для человека, которому плевать на деньги...

— Пуп земли? — с жаром воскликнул Аллан. — Да я никогда не был в Дельфах, Сэмми! И никакого Пупа земли никому не продавал!

Казалось, он говорит искренне, но у Сэма не было времени над этим поразмыслить. Свет факелов приближался, собаки выли от нетерпения. Тут пальцы Сэмюела нащупали в земле благословенный металлический кружок...

— Есть! — крикнул он.

Быстро обтерев монету о рубашку, он вернулся к Аллану.

— Цепляйся за меня, пап! Поехали!

Камень завибрировал под ладонью Сэма. Он положил Золотой обруч в высеченное углубление и прижал монету к солнечному диску, стараясь не обращать внимания на лай, который раздавался уже совсем рядом.

— Я очень слаб, Сэмми, — проговорил Аллан, хватая сына за талию. — Не уверен, что перенесу путешествие.

— Не беспокойся, папочка, всего минута — и мы дома.

— Послушай. Если со мной что-то случится, я хочу, чтобы ты знал... Я никогда ничего не воровал, Сэм. Ни книг, ни драгоценностей... Ты должен мне верить. Этот... этот браслет — предмет очень необычный, ты знаешь. Он действует вместе с Камнем и...

Сэмюелу хотелось остановить отца, успокоить его, обнять и сказать, что всё будет хорошо, но пальцы его уже покалывал жар времени, и Камень вот-вот должен был засосать их в свой вакуум.

— Я уверен, что с помощью этого браслета можно спасти маму, — донеслись до Сэма едва различимые слова отца. — Слышишь? Ты можешь спасти маму!

Примечания

1

Барионикс — род хищных динозавров, обитавших на территории Европы около 130 миллионов лет назад. (*Здесь и далее — примечания переводчика.*)

2

В первом томе «Книги времени» Сэм смог победить в турнире по дзюдо в том числе и благодаря странному побочному эффекту путешествий с помощью Камня. Чуть позже об этом эффекте будет рассказано подробнее.

3

Французский мореплаватель (1491–1557), положивший начало колонизации Францией Америки.

4

Омфал — в переводе с древнегреческого «пуп». Так древние греки называли камень, стоявший в святилище Аполлона. Греки считали, что земля — это плоский круг и что омфал находится в самом его центре.

5

Сидни Кросби — в прошлом (2003–2005) центральный нападающий канадской хоккейной команды «Римуски Осеаник» (теперь, если кому интересно, играет за американских «Питтс — бургских Пингвинов»).

6

Изначально Исида и Хатхор были двумя разными древнеегипетскими богинями. Первая отвечала за плодородие, воду, ветер, небо, семью и мореплавание. Вторая — за небо, плодородие и любовь. Как видите, их функции были довольно схожи, поэтому в конце концов они стали отождествляться друг с другом. В древности обеих богинь изображали в виде небесных коров, позднее — в виде женщин с рогами коровы на голове.

7

Роман американского писателя Уильяма Фолкнера в оригинале называется *Intruder in the Dust*, что означает «незванный гость», «чужак» и «захватчик», но на русском языке эта книга издается под названием «Осквернитель праха» (1968, перевод М. Богословской-Бобровой).

8

Пастух рассуждает почти как древнегреческие философы, выстраивая цепочку логических умозаключений, которые в логике и философии называются дедуктивными (от латинского *deductio* — выведение одного из другого).

9

Восьмой месяц дельфийского календаря, соответствующий середине февраля — середине марта.

10

На территории святилища Аполлона в Дельфах помимо самого святилища находились так называемые посвящения — посвятительные дары Аполлону. Часть этих посвящений хранилась в сокровищницах — обычно эти сокровищницы строили общины древнегреческих городов. Самой богатой из них была сокровищница афинян.

11

Архонт — высшее должностное лицо в древнегреческих полисах.

12

Самос — греческий остров в Эгейском море, родина знаменитых древнегреческих философов Пифагора и Эпикура.

13

Перед прорицанием пифия пила воду из священного источника и жевала лист лавра.

14

Американская рок-группа The White Stripes была образована в 1997 году в городе Детройт, штат Мичиган. Группа состояла всего из двух

участников — гитариста/пианиста/вокалиста Джека Уайта и барабанщицы-перкуSSIONистки Мег Уайт.

15

Seven Nation Army — первая песня на альбоме Elephant (2003) группы The White Stripes. Гитарный рифф из этой композиции известен во всём мире, его, например, часто распевают на трибунах болельщики во время футбольных матчей.

16

I Just Don't Know What To Do With Myself — четвертая композиция с альбома Elephant группы The White Stripes (2003).

17

Лампы первобытных людей были очень примитивными. В камне выдалбливалось небольшое углубление, в которое клали жир. Сюда же опускали фитиль. Фитиль поджигали, жир нагревался и плавился, лампа горела.

18

«Флинстоуны» — американский мультсериал, рассказывающий о жизни семейства по фамилии Флинстоун в каменном веке.

19

Чубакка — персонаж киносаги «Звездные войны», гуманоид, с ног до головы покрытый густой бурой шерстью.

20

«*Ночь живых мертвецов*» (1968) — классический фильм ужасов про зомби режиссера Джорджа Ромеро.

21

Палестра — древнеримский спортзал, место, где посетители бань могли заняться физическими тренировками.

22

В Помпеях на улице Стабий действительно находились знаменитые местные бани — термы.

23

Римская монета.

24

The Chicago Defender — еженедельная газета, основанная в 1905 году и предназначенная в первую очередь для афроамериканской аудитории.

25

Знаменитый кинотеатр «Тиволи» действительно находился в Чикаго на пересечении 63-й улицы и авеню Коттедж-гроув с 1921 по 1963 год, после чего, к сожалению, был разрушен.

26

«*Шагреновая кожа*» (1831) — роман французского писателя Оноре де Бальзака. Кусок шагреновой кожи — талисман, он исполняет любые желания, но при этом уменьшается в размерах, тем самым приближая кончину героя, которому принадлежит.

27

Сквот — жилье, устроенное в заброшенном доме, который захватывают и обживают люди, не имеющие на это никакого юридического права: они не платят денег за жилье и просто пользуются тем, что здание в данный момент никому не нужно.

28

В первом томе «Книги времени» Сэму удалось выяснить, что Камень даровал людям египетский бог Тот — «тот, кто управляет временем, меняет ход сезонов и порядок дней».

29

Ра — древнеегипетский бог солнца.

30

Румынское слово *drac* (дьявол) образовано от латинского *draco* (змея, дракон).

31

В молдавской и румынской мифологии стригой — это вампир, в которого превращается повешенный.

32

Стелс — жанр компьютерных игр, в которых игрок должен действовать максимально незаметно, не оставляя следов.